

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

188

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

188

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1986

Выпуск посвящен экспедициям, работающим в зоне новостроек. В статьях подводятся итоги многолетних исследований, публикуются сводные данные. Среди памятников — стоянки, поселения, могильники, города. Хронологический диапазон материалов — от первобытности до средневековья.

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

В. Г. МИРОНОВА, А. В. ЧЕРНЕЦОВ

СТАТЬИ

А. Е. ЛЕОНТЬЕВ, В. В. СИДОРОВ, И. В. ИСЛАНОВА

ВОЛГО-ОКСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
В 1977—1983 гг.

Волго-Окская экспедиция проводила исследования в зонах новостроек на территории Калининской, Ярославской и Костромской обл. — на девяти объектах. Большинство из них — проектируемые, что определило значительный объем археологических разведок. Всего зафиксировано свыше 550 археологических памятников, большинство из которых ранее не были известны.

В течение пяти лет с перерывами велись исследования в бассейне оз. Неро (Ростовский р-н Ярославской обл.). Проектирование крупных мелиоративных систем потребовало создания археологической карты, охватывающей не только озерную котловину, но и все притоки озера (рис. 1). В результате археологических разведок закончено полное обследование района, начатое Верхневолжской экспедицией под руководством Д. А. Крайнова.

Полученные результаты позволяют в общих чертах охарактеризовать историю населения региона на протяжении нескольких тысячелетий.

При обследовании бассейна озера выявлено много памятников неолита (рис. 2). Все они тяготеют к краю широкой озерной террасы, которая формировалась, по-видимому, в позднеледниковье и раннем голоцене из размыва берегов и наносов рек Сары и Устье и ручьев. Выход террасы из воды начался довольно поздно — лишь в двух самых высоких точках дельты рек имеются следы кратковременных, вероятно, мезолитических стоянок (Ростов, Поречье I). Там же наблюдается небольшое количество раннеолитического материала. По-видимому, до V тысячелетия терраса была сильно заболочена. Позднее происходит быстрое падение уровня озера, край террасы оказывается хорошо дренирован и появляется довольно много стоянок среднего неолита.

Неолитические памятники ранее обследовались здесь Д. Н. Эдингом, М. В. Талицим, Д. А. Крайновым, Л. В. Кольцовым, А. Л. Никитиным, О. С. Гадзяцкой. Проводились раскопки поселения Уница, шурфовка поселений на Рождественском острове и Сельцо I¹. В последние годы на озере выявлены четыре долговременных поселения, существовавших в льяловское время и позднее: Уница, Песошня, Варос и Сельцо I и не менее 12 кратковременных. Проводились небольшие раскопки на стоянке Кучебешь. Сильно измельченная позднельяловская керамика рассеяна в слое, частью перемешанном, поскольку позднее здесь существовало поселение с сетчатой керамикой эпохи бронзы.

Другой исследованный памятник — поселение Варос на южном берегу озера на краю дельты р. Сары, где вскрыто 82 кв. м. Обнаружено более 10 тыс. находок, не считая фаунистических остатков. Поселение занимает высокий край первой террасы. Раннеолитический материал рассеян в нижней части слоя. Льяловское поселение раннего этапа уже имело углубленные жилища, что свидетельствует о значительном падении уровня озера к этому времени. Вышележащий горизонт характеризуется

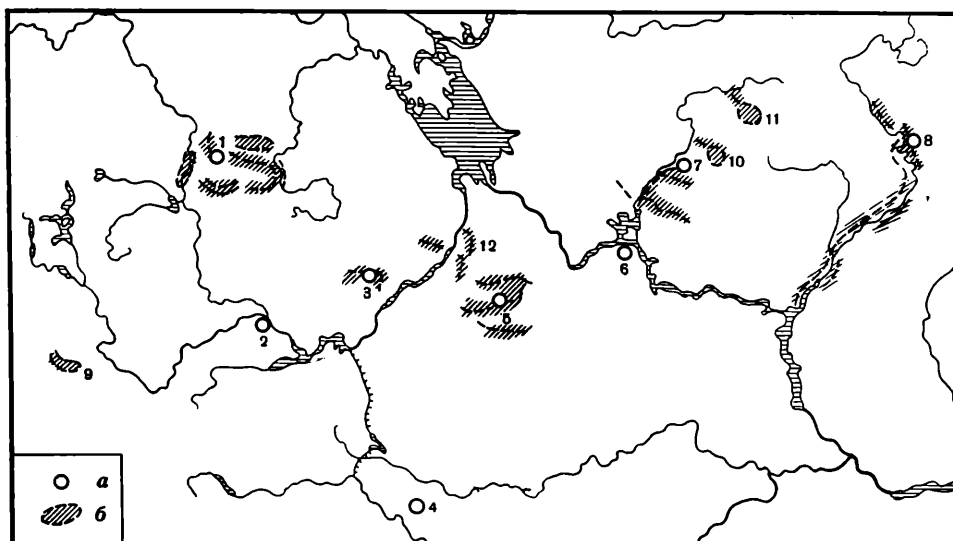

Рис. 1. Зоны исследований Волго-Окской экспедиции

a — раскопки; *b* — зоны археологических разведок; 1 — зона археологических раскопок; 2 — г. Калинин; 3 — стоянки Языково; 4 — стоянки Маслово Болото; 5 — бассейн оз. Неро; 6 — курганы у дер. Коряково; 7 — зона археологических раскопок; 8 — городище у дер. Попово; 9 — р. Тудовка; 10 — оз. Галичское; 11 — оз. Чухломское; 12 — реки Улейма, Юхоть, Корожечна

керамикой типично льяловской, а еще выше господствует редкочечная. Слои четко не разделяются, меняется только соотношение количества разнотипной керамики. Прослежено частично разрушенное вторичное погребение, перекрытое скоплением керамики среднего этапа. Наибольшую близость льяловский комплекс Вароса обнаруживает к материалам стоянок бассейна Нерли и Плещеева озера².

Льяловский комплекс перекрыт пластом с многочисленной гребенчатой керамикой протоволосовского типа. На оз. Неро последняя представлена на стоянке Уница круглодонными сосудами, густо орнаментированными гребенчатыми композициями из оттисков разнообразных зубчатых штампов и ямок, с расчесом внутренних поверхностей. В тесте обнаружены минеральные примеси. Эта керамика не связана с льяловским пластом и, скорее всего, генетически связана с волосовской.

На стоянке представлен волосовский материал. Есть также фатьяновская, абашевская и сетчатая керамика эпохи бронзы. Костяные орудия встречаются во всех слоях, особенно многочисленны они в волосовском. Можно отметить фигурку змеи, короткие биконические наконечники стрел.

Особую и, видимо, самостоятельную группу составляют стоянки Ловецкого озера, через которое проходила р. Сара в верхнем течении. Здесь выявлено долговременное поселение и четыре стоянки с льяловской керамикой. Особый интерес представляет стоянка Ловецкая 6, где обнаружены остатки постройки и чистый комплекс среднего этапа льяловской культуры. На остальных стоянках в верхних слоях найдена сетчатая керамика.

При обследовании долины рек Устья и Которосли памятники древнее стоянок с сетчатой керамикой не обнаружены. Не оказалось их и на озерах системы р. Пулохмы (Рюмниковском, Осоевском и др.), нет следов стоянок на Сарском болоте при истоке р. Сары.

Для характеристики памятников эпохи бронзы интересен материал небольшого раскопа на стоянке Липовка I. В тонком слое вокруг одного каменного очага вскрыто скопление керамики, половину которой составляют фрагменты сетчатых сосудов, остальные — фатьяновские, поздняяковские, абашевские и поздневолосовские. Среди них имеются и гибридные

ные формы. По-видимому, здесь наблюдается начало формирования культуры сетчатой керамики из разных по происхождению компонентов. Каменная техника деградированная. Подобное сочетание разнокультурной керамики бронзового века и атипичных кремневых орудий встречено при раскопках нижнего слоя селища Вёксицы I, основные напластования которого относятся к I тысячелетию н. э.³

В целом комплексы эпохи бронзы, которые выделены на многослойных поселениях Ростовской котловины, показывают, что местами обитания остались те же участки берегов, какие использовались населением в неолитическое время. Фатьяновская керамика встречается на главных поселениях — Рождественский остров, Уница, Варос, но имеются и небольшие фатьяновские стоянки. С появлением сетчатой керамики количество таких стоянок значительно возрастает. Они обнаружены не только по берегам озера, но и в бассейнах ближайших рек. Некоторые из них большие по площади — слой стоянки Кучубешь с сетчатой керамикой тянется более чем на 500 м. Среди остеологического материала верхнего

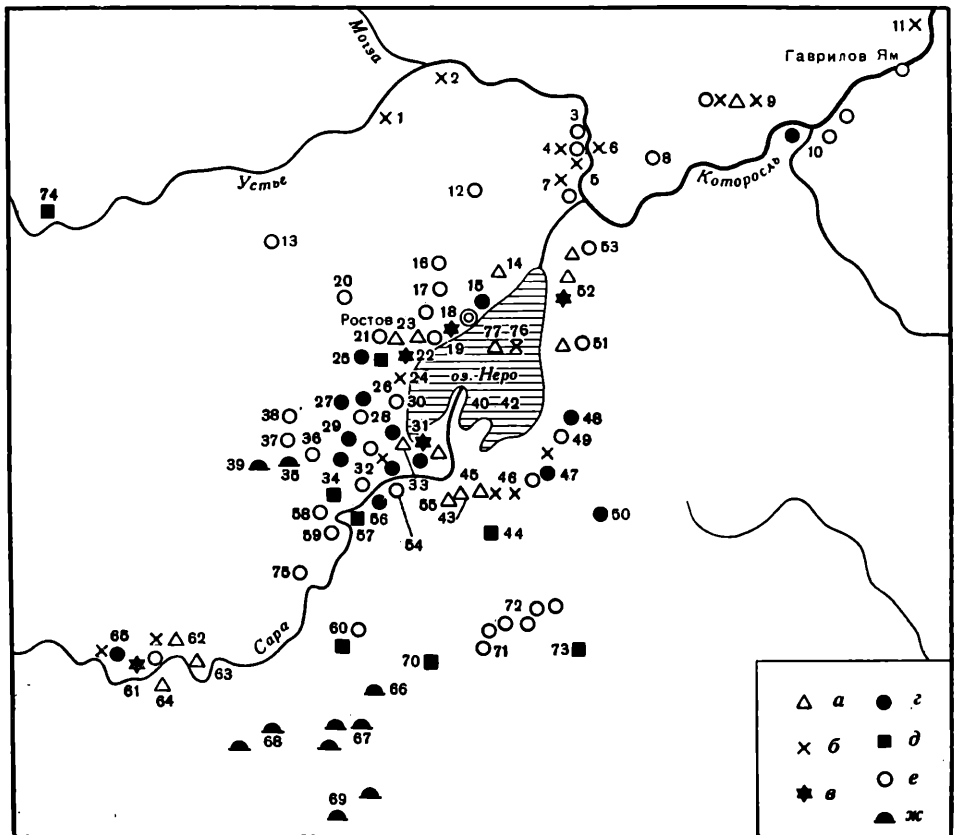

Рис. 2. Археологические памятники бассейна оз. Неро

а — неолитические стоянки; б — стоянки эпохи бронзы; в — поселения неолита и бронзы; г — селища железного века; д — городища; е — древнерусские селища; ж — курганы; 1 — Большое Дуброво; 2 — Осиновицы; 3 — Козлово; 4 — Новоселка; 5 — Меленки; 6 — Кладовицы; 7 — Никола-Перевоз; 8 — Полежаево; 9 — Вакланово; 10 — Черная; 11 — Пурлево; 12 — 14-й километр; 13 — Шулец; 14 — Богоявленская слобода; 15 — Петровская слобода; 16 — Уваиха; 17 — Варницы; 18 — Бабки; 19 — Юрьевская слобода; 20 — Подыбье; 21 — Богослов; 22 — Песопня; 23, 24 — Песочное; 25 — Пужбол; 26—28 — Шурскол; 29 — Дубник; 30—32 — Львы; 33 — Кучубешь; 34 — Козарна; 35, 36 — Кустерь; 37 — Алешково; 38 — Алейайцыно; 39 — Талицы; 40, 41 — Варос; 42, 43 — Поречь; 44, 45 — Филлимоново; 46 — Липовка; 47 — Вёксицы; 48, 49 — Воржа; 50 — Новоселка; 51 — Угодичи; 52 — Сельцо; 53 — Сулость; 54 — Снятиново; 55, 56 — Деболовское; 57 — Сарское городище; 58 — Левина Гора; 59 — Теханово (Сарское II); 60 — Осокино; 61—64 — Ловцы; 65 — Новотроицкое; 66 — Люблики; 67 — Колоново; 68 — Дертники; 69 — Вепрева Пустынь; 70 — Гусарниково; 71 — Рюмниково; 72 — Осоево; 73 — Лихинино; 74 — Акулово; 75 — Деревня; 76 — Рождественский остров; 77 — Уница

слоя поселения Варос имеются кости коровы, лошади, свиньи. Очевидно, переход к малым стоянкам со слабонасыщенным слоем отражает изменение в образе жизни людей конца бронзового века, что связано с возникновением и развитием скотоводства. Комплекс Липовки показывает, что в сложении этой культуры приняли участие как аборигены (финально-волосовский комплекс), так и фатьяновские и поздняяковские племена. Могильники фатьяновской культуры в бассейне оз. Неро исследованы Д. А. Крайновым ⁴.

Памятники раннего железного века в Ростовской котловине представлены небольшими, площадью около тысячи кв. м, городищами с сетчатой керамикой. В исследованном районе их известно всего лишь пять. К ним, возможно, относились еще два поселения, не уцелевшие до наших дней. Городища удалены друг от друга и не составляют тяготеющей к озеру компактной группы. Аналогичные памятники известны поблизости в бассейнах рек Которосли и Устья, на притоках Плещеева озера. Характерной чертой ростовских городищ является их относительная недолговечность: культурный слой невелик (до 0,3 м толщиной) и содержит только сетчатую керамику. Этим они отличаются от классических дьяковских городищ Москворечья, имеющих мощные напластования. Единственный раскоп на разрушенном Филимоновском городище затронул часть заплывшего рва и расположенной поблизости крупной наземной постройки. Найдены керамика, обломки курантов и зернотерок, остеологический материал. Вещей, которые могли бы датировать поселение, не встречено ⁵.

Археологические разведки показали, что сетчатая керамика встречается очень часто, причем не только на стоянках бронзы. Отдельные фрагменты или их небольшие серии обнаружены на всех более поздних памятниках — мерянских и древнерусских селищах. Однако отдельных стратиграфических горизонтов с такой посудой на этих поселениях не выявлено. Сам факт находок сетчатой керамики в местах, не характерных для стоянок эпохи бронзы, заставляет рассматривать ее как свидетельство существования недолговременных поселений раннего железного века там, где впоследствии селилось новое население.

Из сохранившихся памятников к этому периоду относится селище Шурскол I, расположенное на склоне коренного берега озера, незначительный по толщине слой которого содержит сетчатую керамику, а также селища у Петровской слободы и Сулости. Нет никаких данных о возможной хронологической и культурной связи поселений раннего железного века с более поздними. Достоверные памятники середины I тысячелетия н. э. не известны.

Следующая группа памятников представлена поселениями второй половины I тысячелетия н. э. На берегах озера выделено 12 памятников ⁶. Они расположены в необычных для этого времени топографических условиях, занимая порой возвышенные места на коренных озерных берегах (Шурскол III, Дубник, Козарка, Новоселки), что более характерно для позднейших деревень «при колодцах», или, наоборот, останцы и первую береговую террасу, где обычно находятся неолитические стоянки.

Большинство поселений имеют крупные размеры. Так, площади селищ Шурскол III и Новотроицкое достигали 8 га, остальных — от 1—2 до 4 га. Культурный слой отложился на них отдельными крупными пятнами размерами до нескольких тысяч кв. м, что, очевидно, соответствует усадебной застройке. Сохранность большинства памятников неудовлетворительна: многолетняя, если не многовековая распашка полностью перемешала в большинстве случаев незначительный по толщине культурный слой.

Рекогносцировочные раскопки велись на шести памятниках: Вексицы I, Львы III, Деболовское II, Новотроицкое, Казарка и Шурскол III. Общая площадь раскопов составила около 1500 кв. м. Сходная керамика, идентичность форм массовых изделий (ножи, наконечники стрел, пряслица, льячки, литейные формочки, части характерных украшений) не

оставляют сомнений в принадлежности поселений мери и их безусловной связи с известным ранее Сарским городищем⁷. Анализ остеологического материала (В. П. Данильченко) показал большое значение разведения лошадей, что вообще характерно для хозяйства финно-угров I тысячелетия н. э.⁸ На селищах Шурскол I, Козарка, Новотроицкое встречены следы кузнечного ремесла (заготовки орудий, шлаки) и бронзолитейного производства (формочки, тигли). Открыты остатки наземной срубной постройки размерами 4,5×4,5 м, судя по очажному пятну, жилой. Отличительной особенностью конструкции является далекий (на 0,6 м) вынос концов нижнего венца сруба по одной стенке.

В целом время существования поселений определяется второй половиной VII—IX в. К более раннему времени, возможно, относятся небольшие селища Вексыцы I и Деболовское II, имеющие некоторые особенности в керамике. Столь же вероятно продолжение жизни на поселениях и в X в., что подтверждается материалами Сарского городища.

Открытие памятников летописной мери Ростовского озера подтвердило неслучайность появления именно здесь первых славянских поселенцев. Ранние древнерусские селища на берегах озера также имеют крупные размеры и иногда соседствуют с мерянскими. Возникнув в IX—начале XI в., они продолжают существовать до XIII в., а некоторые и — более длительное время. Угодичи, например, и сейчас являются крупнейшим селом на берегах озера. Первоначальное поселение, с которым можно связывать клад куфических монет начала IX в. (814 г.), расположено на северо-восточной окраине современного села. В дальнейшем жизнь на этом месте не прерывалась вплоть до нашего времени. Лепная керамика древнерусских селищ в целом отличается от мерянской⁹, хотя в условиях близких этнических контактов естественна была смешанность керамических комплексов¹⁰.

Ограниченные по объему раскопки велись на селищах Шурскол II и Кустерь. Первое из этих поселений возникло в X в. и существовало до XIII в. Вскрыты остатки нескольких разновременных построек. Среди находок есть традиционное финское украшение XI в. — круглая нагрудная бляха с шумящими привесками¹¹.

Появление мери в среде древнерусских поселенцев закономерно. На селище Кустерь вскрыта мерянская постройка, идентичная по формам и конструктивным особенностям обнаруженной на селище Шурскол III. Показателен и сопровождающий комплекс находок, в числе которых серебряная полая подвеска-уточка и два специфических односторонних костяных гребня, один из которых украшен парными головками коней. Подвеска-уточка датирует постройку IX в.¹²

Если первоначальные древнерусские поселки тяготеют к озеру, то в XII—XIII в. начинают осваиваться территории по озерным притокам, мелким ручьям. Памятники этого времени по размерам меньше предшествующих и, как правило, недолговечны. Практически полное отсутствие материалов XIII—XV вв. лишней раз подчеркивает опустошительность татарских набегов.

Редкий тип памятника исследован близ Сарского городища¹³. Это временный лагерь «гостей», едва ли существовавший дольше одного сезона. Он занимал мыс на левом, противоположном берегу р. Сары в 150 м от городища. Небольшой по площади (около 300 кв. м) тонкий культурный слой содержал специфический набор вещей — 18 разнообразных по форме наконечников стрел, доспешные пластины, части конского набора, две весовые гири, обломок стремени, рукоять плети, фитильные трубки, наконечник рогатины. Весь этот типично мужской «дружинный инвентарь» не сопровождался обычными бытовыми вещами. Крайне мало керамики, нет пряслиц, отсутствуют следы производства. Не зафиксировано следов разновременных построек. Многочисленные столбовые ямы указывают скорее на существование каких-то временных сооружений. Сезонность лагеря подтверждается наличием открытого очага, расположенного в стороне от зоны распространения культурного слоя. Находки

двух кувшинных монет, младшая из которых чеканена в 906—907 гг., позволяют датировать лагерь при учете остального вещевого комплекса началом X в.

Кроме поселений, в районе озера зафиксировано несколько курганных групп. Как известно, большинство ростовских курганов раскопано П. С. Савельевым в 1854 г. Незначительные по объему раскопки проводились и позднее, вплоть до начала 20-х годов. Сохранившиеся группы (от 3 до 30 насыпей) принадлежат к числу поздних (конец XI—XII в.). У дер. Кустерь и Вепрева Пустынь сохранились остатки крупных курганных могильников конца X—начала XII в., раскопанных П. С. Савельевым.

Важным археологическим памятником является город Ростов. Одним из направлений работ экспедиции в 1983—1984 гг. была подготовка материалов для установления охранных зон культурного слоя в городе. Заложённый в Кремле шурф показал перспективность археологических исследований. Культурный слой домонгольского времени достигает мощности 2,2 м.

В продолжение работ прошлых лет¹⁴ в Калининской обл. проводились исследования в бассейне рек Мологи и верхней Мсты¹⁵, где было зафиксировано 176 памятников от мезолита до раннего средневековья, из них 120 ранее неизвестных. В результате достаточно полной может считаться карта памятников раннего железного века и начала средневековья (рис. 3).

Обследовано 10 городищ железного века. Площадки их невелики — от 1000 до 2800 кв. м и лишь в одном случае 6000 кв. м. К трем городищам («Семики», Дягилово, Полукарпово) примыкают синхронные селища. Большинство городищ мысового типа с одним, реже — несколькими валами и рвами. Два городища расположены на оконечностях озовых гряд («Семики», Дягилово) вблизи древних, ныне заболоченных озер. Иногда использовались отдельно стоящие моренные холмы (Казикино, Федяевка), склоны которых эскарпировались.

Семь неукрепленных поселений эпохи раннего железа обнаружены в местностях, где городища отсутствуют: Дрюцково, Любодицы, Кучели, Бежицы, Мокшицы, Костениково, Млево. Культурный слой этих селищ перекрыт более поздними напластованиями конца I—начала II тысячелетия н. э.

В третьей четверти I тысячелетия н. э. в юго-восточной части региона (верхняя Мста и Волчина) появляются памятники культуры длинных курганов. В 1981—1982 гг. обследованы группы Рыжаково, Млевский Бор. Это — крупные погребальные комплексы, состоящие из пяти и шести групп курганов. Выделяется три основных типа курганов: удлиненные до 10—16 м длиной; малые округлые высотой в среднем 0,5 м и диаметром не более 10 м; округлые с площадкой на вершине высотой 1—1,5 м и диаметром более 10 м. Погребальные памятники культуры длинных курганов верхней Мсты и Волчины известны только на песчаных почвах, преимущественно на берегах рек, озер и проток. Характерно, что поблизости находятся городища и поселения эпохи железа (Дягилово, «Семики», Липовицы, Чеголшево, Дивинец). Вблизи погребальных памятников открыты также селища с лепной керамикой второй половины I тысячелетия н. э., которые предварительно можно отнести к культуре длинных курганов.

К концу I тысячелетия н. э. относится культура сопок. Было обследовано 46 пунктов, в которых находится свыше 110 сопок. В Мстинско-Волчинском регионе памятники культуры сопок расположены череполосно с насыпями культуры длинных курганов.

Почти около всех могильников обнаружены поселения. Размеры селищ и могильников взаимосвязаны: селища площадью 1—5 тыс. кв. м встречены близ могильников из одной-двух сопок (Свищево, Ворониha, Полонское, Манихино и др.), селища в 6—12 тыс. кв. м — близ более крупных могильников.

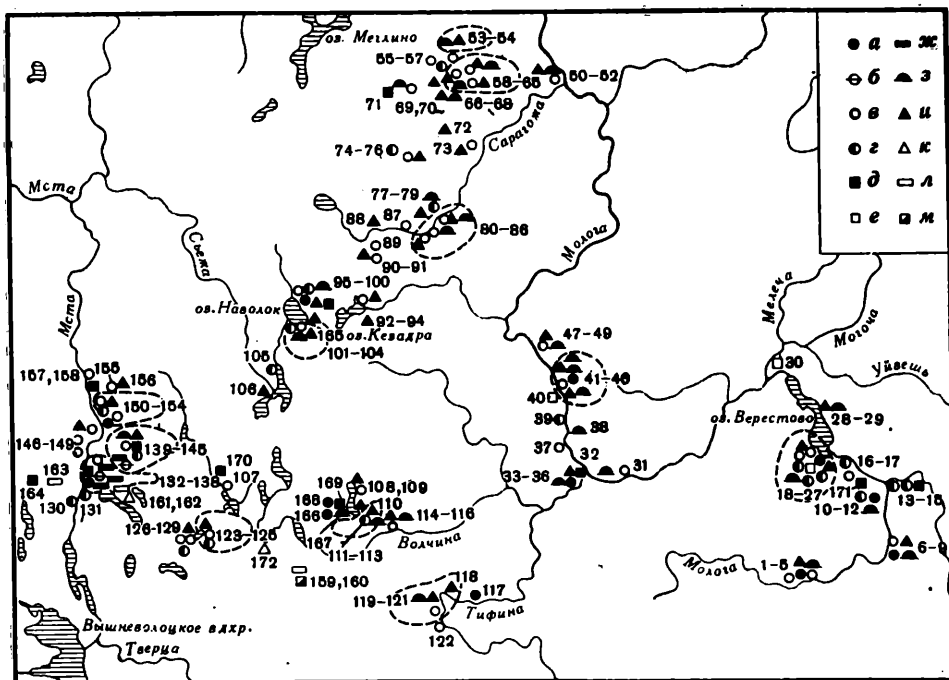

Рис. 3. Карта археологических памятников эпохи железа и средневековья в бассейне Мологи и Мсты, обследованных ВОЭ

а — селища эпохи железа, б — селища культуры длинных курганов, в — селища конца I—начала II тысячелетия н. э.; г — селища XIII—XVI вв. н. э.; д — городища эпохи железа; е — городища конец I—начало II тысячелетия н. э.; ж — насыпи культуры длинных курганов; з — курганы; и — сопки; к—м — сопки, городища, длинные курганы, обследованные другими экспедициями; 1—5 — Дрюцково; 6—9 — Любодицы; 10—12 — Кучели; 13—15 — Городок; 16, 17 — Котляево; 18—27 — Бежицы; 28, 29 — Узмень; 30 — Еськи; 31 — Рыбинское; 32 — Фабрики; 33—36 — Селище; 37 — Ручки; 38 — Хабары; 39 — Ямники; 40 — Загородье; 41—46 — Мокшицы; 47—49 — Огрызково (Сашино); 50—52 — Полонское; 53—54 — Аньково; 55—57 — Борисово; 58—65 — Спас-Преображенское; 66—68 — Куземкино; 69—70 — Глазачево; 71 — Федяевка; 72 — Угрюмова Гора; 73 — Свищево; 74—76 — Обретино (Ворониха); 77—79 — Сарагожское; 80—86 — Мотыли; 87 — Федотково; 88 — Рыжно; 89 — Парьево; 90, 91 — Вирюльки; 92—94 — Устье (р. Кеца); 95—100 — Курово; 101—104 — Белохово (Бережок); 105 — Акулово; 106 — Троица; 107 — Никулькино; 108—109 — Поддубье; 110 — Шестуново; 111—113 — Молдино; 114—116 — Воронцово; 117 — Костениково; 118—121 — Медведково; 122 — Кочка; 123—125 — Ухаб; 126—129 — Дудиха; 130 — Дуброво; 131 — Дунай; 132—138 — Почеп, Млевский Бор; 139—145 — Дягилово (Рыжаково); 146—149 — Поляны; 150—154 — Млево; 155, 156 — Манихино; 157—158 — Казинино; 159—161 — Чеполшево; 161—162 — Пуйга; 163 — Липовцы; 164 — Двинец; 165 — Курово; 166, 167 — Михалево; 168—169 — Полукаршово; 170 — Галичино; 171 — Яренево; 172 — Овсищи

В зависимости от топографии комплексы селище-могильник делятся на две группы: 1) сопки и поселения разделены водоемом; 2) сопки сооружены рядом, на берегу того же водоема. Селища расположены или на относительно ровной открытой местности, или на площадках у подножия склона следующей террасы.

Большинство поселений продолжает существовать и в древнерусское время. Обследовано 14 памятников, культурный слой которых с керамикой XI—XIII вв. перемешан с отложениями IX—X вв., в которых господствовала лепная посуда. Со временем размеры поселений увеличиваются. Рядом с древнерусскими селищами в Сарагожском, Мокшинском микрорегионах возникают курганные могильники XI—XII вв. Интересно, что они сооружаются преимущественно вблизи сопки (Бежицы, Огрызково, Узмень и др.). Наиболее крупные курганные комплексы отмечены у д. Мокшицы (в трех группах свыше 120 насыпей) и Дрюцково (сохранилось 69 насыпей).

Несколько иная картина прослежена в Мстинско-Волчинском регионе. Курганы XI—XII вв. здесь единичны; вблизи ряда поселений со слоями

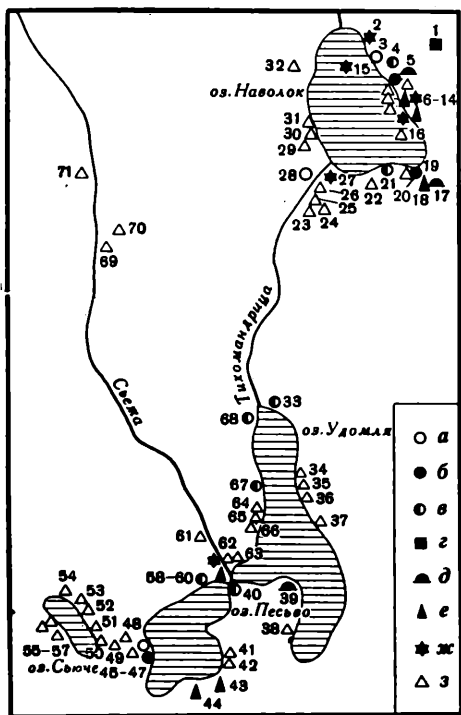

Рис. 4. Археологические памятники оз. Наволок, Удомля, Песьво, Сьуче, Острвенское, Белое

а — селища железного века; б — селища конца I—начала II тысячелетия н. э.; в — селища XIII—XVI вв.; г — городище эпохи железа; д — курганы, е — сопки; ж — стоянки; з — местонахождения. Цифрами на карте обозначены: 1 — Курово, городище; 2 — Курово, стоянка; 3 — Курово III, селище; 4 — Курово I, селище; 5 — Курово, курган; 6 — Курово II, селище; 7 — Курово, сопка; 8 — Курово 4, мезолитическое поселение; 9, 10 — Бабулек 2, 3, неолитические местонахождения; 11—13 — Курово; 5—7 — неолитические местонахождения; 14 — Курово, сопка; 15 — Литвин остров, неолит; 16 — Соха; 17—20 — Бережок; 21—22 — Белохово; 23 — Гадомля; 24—27 — Заселище, мезолитические местонахождения; 28 — Заселище, селище; 29—31 — Гадомля 2—4, местонахождения; 32 — Погорелок, мезолитическое местонахождение; 33 — Чайка, селище; 34—36 — ряд 1—3, мезолитические местонахождения; 37 — Мушinka, мезолит; 38 — Вакарино, мезолит; 39 — Лубенькино; 40 — Троица; 41, 42 — Мерлугино; 43 — Мерлугино; 44 — сопки; 45—47 — Митрошино; 48 — Камушки; 49—57 — Сьуче I—IX; 58, 59 — Троица; 60 — Удомля 6; 61 — Спас; 62—66 — Удомля 1—5; 67 — Акулово; 68 — Гарусово; 69, 70 — Лоховское 1—2; 71 — Острвенское

этого времени (Дудиха, Млево) насыпей с труположениями нет. Однако наличие в верховьях Мсты Федовского грунтового могильника этого периода позволяет предполагать, что кладбищами XI—XII вв. здесь могли быть еще не обнаруженные подобные могильники.

На протяжении сезонов в 1979—1980 гг. велись предварительные археологические исследования в Калининской области, на побережьях соединенных между собой оз. Песьво, Сьуче, Удомля и Наволок, относящихся к бассейну верхней Мсты. В результате работ, с учетом данных разведок Ю. Н. Урбана, Г. В. Харитоновой и Е. А. Бодунова составлена археологическая карта озерной системы (рис. 4) и раскопано несколько разновременных памятников на оз. Наволок¹⁶.

Край прекрасно сохранил следы деятельности последнего оледенения. Молодой рельеф берегов не способствует сохранению памятников каменного века.

Полностью изучена позднемезолитическая стоянка Курово 4, расположенная на восточном берегу оз. Наволок, в глубине залива, на террасе высотой около 1 м. Вскрыта площадь около 900 кв. м. Прослежены скопления находок, остатки очагов и столбовые ямы, которые могут соответствовать местам наземных жилищ с хозяйственными ямами внутри. Всего выделяется 14 таких скоплений, частично перекрывающих друг друга. На краю поселения у берега прослежено охристое пятно с кучкой отщепов и палеткой для растирания краски — возможно, следы погребения, аналогичного захоронениям могильника Сандермоха в Карелии.

Керамика на стоянке отсутствует, каменный инвентарь своеобразен. Большинство орудий делалось из осколков и орудий, уже бывших в употреблении. В результате многие из них не стандартны. Присутствует развитая пластинчатая техника, прямоугольные вкладыши, стрелы из пластин и отщепов с частичной ретушью. Очень много тесел и топоров, в том числе разнообразных шлифованных. Отдельные орудия сделаны из старицкого кремня, что свидетельствует о связи с Калининским Поволжьем, хотя в целом это культура совершенно другого круга: она близка к мезолитическим культурам Карелии (Суомусъярви) и Вологод-

ского края. Шлифованные орудия и вкладыши, отсутствие выдержанных форм резцов, типы стрел аналогичны изделиям Оленеостровского могильника, что позволяет датировать стоянку Курово IV началом V тысячелетия до н. э.

На мысах того же залива Бабулек обследованы неолитические стоянки. На южном мысу (стоянка Бабулек III) сохранился слой на площади около 50 кв. м, перекрытый береговым валом из гальки, среди которой найдены острообушковые и овальные оббитые тесла. Немногие из рубящих орудий отшлифованы. Орудия делались на отщепе, встречен фигурный кремь — головка какого-то хищника. В керамике преобладают льяловские черты, есть промежуточные формы, которые по обработке поверхности лощением более близки к верхневолжским. На некоторых фрагментах наблюдается преобладание гребенчатого штампа, свойственное валдайской керамике.

При раскопках Курово II вскрыты остатки плохо сохранившейся стоянки с керамикой, аналогичной поздневалдайской. Встречаются и фрагменты с ямочно-гребенчатыми композициями, но ямки выполнены не белемнитом, а головкой бедренной кости мелкого животного. Кремневый инвентарь стоянки немногочислен. Две стоянки — Гадомля и Курово III — окружены торфяниками, сохранность стоянок удовлетворительная, раскопки их перспективны. Имеются стоянки и на островах.

В бассейне р. Волчины, притока Мсты обследована система озер. Обитаемы в древности были только ближайшие к истоку участки. При истоке находится многослойное поселение Голубые озера IV с льяловским и волосовским комплексами, а на соседних островах найдены многочисленные кратковременные мезолитические и неолитические стоянки с керамикой валдайского и льяловского типов.

Следы культур эпохи бронзы на стоянках исследованного района представлены слабо — они встречены только на поселении Гадомля.

Интересные результаты получены при раскопках селища Курово II, расположенного на восточном берегу оз. Наволок. Площадь его около 3,5 тыс. кв. м. Культурный слой толщиной 0,2—0,3 м полностью перемешан и частично перекрыт отложениями XIV—XVI вв. Был заложен раскоп площадью 565 кв. м, захвативший невысокую насыпь и окружающую ее поверхность. Выяснилось, что содержащий остатки трупосожжения на стороне курган перекрыл окраинный участок селища. Благодаря этому обстоятельству культурный слой сохранился в полной неприкосновенности. Яма XIX в. уничтожила погребение, но отложения селища затронула лишь на незначительном участке. В основании кургана на границе с культурным слоем был обнаружен диржем второй четверти IX в.

Культурный слой толщиной 0,15—0,3 м связан со строительством и функционированием одной из построек. Можно также утверждать, что между временем образования культурного слоя и сооружением кургана прошел очень недолгий срок, за который не успел образоваться почвенный покров (рис. 5).

Облик культуры жителей поселения определяется находками предметов, характерных для дьяковской культуры, к окраинной части ареала которой оно и относится¹⁷. Среди них есть грузики (в непо потревоженном слое найдено 7 экз.), ножи с прямой и горбатой спинкой, двушипные наконечники стрел, обломки зернотерок, миниатюрный сосудик, костяной орнаментированный диск, части бронзовых украшений¹⁸. Достаточно характерна и сопровождающая керамика.

Вместе с этими предметами в том же слое, часто на одной глубине обнаружены вещи, характерные для древнерусских памятников¹⁹. Это зонная стеклянная бусина скандинавского производства молочного цвета с пересекающимися волнистыми полосами темно-коричневого цвета, две крупные золоченые бусы-пронизки, ножи характерной формы с трехслойной структурой клинка (данные Л. С. Хомутовой). Все предметы относятся к концу VIII—началу IX в. Таким образом, результаты раско-

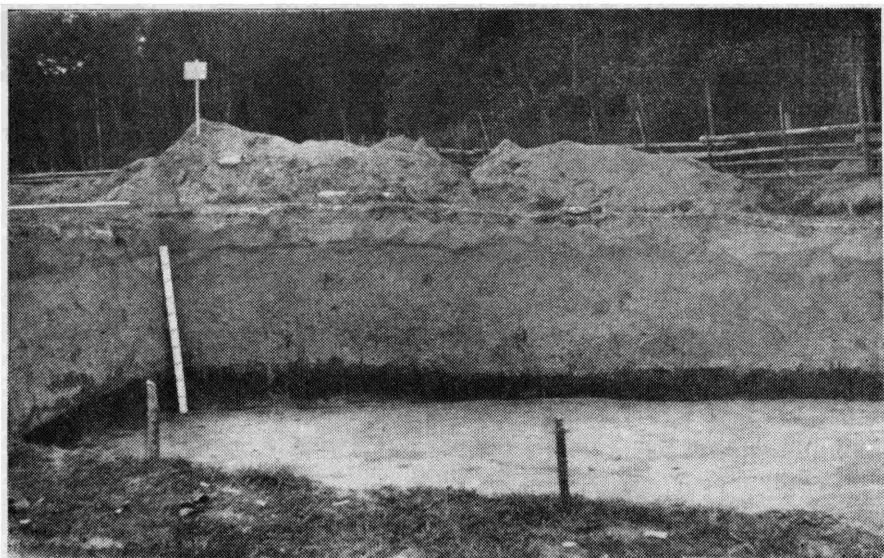

Рис. 5. Селище Курово II. Культурный слой под насыпью

пок подтвердили выводы И. Г. Розенфельдт о возможности существования дьяковских поселений вплоть до конца I тысячелетия н. э.²⁰

Небольшие по объему раскопки проведены на древнерусских селениях X—XI вв. Курово III и Бережек, а также на селище XIV—XVI вв. Курово I²¹.

В связи с проектированием новых мелиоративных систем продолжено исследование стоянок оз. Скорбеж в Кашинском р-не Калининской обл. Древняя озерная система деградировала задолго до освоения ее человеком. Стоянки приурочены к мысам первой террасы, возвышавшейся над р. Яхрома при истоке ее из озерной котловины. Комплекс неолитических памятников состоит из двух долговременных поселений и шести кратковременных. Раскопки производились на памятниках Языково 1, 3, 4.

Главное поселение — Языково 1 послужило в свое время основой для выработки периодизации неолита лесной зоны²². Здесь вели работы А. Е. Алихова, О. Н. Бадер, Ю. Н. Урбан²³.

Результаты работ 1983 г. позволяют интерпретировать различия в характере использования площадки поселения. Прибрежный участок использовался летом. Здесь в отложениях залегают сотни развалов сосудов, сплошные пласты рыбьих костей и чешуи, очень много костей птиц и бобра. Большая насыщенность слоя позволяет надежно фиксировать изменения характера инвентаря на протяжении всего времени существования льяловской культуры. Волосовские слои в прибрежных отложениях характеризуются многочисленными очагами.

Площадка суходола занята зимними жилищами. Здесь иной состав фауны, неравномерность концентрации находок. В верхней части слоя суглинка с верхневолжским материалом обнаружены развалы сосудов, занимавших промежуточное положение между верхневолжскими и льяловскими. Подобный переходный комплекс впервые выделен в четких стратиграфических условиях.

С раннельяловским комплексом стратиграфически увязывается уже третье детское погребение в глубокой яме. Скелет засыпан охрой, положение вытянутое на спине, ориентировка северо-восточная. На черепе две группы пронизок из птичьих костей, на шее — ожерелье из несверленных клыков хищников (барсук, лиса, собака), на дне могилы — костяное острие.

На южном конце раскопа с позднеल्याловским слоем связаны хозяйственные ямы, на северном — остатки наземного жилища. В волосовских

слоях встречены остатки наземных жилищ столбовой конструкции. Одно из них сопровождалось погребениями с янтарными украшениями.

Верхний пласт включал поздневолосявскую и лапчатую керамику. Из этого слоя опущена могила с погребением пожилого мужчины в скорченном положении.

Раскоп на стоянке Языково 3 показал, что она относится к верхневоложской и различным этапам льяловской культур. Встречено довольно много местной редкочаечной керамики, вместе с ней присутствует протоволовская, входящая с позднельяловской в единый комплекс.

Языково 4 оказалось небольшой стоянкой с сильно поврежденным культурным слоем, содержащим материалы от ранней верхневоложской до фатьяновской культур. Возможно, на каком-то этапе здесь существовало постоянное поселение, но значительно меньшей площади, чем Языково 1 и 3.

В 1978 и 1979 гг. проведено археологическое обследование площадки котлована строившегося мемориального комплекса в г. Калинин, в устье р. Тьмаки, на ее левом берегу²⁴. Вскрыты напластования XVI—первой половины XVIII в., в некоторых местах — XV в. В процессе работ выяснилось, что исследуемый участок занимает древний береговой склон, подсыпанный и выровненный лишь в XIX в. и потому не сохранивший следов постоянных построек более раннего времени.

Небольшие разведочные работы проведены в зоне проектируемого водохранилища на р. Тудовка, правом притоке Волги на Оленинском и Селижаровском р-нах Калининской обл. Открыто несколько мезолитических стоянок и селища XIII—XVII вв. Мезолитические стоянки приурочены к расширенным участкам долины, где занимают край низкой первой террасы.

В Костромской обл. археологические разведки охватили левый берег р. Костромы от г. Буя до устья р. Андобы, течение Андобы и Тебзы, побережья озер Галичское и Чухломское, течение р. Унжи от г. Кологрива до устья. Раскопки велись по р. Кострома (Буйский р-н) на городище у д. Попово на р. Унже (Мантуровский р-н). Полностью исследована курганная группа у дер. Коряково в Костромском р-не.

На Чухломском оз. к памятникам, выявленным в 20-е годы известным костромским краеведом В. И. Смирновым, добавлено несколько мелких раннеолитических стоянок. Из более поздних памятников осмотрен известный «Чудский городок» — остатки Авраамиевского Городецкого монастыря у д. Ножкино, где отмечены остатки валов и обнаружено несколько фрагментов керамики XII—XIII вв.

Во время разведок на оз. Галичское при выходе из озерной котловины р. Векса обнаружено скопление мелких мезолитических стоянок без сохранившегося слоя (Заря 1—14) и небольшая стоянка с галичской керамикой. Повторно осмотрены стоянки Умиление, Пески, Туровская²⁵ (последняя почти полностью уничтожена). Многократные и полные обследования позволяют сделать некоторые выводы о характере освоения человеком Галичского озера в каменном и бронзовом веке. Все памятники относятся к трем, не связанным друг с другом и относительно коротким историческим периодам: позднему мезолиту VII—VI тысячелетий до н. э., галичской культуре (рубеж среднего и позднего неолита начала III тысячелетия до н. э.) и к концу эпохи бронзы — конец II тысячелетия до н. э. В остальное время берега озера, по-видимому, не были обитаемы.

Помимо известных в литературе памятников раннего железного века — селища у д. Быки («Пушп») и городища у д. Брюхово на р. Векса²⁶, — зафиксированы селища у д. Лихарево и Брюхово, а также ранее неизвестное городище в г. Галиче. Оно расположено на высоком мысу коренного берега озера, к юго-западу от древнерусского Верхнего городища (Шемякиной горы). Культурный слой небольшой мощности на площадке размерами менее тысячи кв. м содержит сетчатую керамику. Сохранились слабые следы вала и рва.

Незначительные размеры поселений, характер керамики, сохраняющей богатую орнаментику и разнообразную профилировку венчиков, свойственную керамике эпохи бронзы, позволяют отнести все перечисленные памятники к началу железного века и датировать их не позднее первой половины I тысячелетия до н. э. У подножия селища Быки обнаружена стоянка эпохи бронзы.

Несколько поселений, включая ранее известное селище у с. Воскресенское на р. Вексе, могут быть отнесены к концу I тысячелетия н. э. (Интернат, Лихарево I, Туровское). Найденная здесь лепная керамика сходна с известной на мерянских селищах оз. Неро.

Осмотр городища в с. Унорож²⁷ показал наличие напластований двух периодов. Ранний относится, по-видимому, ко второй половине I тысячелетия н. э. Поздний — древнерусский, определяется находками керамики XII—XIV вв. Очевидно, к этому же времени относятся и сохранившиеся валы.

Обследованный участок левого берега р. Костромы от г. Буя до устья р. Андобы беден археологическими памятниками. Исследования показали, что ни в мезолите, ни в неолите постоянного населения здесь не было. Известные стоянки, тяготеющие к устьям рек Тебзы и Андобы, связаны, по-видимому, с путем между Чухломским озером, где было постоянное население (Федоровское поселение²⁸), и низовьями Костромы с многочисленными стоянками²⁹.

Исследована стоянка при истоке р. Саймы, вытекающей из старичного Святого озера, напротив раскопанной И. В. Гавриловой стоянки Поповка I³⁰. Зафиксированы следы кратковременной льяловской стоянки и слегка углубленного жилища галичской культуры с одним очагом и примерно 17 сосудами с гребенчатым орнаментом. Каменная техника близка волосовской.

При устье р. Тебзы найдены две мезолитические стоянки³¹. Особенностью их индустрии является малое количество и низкое качество пожевидных пластин. Подобный материал встречен и на мезолитической стоянке Заозерье ниже устья р. Андобы.

Частично раскопан сильно разрушенный грунтовый могильник с сожжениями конца X—XI вв. у д. Большое Молочное (Буйский р-н), принадлежавший финно-угорскому населению. В раскопе площадью 376 кв. м обнаружены остатки примерно 12 погребальных комплексов. Обряд захоронения специфичен: только половина погребений связана с неглубокими ямами, в которых сохранились развалы одного-двух сосудов. Украшения и железные ножи встречены вне ям, так же как угли и остатки кремации. Часть погребений совершена на поверхности и тоже сопровождалась развалами сосудов и украшениями. Инвентарь представлен характерными бронзовыми шумящими очевидными подвесками крупных размеров, спиральными пронизками, шумящим перстнем, пластинчатым орнаментированным браслетом с расширенными концами, бусинами, ножами. Могильник у д. Большое Молочное — единственный известный погребальный памятник дославянского населения Костромского Поволжья, хронологически непосредственно предшествовавший костромским курганам конца XI—начала XIII в. По обрядности он схож с могильником третьей четверти I тысячелетия н. э. у д. Попово на р. Унже³².

Обследование р. Унжи от д. Ильинское Кологривского р-на до устья показало слабую заселенность ее берегов. Кратковременные небогатые стоянки расположены в основном на прибрежных дюнах. Наибольшее их скопление отмечено в низовьях реки при устье р. Белый Лух у с. Красногорья и пос. Горчуха в Макарьевском р-не (30 стоянок). Около 20 пунктов находок обработанных кремней приурочены к высоким участкам террас. Некоторые из них можно отнести к мезолиту. Культурную и хронологическую принадлежность остальных определить затруднительно.

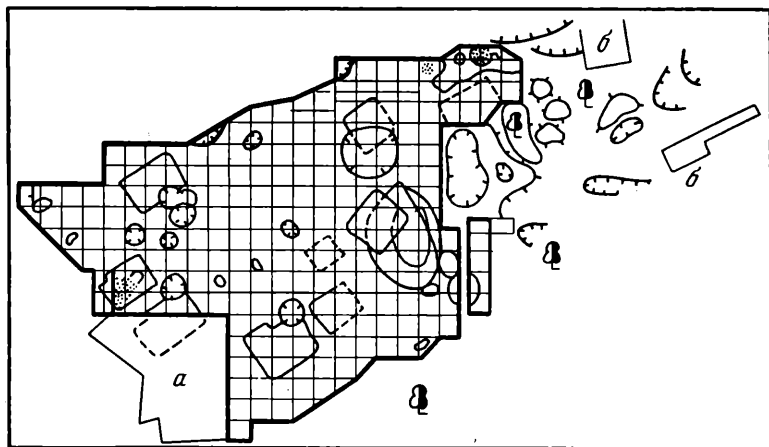

Рис. 6. Городище у дер. Попово. Общий план раскопа
а—раскоп Г. А. Архипова 1979 г.; б—разрезы вала

В верховьях реки у с. Ильинское (Кологривский р-н) открыты кратковременная стоянка с льяловской керамикой и пять местонахождений обработанных кремней. На остальных участках отмечены лишь единичные следы кратковременных поселений. На стоянке Кириллов Пуп у д. Лисицино (Мантуровский р-н) найдены фрагменты гребенчатой керамики волго-камской культуры.

Памятники эпохи бронзы представлены стоянкой у д. Николо-Макарово (Макарьевский р-н) с пористой турбинской керамикой и абашевским могильником у с. Нежитино, ныне разрушенным.

Памятниками раннего железного века являются два селища — у пос. Унжа и у д. Леонтьево. В культурном слое последнего, помимо сетчатой керамики, найдены куски железного шлака.

Три городища I тысячелетия н. э. с лепной неорнаментированной керамикой известны в верховьях Унжи по результатам прежних обследований³³.

Из памятников древнерусского времени отмечено незначительное число плохо сохранившихся небольших селищ XII—XVI вв. Остатки упомянутого впервые в летописи под 1216 г. города Унжа ныне находятся на территории одноименного поселка. Сохранилась небольшая земляная крепость с кольцевым валом. Хорошо прослеживаются следы садов, культурный слой которых насыщен керамикой XII—XVI вв.

С 1980 по 1983 г. продолжались раскопки городища у д. Попово в Мантуровском р-не. В литературе памятник известен под названием Ухтубужское городище. Это небольшое мысовое поселение площадью чуть более 1000 кв. м. С напольной стороны оно защищено плохо сохранившимся валом и рвом. В 1979 г. Г. А. Архипов при обследовании памятников на р. Унже заложил раскоп площадью 108 кв. м на мысовом крае площадки городища. В 1980 г. работы на городище проводились совместно с Заволжской экспедицией ЛОИА под руководством Е. А. Рябина³⁴.

За четыре сезона было вскрыто 900 кв. м (рис. 6). Теперь площадка исследована почти полностью³⁵. (Неизученным остался лишь небольшой участок близ вала, сильно испорченный перекопами.)

Полученный материал характеризует жизнь дославянского населения Костромского Поволжья в конце I тысячелетия н. э. Открыты остатки 10 построек. Большинство из них относится к последнему периоду жизни на городище и по инвентарю могут быть датированы X в. Лишь три сооружения, перекрытые в результате перепланировки слоем наносного грунта, относятся к более раннему времени — предположительно к IX в. Следует отметить, что культурный слой на большей территории поселе-

ния невелик — в среднем до 0,25 м и лишь в привальной части достигает толщины 0,45—0,5 м. Эти обстоятельства позволяют говорить о сравнительно недолгом существовании поселка — при двух отмеченных строительных горизонтах едва ли более 100 лет.

Все сооружения, за единственным исключением, жилые, срубные либо незначительно углубленные в материк в результате выравнивания поверхности, либо чисто наземные. В трех случаях зафиксирована любопытная конструктивная особенность — прямоугольный выступ в одном из углов для устройства печи или очага. В двух случаях отмечены остатки очагов в центре дома.

На краю площадки открыты остатки бани — небольшого сруба с развалом крупной прямоугольной печи-каменки размерами 2×2,2 м, занимавшей более половины внутреннего пространства. В углу между печью и стеной хранились два височных кольца, бусина, бронзовая цепочка с привеской-колокольчиком, золотостеклянная буса-пронизка и два ножа. Отличительная особенность заполнения бани — почти полное отсутствие керамики, столь характерной для жилых построек.

Керамическая коллекция памятника насчитывает свыше 10 тыс. фрагментов. Удалось реставрировать более 30 сосудов из пяти комплексов (постройки и ямы) и графически частично реконструировать форму около 100 сосудов. Выяснилось, что жители городища использовали посуду, по крайней мере, трех различных традиционных форм. Наряду с горшками довольно грубой выделки употреблялись приземистые сосуды с хорошо заглаженной поверхностью. Реже встречаются обломки округлодонных орнаментированных сосудов прикамского облика. Не менее разнообразна рецептура глиняного теста: есть сосуды с основной примесью дресвы, песка, шамота, органики. Примечательно, что полной корреляции между формами сосудов и технологией их изготовления не наблюдается. Нет и «чистых» комплексов единых форм керамики. Отмеченные особенности указывают на возможное сосуществование в рамках небольшого поселка представителей различных этнических групп.

Судя по составу находок, население городища по культуре было близко марийцам соседнего Поветлужья. Аналогии есть в формах керамики и украшений, среди которых — характерные для мари X в. очковидные и петельные подвески, сходные с марийскими полые подвески-уточки и некоторые другие предметы. В то же время отдельные украшения специфичны и в марийских древностях параллелей не имеют, как, например, нагрудное шумящее украшение — бронзовая планка с привесками на длинных цепочках³⁶. Сходство с мерянскими древностями Волго-Окского междуречья может быть отмечено лишь в специфических приземистых формах некоторой части керамики. Однако подобная бытовала и у муромы, отчасти — у мордвы.

На краях площадки обнаружено три ямы явно ритуального назначения. Они заполнены крошкой обожженной красной глины. Стенки ям обожжены. На дне одной из них были аккуратно положены на прямоугольный кусок бересты два ножа остриями в одну сторону.

Возможно, также ритуальное значение придавалось и погребению. Подпрямоугольная яма размерами 1,4×0,5 м с северо-восточной ориентировкой содержала незначительное количество мелких фрагментов кальцинированных костей. На дно была положена мозаичная бусина.

Орудия труда и принадлежности ремесел (лячки, тигли, литейная формочка) найдены либо в «домашнем хранении», либо уже выброшенными. Не встречены и остатки хозяйственных построек. Это тем более странно, что комплексы жилых построек, представленные многочисленными предметами быта, достаточно разнообразны. Очевидно, должны были существовать окружавшие городище поселения. Остатки трех жилищ обнаружены на близких городищу береговых мысах. Будущие раскопки позволят полнее представить уклад и характер жизни небольшого племени, занимавшего ограниченную по площади территорию.

Полные раскопки группы из 20 курганных насыпей у д. Коряково в Костромском р-не на левом берегу Волги позволили получить новые данные о населении края в конце XI—начале XII в.³⁷ Курганы принадлежали представителям нескольких поколений переселившейся на Волгу большой семьи. В обрядности и деталях женского убора прослеживаются явные финно-угорские, мерянские черты, что заставляет предполагать происхождение переселенцев из глубин Ростово-Суздальской земли. При рассмотрении захоронений по поколениям заметна явная тенденция к угасанию «рода», что отразилось в сокращении числа насыпей и быстрой деградации обряда. Прослеживаются связи с населением ближнего волжского левобережья³⁸.

В Московской обл. продолжались раскопки разрушающихся стоянок Маслово Болота (Ногинский р-н). Раскопана небольшая стоянка 14, существовавшая на последнем этапе льяловской культуры. На раскопе площадью 112 кв. м прослежено одно наземное жилище с цепочкой столбов по продольной оси и хозяйственные ямы, расположенные вне постройки. Керамика встречалась в основном в юго-восточном конце жилища. Среди 11—13 сосудов два имеют признаки, характерные для центрально-мещерской группы памятников (так называемая рязанская культура), и один — типично белевский с ромбической ямкой. Остальная керамика более характерна для западных льяловских стоянок — в орнаменте довольно много гребенчатого штампа. Весьма выразительна кремневая техника. Решительно преобладают орудия, сделанные неумело — мелкой краевой ретушью, нестандартных форм, хотя вместе с ними встречены и вполне совершенные орудия, типичные для этого времени. Следует обратить внимание на необычное расположение стоянки — на северном склоне небольшого островка, обращенного не к озеру, а к болоту. По-видимому, это убежище группы, эмигрировавшей из западных районов льяловской культуры в момент экспансии племен волосовской культуры.

Основное внимание было уделено раскопкам поселения Маслово Болото 8. Это самое крупное поселение данной озерной системы, его площадь 7000 кв. м. На поверхности заметны западины 13 волосовских землянок, при раскопках обнаруживаются и наземные жилища. Постройки не были одновременными. Под отвалами землянок сохранился непотревоженный льяловский слой. Местами встречены участки хорошо сохранившихся напластований верхневолжской культуры.

Планиграфия при тонком, очень насыщенном и сильно поврежденном слое на последнем этапе существования поселения дает больше оснований для разделения разнокультурных компонентов комплекса, чем стратиграфия. Наиболее ранний верхневолжский материал сосредоточен в западной части поселения, самой высокой. Здесь во всех слоях, но преимущественно в нижнем, встречается накольчатая гладкостенная керамика, три сосуда имеют плоское орнаментированное дно, здесь же встречены ножевидные пластины. Поздняя гребенчатая верхневолжская керамика встречается в центре раскопа, на нижнем, восточном участке ее нет. На восточном конце большое количество раннельяловской гребенчато-ямочной керамики, местами залегающей сплошными пластами. На северном краю стоянки разведочным раскопом затронуты, по-видимому, части жилища среднего этапа льяловской культуры. Позднельяловские жилища — наземные, с многочисленными хозяйственными ямами и отдельными столбовыми — прослежены в северо-западной части раскопа как пятно концентрации находок размерами 7×8 м. Вне пятна, в ямах, находились развалы льяловских сосудов. Внутри постройки, в двух хозяйственных ямах также найдены развалы горшков. Части позднельяловских жилищ затронуты в северо-западном углу раскопа и на юго-западном участке. Среди керамики позднельяловского комплекса встречено небольшое количество белевской и гребенчатой протоволосовской.

Все волосовские жилища относятся к позднему этапу существования культуры. Найденная керамика рыхлая, пористая, тесто содержит бол...

шое количество органических примесей. Жилище 1 размерами 7,5×9,5 м имело коридорообразный выход на юго-запад и очаг в центре. Остальная площадь пола была изрыта разновременными столбовыми и хозяйственными ямами. Жилище 2, размеры 4,5×4,5 м, слабо углублено в материк. Хорошо сохранилось жилище 3 размерами 8,5×9 м, с двумя выходами-коридорами и нишей. Выявлено два периода существования жилища — сначала оно было затоплено, а через какое-то время сторело. Прослеживается бревенчатая обкладка основания земляных стен. Видимо, как и в других волосовских жилищах (прослеженных на стоянках Маслово Болото 4 и 5), стены были сделаны из наклонного каркаса, прислоненного к каркасу из опорных столбов, которые стояли внутри жилища. Во втором строительном периоде функционировало два очага, расположенных против двух входов. В жилище найдено много керамики в крупных фрагментах. В северном углу обнаружен пострадавший от пожара производственный клад, состоявший из заготовок, отщепов, целых орудий и обломков. Клад ножей был найден на полу последнего жилища. Здесь же встречены совершенно чуждые средней полосе два обсидиановых орудия и два фрагмента неорнаментированных сосудов, позволяющие зафиксировать единичный контакт с Кавказом.

Проведенные Волго-Окской экспедицией археологические разведки и раскопки памятников каменного и бронзового века позволяют по-новому подойти к решению ряда проблем. Мезолитические памятники севера Калининской и Костромской областей оказались существенно отличными от волго-окских, очерчивая южную границу культуры Оленеостровского могильника. Результаты разведок показали, что пограничные зоны крупных культурных общностей были слабо заселены, хотя природные факторы никаких ограничений не ставили. Такая структура расселения связана с этнической консолидацией, приводившей к размежеванию соседних общностей.

На позднем этапе развития льяловской культуры появляются локальные отличия, проявляемые в элементах культуры, особенно в типах редкочемочной керамики. Выделяются Языковская, Нерско-Нерльско-Плещеевская, Западно-Мещерская (Маслово Болото и другие стоянки) группировки, что, очевидно, означает выделение отдельных более мелких этнических групп, территориально соответствующих племенам.

Во всех обследованных памятниках отмечена резкая смена льяловской культуры ямочно-гребенчатой керамики культурой гребенчатой керамики — протоволосовской. Этот переход не может быть результатом трансформации и скорее объясняется изменениями в этническом составе населения. Работы на западной границе ареала льяловской культуры в бассейнах Волчины и Съежи показали, что изначальной территорией протоволосовской культуры мог быть озерный Валдайский край.

Появились новые данные о поселениях эпохи поздней бронзы — периода сложения культуры сетчатой керамики. В это время усилилась неравномерность освоения озерных низин. Часть из них оказалась заброшенной (Наволоч, Маслово Болото), другие сохранили значение центра. Одним из таких центров была котловина оз. Неро, где стоянки с сетчатой керамикой распространились на значительно большей по сравнению с неолитом территории.

Памятники эпохи раннего железа в исследованных районах представлены в основном маленькими городищами с тонким культурным слоем. Большинство из них, учитывая находки исключительно сетчатой керамики, относятся к первым двум этапам развития дяковской культуры и датируются в рамках VII в. до н. э.—III в. н. э.³⁹ К более позднему времени могут относиться некоторые городища бассейнов Мологи и Волчины, где встречена лепная неорнаментированная керамика (Галичино, Полукарпово, Топальское). Полученные данные заставляют предполагать отсутствие преемственности между культурой сетчатой керамики (дяковской) и более поздними памятниками на изученных территориях.

В то же время материалы селища Курово II показывают, что древнейшее население местами продолжало сохраняться вплоть до VIII—IX вв.

Изучение памятников второй половины I тысячелетия н. э. принесло новые данные о расселении финно-угорских племен. Выявились локальные различия не только в облике материальной культуры, но и в уровне социально-экономического развития населения различных районов. Открытые на побережье оз. Неро крупные поселения с ярко выраженным центром — Сарским городищем, могли принадлежать только высокоразвитой для своего времени этносоциальной общности, что вполне согласуется с летописными упоминаниями о мери, «сидящей» на Ростовском озере.

Существовавшее в тот же период традиционное мысовое городище Попово с окружением из нескольких небольших селищ составляли более скромную и обычную для того времени структуру, характерную, очевидно, для малого племени, сравнительно недолгое время занимавшего ограниченную по площади территорию.

Исследования древнерусских памятников в бассейне верхней части и Мологи привели к выделению отдельных микрорегионов, характеризующихся особенностями в расположении и составе групп курганов и «сопок». В районе Ростова выявлена древнейшая сельская округа города. Раскопки подтвердили этническую неоднородность населения древнерусских селищ в X—XI вв.

- 1 Никитин А. Л. Неолитическая стоянка Рождественский остров // СА. 1965. № 1; *Гадзяцкая О. С.* Стоянка Сельцо на оз. Неро // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 107—112.
- 2 Никитин А. Л. Многослойное поселение Польцо // СА. 1975. № 3. С. 118—140.
- 3 Сидоров В. В. Поселения на оз. Неро // АО 1982 г. М., 1984. С. 83, 84.
- 4 Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972. Рис. 4.
- 5 Сидоров В. В. Поселения на оз. Неро. С. 83, 84.
- 6 Леонтьев А. Е. Работы Волго-Окской новостроенной экспедиции // АО 1979 г. М., 1980. С. 61; *Он же.* Исследования Волго-Окской экспедиции // АО 1980 г. М., 1981. С. 61, 62; *Он же.* Работы Волго-Окской экспедиции // АО 1982 г. М., 1984. С. 65.
- 7 Леонтьев А. Е. Поселения мери и славян на оз. Неро // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 26—32.
- 8 Краснов Ю. А. Древнейшее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА. 1971. № 174. С. 132—137.
- 9 Леонтьев А. Е. Поселения мери и славян... С. 29, 30. Рис. 2.
- 10 Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы ассимиляции летописной мери // СА. 1980. № 2. С. 67—79.
- 11 Леонтьев А. Е., Исланова И. В. Работы Волго-Окской экспедиции // АО 1978 г. М., 1979. С. 70; *Исланова И. В.* Селище Шурскол II близ Ростова Великого // СА. 1982. № 2. С. 185—195.
- 12 Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М., 1979. Вып. Е1—59. Типа рис. 4, 5.
- 13 Леонтьев А. Е. Исследования Волго-Окской экспедиции... С. 61, 62.
- 14 Леонтьев А. Е., Процин Г. Н. Древнерусские памятники района оз. Верестово // СА. 1978. № 2. С. 272—281; *Исланова И. В.* Раскопки Бежецких курганов и городища Еськи // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 86—91; *Леонтьев А. Е.* Древнерусские поселения верхней Мологи // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983. С. 56—71.
- 15 *Исланова И. В.* Работы на северо-западе Калининской области // АО 1981 г. М., 1983. С. 58, 59; *Она же.* Разведки в верховьях р. Тудовки и р. Мологи // АО 1983 г. М., 1984.
- 16 *Леонтьев А. Е.* Работа Волго-Окской новостроенной экспедиции, с. 60, 61; *Сидоров В. В.* Стоянки оз. Наволок // АО 1979 г. М., 1980. С. 76.
- 17 *Смирнов К. А.* Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974. С. 89. Табл. X.
- 18 *Леонтьев А. Е.* Древнерусские поселения верхней Мологи. С. 67. Рис. 3, 4—11, 16—28.
- 19 Там же, рис. 3, 1—3, 13—15.
- 20 *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982.
- 21 *Исланова И. В.* Работы на северо-западе... С. 54.
- 22 *Жуков Б. С.* Теория хронологической и территориальной модификации культур Восточной Европы (по данным изучения керамики) // СЭ. 1929. 1. С. 54—77.
- 23 *Бадер О. Н.* Археологические работы у дер. Языково на оз. Скорбеж летом 1935 г. в связи с вопросом о древнем лапаноидном типе современного населения Восточной Европы // Антропологический журнал. 1963. 2. С. 157—262; *Урбан Ю. Н.* Раскопки стоянки Языково 1 // АО 1972 г. М., 1973. С. 97, 98; *Он же.* Исследование поселений эпохи неолита в Калининской области // Из прошлого Калининской области. Калинин, 1974. С. 18—36; *Он же.* К вопросу

- о раннеолитических комплексах в Калининском повожье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
- ²⁴ *Леонтьев А. Е.* Работы Волго-Окской новостроечной экспедиции. С. 60, 61; *Он же.* Исследования Волго-Окской экспедиции. . .
- ²⁵ *Фосс М. Е.* Результаты работ Галичской экспедиции 1946 г. // КСИИМК. 1948. XX; *Она же.* Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК, 1949. XXVI. С. 34—39.
- ²⁶ *Фосс М. Е.* Итоги Галичской экспедиции. . .; *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94. Рис. 101. С. 249.
- ²⁷ *Миловидов И.* Древности Костромского края // Костромская старина. Кострома, 1890. Вып. 1.
- ²⁸ *Гаврилова И. В.* Керамика Федоровского поселения в связи с новыми раскопками // КСИА. 1969. Вып. 117. С. 76—83.
- ²⁹ *Гурина Н. Н.* Неолитическое поселение Борань // МИА. 1960. 79. С. 188—238.
- ³⁰ *Гаврилова И. В.* О работе Костромского отряда // АО 1980 г. М., 1981. С. 46.
- ³¹ Там же.
- ³² *Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А.* Городище и могильник у д. Попово на р. Унже // АО 1980 г. М., 1981. С. 62—63; *Рябинин Е. Е.* Исследования в бассейне р. Унжи // АО 1981 г. М., 1983. С. 84.
- ³³ *Бадер О. Н.* Городища Ветлуги и Унжи // МИА. 1951. № 22. С. 146—149. Рис. 26—28.
- ³⁴ *Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А.* Городище и могильник. . .
- ³⁵ *Леонтьев А. Е.* Исследования в Ярославской и Костромской обл. // АО 1981 г. М., 1983. С. 68, 69.
- ³⁶ *Архинов Г. А.* Работы Марийской экспедиции на р. Унже // АО 1979 г. М., 1980, с. 44.
- ³⁷ *Леонтьев А. Е., Исланова И. В.* Работы Волго-Окской экспедиции. С. 70.
- ³⁸ *Леонтьев А. Е.* Новые данные о костромских курганах // СА. 1983. № 4. С. 176—196.
- ³⁹ *Смирнов К. А.* Дьяковская культура. С. 78, 79.

А. С. СМЕРНОВ

ДЕСНИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1977—1983 ГГ.

Первоначальной задачей Деснинской экспедиции Института археологии АН СССР являлось выявление и изучение археологических памятников, находящихся на территории Брянской обл. В дальнейшем район полевых работ был значительно расширен. За прошедшие семь лет экспедиция провела работы в шести областях — Белгородской, Брянской, Калужской, Орловской, Тульской и Рязанской. В последнее время экспедиция целенаправленно проводит исследования в Брянской, Калужской и Рязанской областях. Главной задачей экспедиции стал постоянный, планомерный и действенный контроль за памятниками археологии в районах мелиорации. Уже на стадии проектирования обследуются все территории с целью выявления на них археологических памятников, начинаются планомерные раскопки обнаруженных поселений и могильников. Подобная методика контроля практически полностью позволяет исключить возможность гибели памятников археологии. Только за последние годы в исследуемых районах выявлено около сотни древних поселений. Экспедицией раскопано свыше 40 поселений различных эпох — от палеолита до средневековья (рис. 1). Памятникам эпохи мезолита посвящена ниже статья А. Н. Сорокина.

Неолитические памятники исследовались в бассейнах верхнего Днепра и верхней Оки, главным образом в Подесенье и сопредельных территориях. До начала работ экспедиции представление о неолите этого региона было весьма неопределенным. На Брянщине было раскопано всего три стоянки, в верхнем Поочье — одна. Подобная узость источниковедческой базы объясняла существование различных, часто взаимоисключающих гипотез. Совершенно не были разработаны вопросы хронологии и периодизации.

Полученные материалы значительно дополнили, конкретизировали и во многом изменили ранее бытовавшие представления. Во-первых, подтверждено существование деснинской неолитической культуры, хотя первоначальное представление о ней существенно изменилось. В ее истории

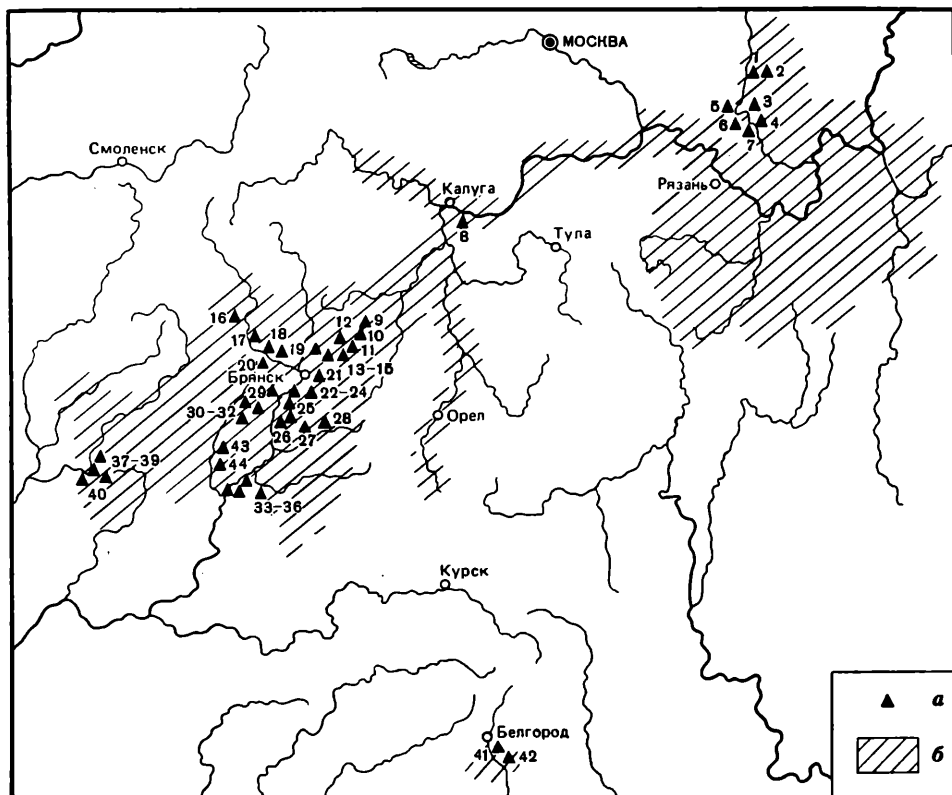

Рис. 1. Район работ Деснинской экспедиции

а — памятники, раскопанные в 1977—1983 гг.; б — обследованные территории
 1 — Минулино; 2 — Петрушино; 3 — Исток; 4 — Борисово; 5 — Русаново; 6 — Задне-Пилево I;
 7 — Задне-Пилево IV; 8 — Брагино; 9 — Ресета I; 10 — Ресета III; 11, 12 — Красное I, III;
 13 — Красное VI; 14 — Красное VIII; 15 — Красное X; 16 — Балочка; 17 — Лунево II; 18 — Чер-
 нетово I; 19 — Чернетово II; 20 — Хотылево VI; 21 — Устье Свени II; 22 — Дамба II; 23 —
 Дамба III; 24 — Дамба-курган; 25 — Устье Ревны II; 26 — Устье Ревны IV; 27 — Алексеевское;
 28 — Селище; 29 — Антоновка; 30 — Комягино II «В», «В»; 31 — Комягино III; 32 — Комягино IV;
 33 — Жеренская Протока; 34 — Жерено I; 35 — Жерено II; 36 — Жерено III; 37 — Добродевка I;
 38 — Добродевка II; 39 — Добродевка III; 40 — Орлы III; 41 — Карнаузово; 42 — Шоссейное;
 43 — Курово I; 44 — Курово II

выявлено три этапа, причем памятники раннеэнеолитического времени, синхронные верхневолжской культуре, обнаружены впервые. Достаточно четко удалось очертить территорию этой культуры, включающую бассейн лесного Подесенья (рис. 2). На западе, по Деснинско-Сожскому водоразделу, она граничит с неолитическими памятниками верхнеднепровской культуры¹. На востоке, в бассейне верхней Оки, она смыкается с районом расселения неолитических племен Волго-Окского междуречья, создавая своеобразную контактную группу памятников, известных ранее под названием «белевской» культуры. На юге носители деснинской культуры контактировали с племенами лесостепи.

При раскопках стоянок в Гомельском Посожье получены принципиально новые материалы, позволившие выделить новый, раннеэнеолитический этап в верхнеднепровской культуре, синхронный раннему днепродонецкому неолиту, но отличный от него.

Экспедицией раскопано более 20 неолитических стоянок и обследовано разведками свыше 150 поселений.

Стоянка Лунево II, одна из наиболее интересных в лесном Подесенья (рис. 3, 12, 14). Планиграфически разделяются два комплекса — развитого и позднего неолита. Обнаружено два жилища, принадлежащих к разным комплексам. К развитому неолиту относится углубленное жи-

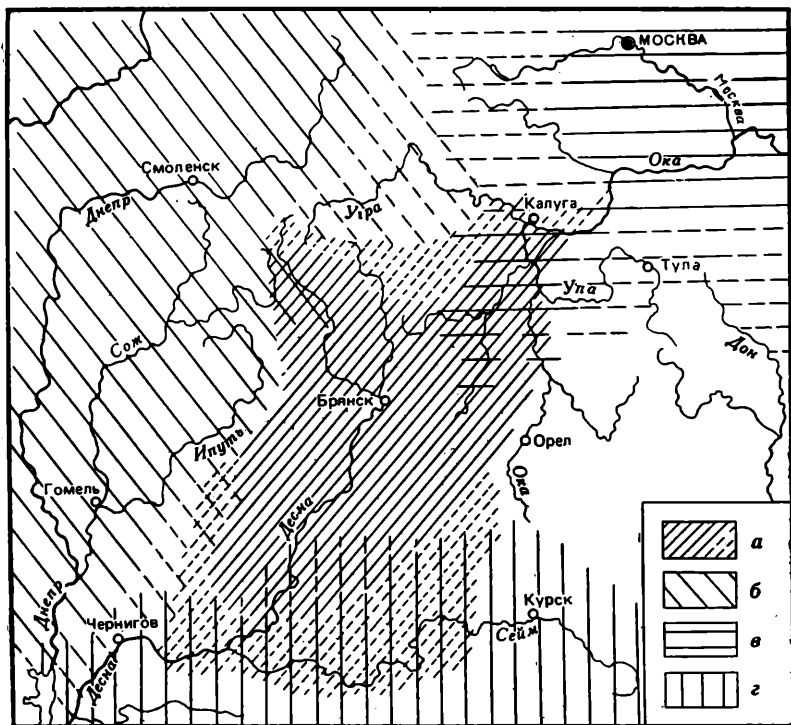

Рис. 2. Распространение культур в эпоху развитого неолита (рубеж IV—III тысячелетий до н. э.) в Верхнем Поднепровье и Поочье

а — деснинская культура; б — верхнеднепровская; в — льяловская; г — культура с ямочно-гребенчатой керамикой Украины

лице округлой формы с пятном очага в центре. Жилище поздненеолитического времени — наземное, прямоугольных очертаний. Кроме этого, в коллекции стоянки типологически выделяется ранненеолитический комплекс с накольчато-гребенчатой керамикой.

Стоянки Чернетово I (рис. 3, 10, 13) и Чернетово II дали богатый материал, относящийся главным образом к эпохе неолита, от раннего до позднего. В раскопе 3 на стоянке Чернетово I обнаружена крупная мастерская по изготовлению кремневых изделий. Встречены материалы мезолитического времени и эпохи бронзы.

В районе Брянского течения Десны исследован ряд памятников — Устье Свени II (рис. 3, 15), Дамба II, Дамба III, Устье Ревны II, Устье Ревны IV. Наиболее интересной представляется последняя стоянка. Это небольшое сезонное поселение. Помимо мезолитического материала получен чистый комплекс ромбоямочной керамики. На стоянке Устье Свени II встречены неолитические материалы с преобладанием керамики, украшенной лапчатой орнаментацией.

Брянщина — край, бедный озерами. Поэтому группа памятников неолитического времени, расположенная на карстовых Жеренских озерах у южных границ области, на левобережье Десны, привлекает особое внимание.

Для стоянки Жеренская Протока характерны два вида керамики — неорнаментированная и украшенная в накольчато-отступающей технике. Последние орнаменты выполнены неглубокими ямчатыми наколами, нанесенными в скорописной манере. Характер узора, форма сосудов и ряд других признаков керамики Жеренской Протоки близки материалам восточнополюсских памятников типа Литвин—Юревичи. Аналогии в кремневом инвентаре менее явные, но в некоторых типах орудий можно найти параллели.

На стоянке Жерено I орнаментация сосудов типична для поселений с ямочно-гребенчатой керамикой севера Украины, особенно лесостепного Подесенья. Присутствие керамики с ромбическим и лапчатым орнаментом обычно для памятников, находящихся на границе лесостепных неолитических культур Украины и лесных деснинских племен.

Стоянка Жерено II характеризуется преобладанием керамики с ямочной орнаментацией, в большинстве ромбическо-лапчатой, что позволяет отнести поселение к кругу памятников лесного Подесенья.

Пожалуй, самой интересной из этой группы представляется стоянка Жерено III. Здесь сочетается керамика, характерная для лесной полосы, в основном с ромбическим орнаментом, с глиняной посудой более южных территорий — степи и лесостепи. В последнем случае это неорнаментированные сосуды и горшки, украшенные узорами, выполненными в накольчато-отступающей технике, различного вида насечками и рядом других приемов, часто создающих криволинейные композиции, ограниченные ямками или прочерченными линиями, обычно выполненные из плотного теста, иногда с хорошо заглаженной поверхностью.

В поисках аналогий этой керамике необходимо обратиться к материалам нижнего Дона. Близкие параллели можно найти в сборах И. Г. Горещко, в верхних слоях Ракушечного Яра, в нижнем слое Самсоновского поселения. Нельзя не отметить сходство части керамики южного типа стоянки Жерено III с материалами лисогубовской раннеолитической культуры, выделенной В. И. Неприной на севере Украины². Учитывая датировку стоянки Жерено III (рубеж IV—III тысячелетия до н. э.), проведенную по аналогиям как с памятниками лесной полосы, так и с материалами хорошо стратифицированных памятников нижнего Дона, кажется, что датировка лисогубовской культуры (конец V—начало IV тысячелетия до н. э.) несколько удревлена или же в единую культуру искусственно сведены разновременные материалы.

Данные, полученные при раскопках Жеренских стоянок, указывают на проникновение в бассейн средней Десны различных неолитических культур Дона, Восточного Полесья, а также среднего Днепра.

Анализ керамического и кремневого инвентаря памятников, изученных экспедицией, позволяют разделить историю деснинского лесного неолита на три периода.

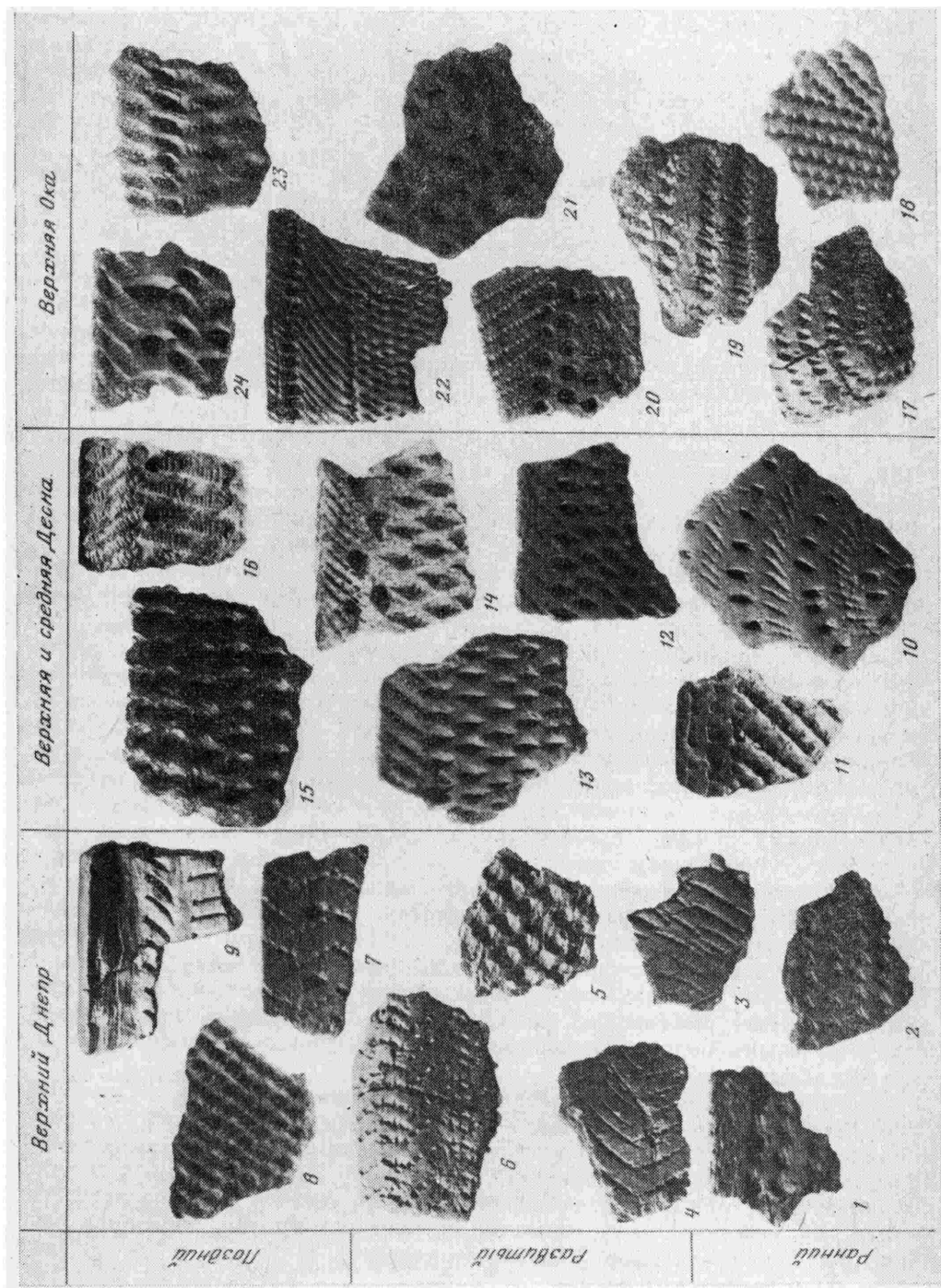
Первый, раннеолитический, период представлен материалами с гребенчато-накольчатой керамикой и пластинчато-отщеповой кремневой индустрией. В целом материалы раннего неолита близки верхневолжской культуре, но отличаются рядом особенностей — присутствием хорошо выраженных керамических комплексов, украшенных исключительно треугольными наколами, почти полным отсутствием фрагментов сосудов с прочерченным орнаментом, широким распространением округлых, а не пристроенных доньев, более широким применением органических отщипителей. В последнем сказывается влияние неолитических культур степи и лесостепи, в керамике которых органические добавки к тесту были широко распространены. Присутствие значительного количества фрагментов сосудов, украшенных треугольными наколами, следует отнести за счет влияния среднедонской культуры, где подобный орнамент был одним из доминирующих. Таким образом, напоминая более всего верхневолжские материалы, ранний неолит Подесенья в силу своего географического положения испытал влияние разных по своему облику сопредельных культур.

Период развитого неолита, синхронизируемый с льяловской культурой Волго-Окского междуречья, представлен сосудами с ромбоямочной орнаментацией и кремневым инвентарем льяловского облика. Взаимодействие с раннеолитической культурой до конца не ясно. Ромбоямочная орнаментация, придающая особое своеобразие деснинскому неолиту, — черта, по всей видимости, местного происхождения. Ее появление на Верхней Оке, в западном Москворечье следует связывать с продвижением части деснинских племен.

Рис. 3. Керамический инвентарь неолитических памятников Верхнего Поднепровья, Верхнего и Среднего Подесенья и Верхнего Поочья

- 1-3 — Добродеевка II;
 4-9 — Добродеевка III;
 10, 13 — Черногово I;
 11, 16 — Белянец II;
 12, 14 — Луново II;
 15 — Устье Свени II;
 17-21 — Красное VI;
 22, 23 — Красное X

На позднем этапе, одновременном волосовским древностям, на материальную культуру лесного Подесенья оказал значительное влияние неолит верхнего Днепра. Это сказалось в распространении лапчатого штампа в орнаментации сосудов и одновременном снижении роли ромбоямочного орнамента. Кремневый инвентарь изготовлялся в волосовских традициях, однако на Десне нет целого ряда характерных волосовских вещей. Сходство кремневых изделий, при отсутствии волосовской керамики в Подесенье и верхнем Поочье носит, по всей видимости, чисто стадийный характер.

Предварительно можно выделить еще один этап — энеолитический. Характеризуется он круглодонными сосудами вытянутых пропорций с хорошо выраженной, часто цилиндрической шейкой. Отмечено присутствие «воротничковых» венчиков. В орнаментации наблюдается возрождение характерных раннеэнеолитических традиций — приемов гребенчатой, накольчатой и отступающей орнаментации.

Существенное увеличение источниковедческой базы позволило отказаться от гипотезы М. В. Воеводского о «деснинско-сожской общности»³. В 1978 г. произведено обследование памятников сожского бассейна (в пределах РСФСР), показавшее, что стоянки этого региона достаточно отличны от деснинских и относятся к верхнеднепровской культуре. В 1981 г. в районе Гомельского Посожья раскопано четыре неолитических стоянки — Добродеевка I, II, III (рис. 3, 1—9) и Орлы III. На стоянке Добродеевка II впервые встречен чистый раннеэнеолитический комплекс, наиболее древний из известных в верхнеднепровской культуре. Особо привлекает внимание керамика, украшенная подтреугольными поверхностными вдавлениями с неровным дном («псевдорубчатым» штампом), реже — чуть изогнутым и мелкозубчатым штампом. Сосуды закрытой формы с невыделенным прямым венчиком. Характерной чертой кремневого инвентаря является преобладание резцов часто архаичных типов, наличие рубящих орудий с траншеевидными сколами и присутствие наконечников стрел на пластинах мезолитического облика.

Этот комплекс резко отличен от материалов как раннего неолита Десны, так и от синхронных стоянок днепро-донецкой культуры и наиболее близок памятникам, расположенным к западу и северо-западу от верхнего Поднепровья, — стоянкам Припяти и особенно Понеманья. Следует напомнить, что памятники мезолита этой территории в культурном отношении также тяготеют к тому же региону.

Таким образом, материалы типа Добродеевки II позволили дополнить ранее существовавшую двухчленную периодизацию верхнеднепровской культуры, выделив в ней третий, раннеэнеолитический этап.

Работы последних лет позволили, как нам представляется, решить вопрос о взаимоотношении деснинских и верхнеокских неолитических памятников, по-новому осветить вопрос о белевской культуре. Экспедиция в течение ряда лет проводила археологические разведки в бассейне верхней Оки. Весьма интересными оказались результаты обследования р. Жиздры и ее притоков. Было обнаружено около полутора десятков неолитических памятников с хорошим культурным слоем, а также ряд местонахождений.

На ряде стоянок произведены раскопки, в результате которых получены материалы, значительно превышающие все ранее имевшиеся коллекции⁴. Наиболее крупные коллекции происходят с двух стоянок — Красное VI (рис. 3, 17—21, 24) и Красное X (рис. 3, 22, 23), в меньшей степени — со стоянок Красное VIII и Ресета III. Собранные экспедицией материалы дают основания для следующих историко-культурных построений.

Первоначально исследуемый район заселяли племена раннеэнеолитической культуры типа верхневолжской (Красное VI, Красное X, Ресета III). В период льяловской культуры ее носители проникали в Верхнее Поочье главным образом в конце IV—начале III тысячелетия до н. э. — льяловская керамика представлена в основном в своих кругло-

ямочных вариантах (Красное VI, Красное X). В это же время здесь появляются племена с более южных территорий. Причем последние — носители культуры с приемами ромбоямочной орнаментации, начинают играть преобладающую роль (Красное VI, Красное X). Последующий этап истории этого региона связывается с населением, изготовлявшим керамику, орнаментированную лапчатым штампом (Красное VI, Красное X, Красное VIII). Подобные приемы также не являются автохтонными, а характерны для юго-западных и западных территорий. В кремневом инвентаре прослеживаются традиции, характерные как для Волго-Окского междуречья, так и для Деснинского бассейна.

Кажется, что нет оснований выделять самостоятельную белевскую культуру. В культуре этого региона нет ни одной оригинальной черты, которая определяла бы его своеобразие. Бассейн верхней Оки представлял собой район контакта неолитических культур, расположенных в Днепровском и Волжском бассейнах. Подобная картина наблюдалась здесь и в эпоху мезолита.

Заканчивая обзор неолитических памятников, исследованных экспедицией, хотелось бы еще раз остановиться на некоторых вопросах, являющихся весьма важными для этнокультурной истории новокаменного века Верхнего Поднепровья вообще. Не до конца ясно взаимоотношение ранне-неолитических материалов Подесенья с памятниками позднего мезолита, хотя и намечается определенная связь с деснинской мезолитической культурой⁵. Открытым остается вопрос о взаимодействии ранне-неолитических памятников с поселениями развитого этапа деснинского неолита, характеризуемыми керамикой с ромбоямочной орнаментацией. Не до конца ясны пути возникновения подобного орнамента. До последнего времени считалось, что материальная культура неолитических племен верхнего Поднепровья прекращает свое существование в связи с проникновением с юга в третьей четверти III тысячелетия до н. э. среднеднепровских племен. Однако в связи с наметившейся возможностью выделения «энеолитического» этапа этот вопрос не может уже решаться столь однозначно.

В материалах экспедиции среднеднепровская культура представлена отдельными погребениями, редко могильниками. На стоянке Чернетево I прослежен обширный кольцевой ровик — сооружение, характерное для среднеднепровских грунтовых и курганных могильников. В культурном слое совместно с фрагментами среднеднепровской керамики обнаружена весьма интересная находка — оригинальной формы галька с нанесенным на нее антропоморфным изображением. На камне острым резцом (кремневым или бронзовым) выполнено изображение человека. Фигура имеет тонкое, члененое тулово, широко расставленные конечности с ясно выраженными пальцами. Голова оконтурена весьма условно. В манере изображения чувствуется близость со стилистическими приемами орнаментации среднеднепровской керамики.

Наиболее интересные памятники этого времени обнаружены на р. Рессета. Здесь, где проходила граница между среднеднепровскими и фатьяновской культурами, памятников раннего бронзового века ранее не было известно. В 1982 г. обнаружен грунтовый могильник Стайки II, а в 1983 г. раскопано уникальное погребение на стоянке Рессета III (оба памятника в Хвостовичском р-не Калужской обл.).

На могильнике Стайки II встречены остатки четырех погребений, инвентарь которых представлен сосудами и кремневыми орудиями. В инвентаре сочетаются черты двух культур — фатьяновской и среднеднепровской. Могильник датируется началом среднего этапа среднеднепровской культуры и является одним из самых ранних по отношению к москво-клязьминской группе фатьяновской культуры. Вопрос о взаимоотношении среднеднепровской и фатьяновской культур долго вызывал оживленную дискуссию и лишь в последнее время возобладало мнение об их генетической связи⁶. Материалы могильника Стайки II являются новым аргументом в пользу этого тезиса.

В ходе раскопок стоянки Рессета III открыто грунтовое захоронение фатьяновской культуры. Кости погребенного не сохранились. Погребальный инвентарь состоял из коротколопастного сверленного топора-молотка, кремневого ножа на пластине, нескольких заготовок дротиков и кремневого наконечника стрелы. Наибольший интерес представляет хорошо сохранившееся погребальное сооружение, близкое к деревянным конструкциям, прослеженным в верхневолжских фатьяновских могильниках. До сих пор в окско-деснинских памятниках подобные конструкции не были известны, очень редки они и в московско-клязьминских могильниках.

Экспедицией изучено несколько погребений и поселений сосницкого времени (вторая половина II—начало I тысячелетия до н. э.). На стоянке Добродеевка III обнаружено погребение, совершенное в яме неправильно-овальной формы, которая ориентирована по оси запад—восток. В восточной части ямы стоял небольшой баночный сосуд со слегка вогнутой шейкой, украшенной косыми насечками и жемчужинами.

На поселении Дамба II найдена многочисленная сосницкая керамика и следы наземного сооружения. Рядом раскопан курган, в котором обнаружено на древнем горизонте кострище с фрагментами кальцинированных костей.

Наиболее интересным памятником представляется поселение Курово II на р. Судость близ г. Погара. В раскопе обнаружено обширное наземное жилище подпрямоугольной формы и свыше двух десятков ям. Находки, представленные главным образом керамикой, концентрируются в жилище. Памятник датируется поздним этапом сосницкой культуры, возможно, его началом.

Сосницкая культура на Брянщине известна в основном по погребальным сооружениям. Все раскопанные поселения расположены южнее, на территории УССР.

Необходимо остановиться на поселении Шоссейное, расположенном на левобережье Северского Донца в Шебекинском р-не Белгородской обл. Здесь обнаружены материалы неолита, срубного времени и I тысячелетия н. э. Неолитические находки немногочисленны и позволяют отнести существовавшую здесь стоянку к северско-донецкому варианту культуры ямочно-гребенчатой керамики Украины, к концу ее второго этапа.

Материалы срубного времени представлены остатками семи жилищ и ряда хозяйственных ям. Жилища двух типов — наземные (I сооружение) и полуземлянки (шесть сооружений). Полуземлянки прямоугольные, углубленные в материк на 0,6—0,8 м, большинство крупные (100 кв. м), реже — менее обширные (25 кв. м). По периметру котлованов прослеживаются следы сгоревшего сруба. Выходы располагались в середине одной из длинных сторон и представляли собой пологий пандус, укрепленный деревянными конструкциями.

Керамический материал поселения не оставляет сомнения в принадлежности его к позднему этапу срубной культуры. Жилища подразделяются на две группы. Первая датируется сабиновским временем (XIII—XI вв. до н. э.), вторая белозерско-бондарихинским (X—IX вв. до н. э.). Поселение Шоссейное по своему облику близко памятникам восточного ареала позднесрубной культуры, известным в Поволжье, Заволжье и далее к востоку. Можно отметить здесь следы взаимодействия с белогрудовской и малобудковской и бондарихинской культурами.

Комплексы I тысячелетия н. э. на поселении Шоссейное делятся на три культурно-хронологических периода: позднезарубинецкий, киевский и раннесредневековый (конец VII—IX в. н. э.).

Наиболее ранний памятник железного века в Подесенье, раскопанный экспедицией, — городище Балохча. Выяснено, что поселение с напольной стороны было защищено двумя валами и рвами. В раскопе обнаружены остатки двух разновременных жилищ — наземных, слабоуглубленных в материк, с очагами в центральной части. Оба сооружения являются типичными жилищами днепро-двинской культуры.

Вся керамика лепная, довольно велик процент орнаментированной. Сосуды баночные или слабопрофилированные. Железные предметы представлены тремя ножами с горбатой спинкой. Найдена бронзовая посоховидная булава и бронзовая проколка. В предыдущие годы на городище была найдена бронзовая серьга «скифского» типа. Довольно много костяных изделий, главным образом наконечников стрел, гарпунов и острий. Встречены глиняные грузики — шаровидные и дяковской формы, игрушки-погремушки. О наличии на поселении бронзолитейного производства говорят найденные фрагменты глиняного тигля. В целом городище датируется VI—V вв. до н. э.—рубежом нашей эры.

Из древнерусских памятников экспедицией раскопано два селища, начато исследование городища Антоновка.

Первое селище расположено у д. Алексеевка Навлинского р-на на р. Навле. В слое найдены фрагменты керамики, стеклянных черных ложновитых браслетов, изделие неопределенной формы из биллона и железный шлак.

Селище у с. Селище находится на той же реке выше по течению. В ходе раскопок выявлено наземное столбовое жилище правильной прямоугольной формы площадью около 30 кв. м с глинобитной печью. Около одной из стен — и более поздняя полуземлянка (вторая половина XII в.), врезанная в наземное жилище, а также хозяйственные ямы. Найдены фрагменты стеклянных браслетов (зеленого и желтого стекла, гладкие и черные ложновитые), крицы и железный шлак, глиняные и меловые пряслица, а также заготовки для них, грузила для сетей, железные ножи, фибула. Оба селища датируются домонгольским временем.

Городище Антоновка расположено близ г. Брянска на р. Волонке (Супоневка), правом притоке Десны. В раскопе обнаружены остатки столбового сооружения. В материке выявлены три хозяйственные ямы колоколовидной формы и жилище-полуземлянка, относящиеся к середине XII в. Находки представлены железными ножами, пинцетом, кусками листового свинца, ключом от врезного замка типа «Б».

¹ *Тюрин И. М.* Неолит верхнего Поднепровья: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА АН СССР, Р—2. № 1996.

² *Неприна В. И., Беллев А. С.* Поселение и могильник новой неолитической культуры на Северной Украине // СА. 1974. № 2; *Неприна В. И.* До вивчення неолітичної доби на території Північно-Східної України // Археологія. Киев. 1982. Вып. 41.

³ *Воеводский М. В.* Памятники каменного века на Десне // КСИИМК. 1949. XXVI. С. 24.

⁴ *Полякова Г. Ф.* Племена белевской культуры // Тр. ГИМ. М., 1970, Вып. 44. С. 24; *Полякова Г. Ф.* Неолитические

племена верхнего течения р. Оки // МИА. Л., 1973. № 172.

⁵ *Сорокин А. Н.* Новые данные по мезолиту бассейна Десны // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981; *Зализняк Л. Л.* Деснянская мезолитическая культура // Археологія. Киев, 1984. Вып. 46.

⁶ *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972; *Артеменко И. И.* Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и эпоху бронзы: Дис. ... д-ра ист. наук // Архив ИА АН СССР. Р—2. № 2222.

А. Н. СОРОКИН

МЕЗОЛИТ БАССЕЙНОВ ДЕСНЫ И ОКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ ДЕСНИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

В ходе работ Деснинской экспедиции обнаружено семь пунктов, относящихся к эпохе плейстоцена. Наиболее перспективными являются местонахождение мустьерских каменных орудий Хотылево VI на Десне в Брянской области и место находки фаунистических остатков в д. Пальчиково на р. Нугрь Орловской обл.

Находки мезолитического времени изучены на 35 поселениях, относящихся территориально к Днепровскому и Волжскому бассейнам (см. рис. 1 в статье А. С. Смирнова).

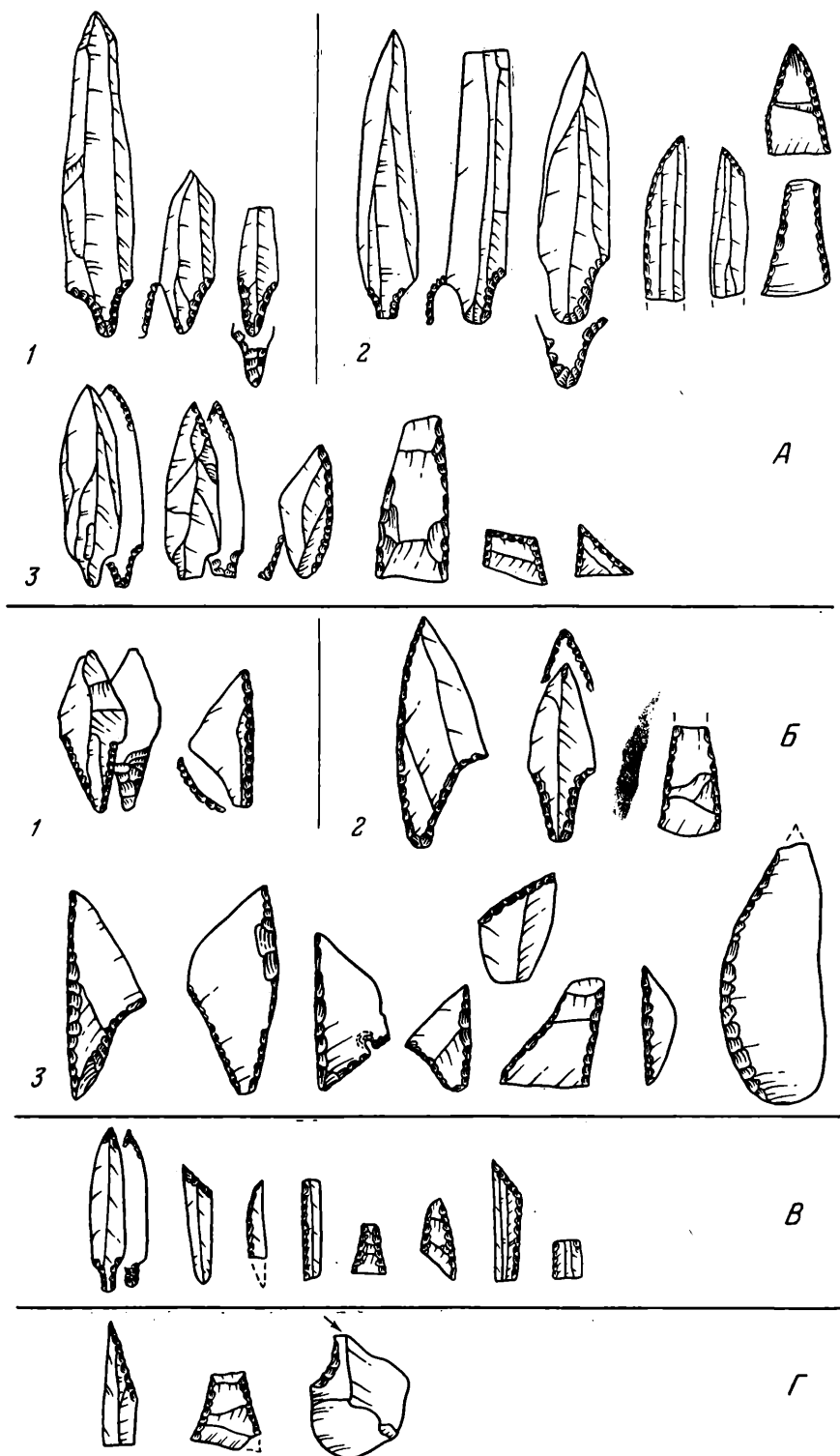
К деснинской (по Л. В. Кольцову) культуре на Брянщине принадлежат стоянки Чернетово I (раскоп 2), Устье Ревны IV, Комягино IIА, IIБ, IIВ, III и IV в бассейне Десны и стоянка Новое Место на р. Ипуть (рис. 1, Б). Деснинские памятники наиболее близки стоянке Песочный Ров и, вероятно, синхронны ей. Облик этих памятников определяют постаренбургские асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой и симметричные черешковые, крупные сегментовидные острия, восходящие к остриям типа федермессер, косо- и поперечнолезвийные наконечники, ланцетовидные острия, трапеции и треугольники. Свицерские элементы здесь полностью отсутствуют. Эти стоянки генетически восходят к аренбургской культуре и являются наиболее последовательным ее продолжением в мезолите. Стоянка Новое Место, где встречен, помимо асимметричного, еще и постсвицерский наконечник, должна быть отнесена к посожской группе (по Л. В. Кольцову и В. Ф. Копытину). Не противоречит этому и географическое положение памятника. В культурном отношении рассмотренные деснинские памятники близки стоянкам иеневской культуры Волго-Окского бассейна.

Другая группа памятников, таких, как Чернетово II, Чернетово I (раскоп I), Жерено II и Жерено III на Десне, а также стоянка Добродевка I на р. Ипути могут быть увязаны с культурной традицией Смячки XIV, где наблюдается развитие смешанной аренбургско-свицерской традиции (рис. 1, А). Но в отличие от первой группы здесь доминирует пластинчатая техника первичной обработки, наблюдается иное соотношение аренбургских и свицерских элементов, отсутствуют асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой и т. д. Наиболее ранний памятник этой группы в регионе — стоянка Чернетово II, давшая лишь наконечники стрел прямого боя постаренбургского и постсвицерского типов. Сходный комплекс выделяется и на верхней Оке — стоянка Красное X. На остальных памятниках, помимо наконечников, представлены также микролиты, реже — острия. Уже сейчас можно наметить некоторые черты сходства этих памятников с материалами стоянок деснинской культуры как в формах некоторых трапеций и косозлезвийных наконечников (Жерено II и III), так и в наличии сегментовидных острий (Чернетово I, раскоп I и Добродевка I). Вероятно, данная группа существовала на протяжении раннего (Чернетово II) и позднего мезолита (Чернетово I, раскоп I, Жерено II и Жерено III, Добродевка I).

В третью группу выделены материалы сборов В. П. Левенка на Селецких Дюнах (пункты 89 и 92), где встречены постсвицерские наконечники стрел в сочетании с микролитами с затупленным ретушью краем, высокими трапециями, сегментами (?) и косыми остриями (рис. 1, В). Культурное своеобразие комплексу придают микролиты с затупленным ретушью краем и микроострия. Эти пункты можно связывать с кудлаевским вариантом таценки-кудлаевской культуры (по Л. Л. Зализняку).

Четвертую группу образуют три памятника: Жерено I и Жеренская Протока на р. Десне (рис. 1, Г) и Добродевка III на р. Ипуть, не давшие выраженных наконечников «прямого боя». Их охотничий инвентарь представлен косо- или поперечнолезвийными наконечниками (трапециями) иногда в сочетании со скошенными микроостриями и псевдомикрорезцами. Однако эта специфика может быть вызвана скорее не культурной традицией, а хозяйственной специализацией памятников (временные охотничьи лагеря).

Таким образом, мезолит верхнего и среднего Подесенья и Поипутья представляет собой довольно сложную культурно-историческую картину. Здесь могут быть выделены, по меньшей мере, три культурных традиции, проявляющиеся в наличии деснинской культуры, памятников типа Смячки XIV и таценки-кудлаевской культуры. Подобная ситуация не

Рис. 1. Охотничье вооружение мезолитических стоянок бассейна Десны
 А — тип Смячки XIV: 1 — Чернетово II; 2 — Чернетово I, раскоп I; 3 — Жерено III; Б — Деснинская культура: 1 — Новое Место; 2 — устье Ревны IV; 3 — Комягино IIB; В — таленки—кудлаевская культура: 1 — Селецкие дюны, пункт 92; Г — тип Жеренской протоки

является невозможной, пример такой же культурной пестроты дает Киевское Полесье¹.

В мезолитическое время Поипутье и Подесенье было занято сходными культурами и шло одинаковыми путями развития. Удалось наметить ранний этап мезолита описываемого региона, правда, на материалах пока одного памятника — Чернетово II.

В бассейне Оки к настоящему времени зафиксировано около 50 пунктов. 13 из них обследованы экспедицией. Вновь полученные материалы позволяют дополнить предложенную Л. В. Кольцовым схему культурного членения мезолита региона новыми своеобразными типами памятников.

К бутовской культуре, выделенной в 1976 г. Л. В. Кольцовым², в Окском бассейне относится свыше 20 памятников, из которых экспедицией раскопаны стоянки Петрушино I, Петрушино II, Микулино, Русаново, Задне-Пилево I—IV, Борисово, Исток. Культура складывается преимущественно на свидерской основе. Характеризуется развитой пластинчатой и микропластинчатой индустриями, основанными на параллельной системе расщепления конических нуклеусов (рис. 2, В). Во вторичной обработке использовались затупливающая, приостряющая и уплощающая ретушь. В развитии бутовской культуры выделяется несколько этапов, отличающихся между собой степенью развития пластинчатой техники и набором орудий. Деградация пластинчатой техники, как свидетельствуют материалы Окских стоянок, происходит в бутовской культуре уже в рамках позднего мезолита.

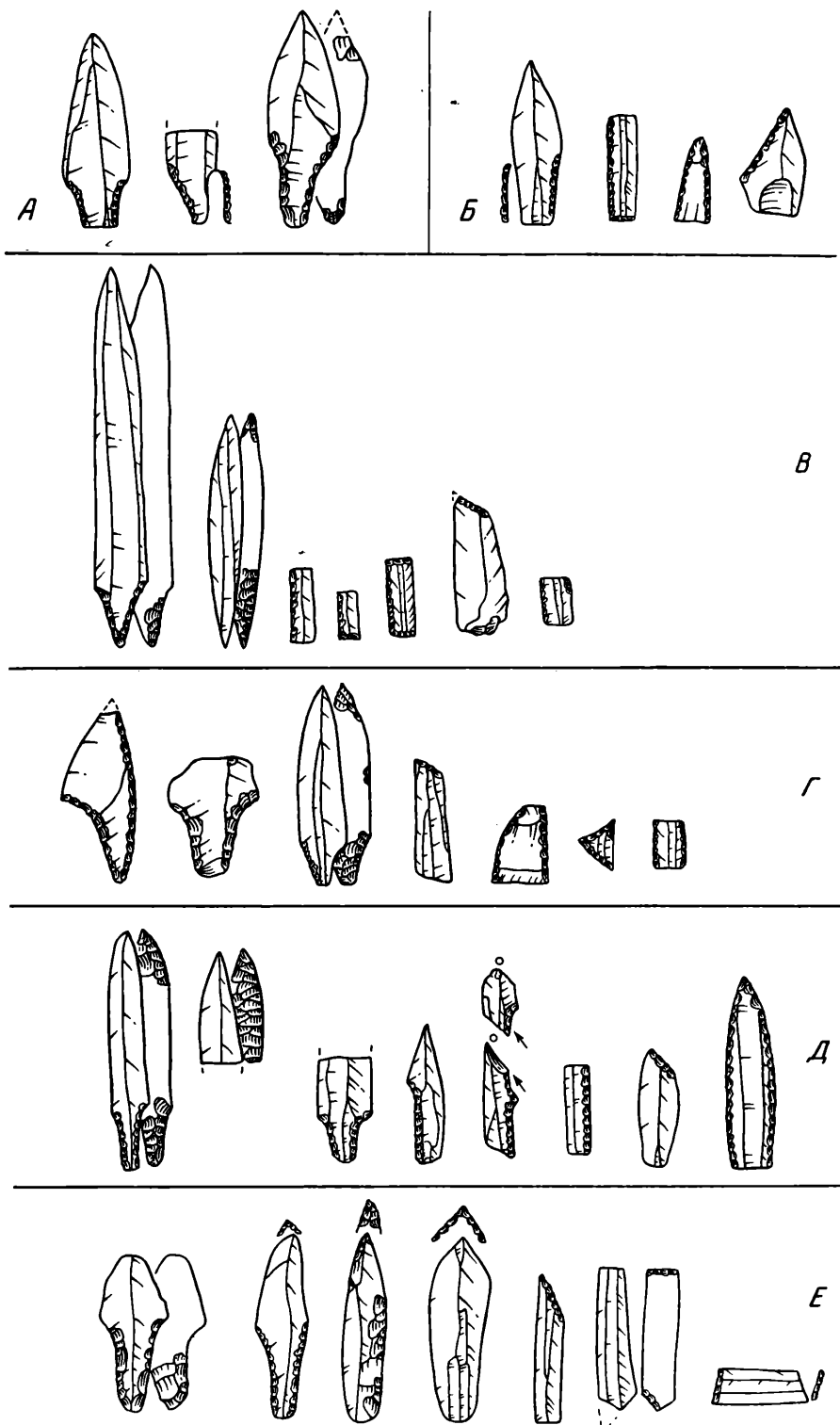
На памятниках раннего этапа бутовской культуры встречены скопеленные и концевые скребки, резцы с неподработанной и резцовой площадкой скола, вкладыши из фрагментов пластин, симметричные плечиковые сверла, скобели с мелкими дугообразными выемками, пластины с приостряющей ретушью, постсвидерские наконечники стрел ивовистой и черешковой формы и единичные косые острия. На позднем этапе к ним добавляются или численно возрастают подокруглые, боковые и нерегулярные скребки, микролиты с поперечно срезанным ретушью концом, микролиты с затупленным ретушью краем и основанием, прямоугольные и трапеции. Появляются рубящие орудия — топоры и тесла подовальных и подтрапецевидных очертаний, часто двусторонне оббитые, и долота. Ближе к финалу мезолита на рубящих орудиях появляется шлифовка.

Население бутовской культуры жило в лесной зоне на берегах рек и проточных озер. Поселения, ими оставленные, небольшие по площади. Культурные остатки залегают в рыхлых отложениях останцов или мысов первой надпойменной террасы, но есть и исключения — стоянки Исток и Первушкино расположены на коренном берегу второй надпойменной террасы. В Петрушино, Борисово и Истоке исследованы остатки наземных или слабоуглубленных в землю жилищ подпрямоугольной (2,5 × 5,5 м) и подквадратной (4 × 4 м) формы, столбовой конструкции. На стоянке Петрушино есть свидетельства наличия крупных хозяйственных ям со следами крепления стен и перекрытия над котлованами. По планиграфии находок и характеру материальных остатков реконструируется тип временных, вероятно, сезонных поселений (Петрушино I, Микулино, Борисово), а также мелкие охотничьи лагеря (Петрушино II, Русаново).

Исследования экспедиции позволили наметить отличия в инвентаре центральноокских памятников по сравнению с верхневолжскими, проявляющиеся в разной степени микролитизации и некоторых различиях типологического порядка, в частности присутствие на Оке геометрических изделий.

Хронологически бутовская культура охватывает период от середины VIII до середины V тысячелетия до н. э. На ее основе складывается верхневолжская раннеолитическая культура, что подтверждено мате-

Рис. 2. Охотничье вооружение мезолитических стоянок бассейна Оки
 А — тип Смячки XIV (Красное 10); Б — тип Пенешки (Красное 8); В — бутовская культура (Задне-Пилево₁); Г — иневская культура (Брагино); Д — тип Ресеты III; Е — тип Красное 1 «Вася»

риалами стоянок Шильцева Заводь I—IV и Борисово, раскопанных экспедицией.

В Окском бассейне к иеневской культуре относятся около 20 памятников. Среди раскопанных четырех стоянок наибольшая площадь вскрыта на стоянке Брагино (рис. 2, Г).

Для культуры по Л. В. Кольцову характерна отщеповая и пластинчатая индустрии первичной обработки, основанные на утилизации одно-, двух- и многоплощадочных ядрищ конической призматической и аморфной форм³. Во вторичной обработке широко распространены техники затупливающей и приостряющей ретуши, спорадически встречаются техники уплощающей ретуши, микрорезцовая и транше. Среди орудий представлены резцы с ретушированной и неподработанной площадкой скола, концевые, скошенные, округлые, боковые и двойные скребки, скребели с широкими и узкими дугообразными выемками, пластины с приостряющей ретушью, комбинированные орудия. Разнообразны рубящие изделия — топоры и тесла с перехватом, подовальной и трапециевидной формы и долота. Представлены постаренбургские наконечники стрел с боевой выемкой и симметричные черешковые, изредка встречаются наконечники стрел с постсвидерским характером обработки. Имеются косо- и поперечнолезвийные наконечники стрел (трапеции), присутствуют треугольники, сегментовидные и ланцетовидные острия.

Культура датируется поздним мезолитом. В своем развитии продолжает традиции преимущественно аренбургской культуры. В культурном отношении близка деснинской культуре. Различия, наблюдаемые между ними, выражаются преимущественно в уровне развития в иеневских памятниках пластинчатой техники, наличии некоторых свидерских черт, отсутствующих в деснинской культуре.

Памятники типа Красное I «Вася» выделены в 1982 г. автором. Комплекс эпонимного памятника включает более 11,5 тыс. каменных изделий, среди которых около 2 тыс. орудий (рис. 2, Е). Определяется наличием пластинчатой, микропластинчатой и отщеповой индустрий, основанных на расщеплении одноплощадочных ядрищ конической и призматической форм и двухплощадочных призматических нуклеусов. Во вторичной обработке представлены техники затупливающей, приостряющей и уплощающей ретуши, а также шлифовки. Среди орудий широко бытуют резцы с неподработанной площадкой скола, в том числе нуклеовидные, концевые и округлые скребки, косые и симметричные, часто с плоской ретушью на брюшке острия, пластинки с поперечно срезанным ретушью концом, скребели с мелкими узкими дугообразными выемками, сверла со слабовыраженными рабочими участками, пластинки с приостряющей и зубчатой ретушью, тесла подтрапециевидных очертаний со следами шлифовки или без них, абразивные плитки и отщепы со следами шлифовки. Наконечники стрел представлены черешковыми формами, выдержанными в постаренбургских и постсвидерских манерах обработки. Их отличает удлинённый черешок и почти полное отсутствие обработки на пере. Специфическими для памятника типами орудий являются низкие симметричные трапеции и длинные трапециевидные острия, служившие боковыми вкладышами в составном охотничьем метательном оружии. Выделяет этот памятник и широкое применение техники шлифовки, которая на поздних бутовских и иеневских памятниках встречается лишь эпизодически.

Отличительными чертами этого памятника служат развитая пластинчатая индустрия, широкое применение техники шлифовки, формы наконечников стрел, острий и трапеций. Генезис этого типа определяется взаимодействием постаренбургских и постсвидерских элементов, а присутствие трапециевидных острий, низких трапеций и широкое развитие техники шлифовки говорят о наличии третьего, пока неясного по генезису компонента.

Слияние аренбургских и свидерских элементов не является чем-то уникальным, оно прослежено Р. К. Римантене⁴ для палеолитических и

мезолитических стоянок Литвы, В. Ф. Копытиным⁵ — для посожской группы деснинской культуры в Белоруссии, Д. Я. Телегиным⁶ — для памятников смячкинского типа в Киевском Полесье. Намечается эта черта и в иеневских памятниках Волго-Окского бассейна.

Хронологически данный тип памятников относится к позднему мезолиту.

Памятники типа Рессеты III выделены в 1983 г. автором. Наиболее выразителен комплекс эпонимной стоянки, включающий более 6 тыс. кремневых изделий и I тыс. орудий (рис. 2, Д). Характерны пластинчатая и отщеповая индустрии, микро- и макролитическая техника первичной обработки, техники транше и микрорезцовая во вторичной. Кроме них, использовалась техника затупливающей, приостряющей и уплощающей ретуши. Среди орудий представлены концевые и округлые скребки, резцы с неподработанной площадкой скола, подовальные и подтрапецевидные тесла, топор типа «транше», косые острия, постсвидерские иволистные, в том числе с полностью обработанным плоской ретушью брюшком, и постаренбургские черешковые наконечники стрел, миниатюрные асимметричные наконечники с боковой выемкой. Напоминающие эту же категорию изделий на верхнепалеолитических памятниках Гагарино и Костенки I, а также шиповидные острия с микрорезцовыми сколами, микрорезцы, многочисленные микролиты с затупленным ретушью краем. Последние орудия образуют серии и в Окском бассейне только на стоянках мещерской группы бутовской культуры.

Представляется, что на данном памятнике микролиты с затупленным ретушью краем, наконечники на микропластинах и шиповидные острия с микрорезцовыми сколами составляют звенья одной линии развития. В Волго-Окском бассейне острия с микрорезцовыми сколами и микрорезцы серийно встречаются впервые. На сопредельных территориях острия с микрорезцовыми сколами так называемого яниславицкого типа встречены в рудоостровской культуре Киевского Полесья, в неманской культуре Припятского Полесья и Литвы, в яниславицкой культуре Польши, в донецкой культуре Украины. Однако формы их отличны от рессетинских.

Рессетинский тип памятников складывается на основе аренбургской, свидерской и маглемозской культур. Хронологически он может быть отнесен к рубежу раннего и позднего мезолита и продолжал существовать в позднем мезолите.

Памятники типа «Пенешки» (Красное VIII) выделены в 1983 г. автором. На эпонимном памятнике найдено 5 тыс. каменных изделий, среди которых около тысячи орудий (рис. 2, Б). Характеризуется отщеповой и пластинчатой индустриями, основанными на расщеплении одноплощадочных ядрищ конической и призматической форм. При оформлении лезвий орудий использовалась приостряющая и затупливающая ретушь. Характерны крупные размеры заготовок. Среди орудий многочисленны концевые, округлые и двойные скребки, раклеты, резцы с неподработанной площадкой скола, включая многофасеточные, и резцы с ретушированной площадкой скола. Среди рубящих орудий представлены тесла с намечающимся желобком и двусторонне оббитые подквадратной формы долота. Встречены пластины с приостряющей и зубчатой ретушью, комбинированные орудия, сверла и развертки с невыделенными рабочими участками, вкладыши из фрагментов пластин, скобели с мелкими широкими выемками, косые и симметричные острия, микролиты с затупленным краем и основанием, крупные высокие трапеции. Наконечник «прямого боя» выполнен в аренбургских традициях и напоминает наконечники типа «Хинтерзе». Подобные орудия встречены на стоянках посожской группы Деснинской культуры. Микролиты с затупленным краем и основанием многочисленны в мещерской группе бутовской культуры. Крупные размеры орудий напоминают изделия иеневской культуры, однако в таком сочетании, как на Пенешках, комплекс пока не встречен.

Охотничье вооружение стоянки Красное 10 (рис. 2, А) находит аналогии в Чернетово 2 и Смячке XIV.

Все эпонимные памятники выделенных культурных типов расположены в Хвастовичском р-не Калужской обл. и приурочены к левобережью р. Ресеты — правому притоку р. Жиздры, впадающей слева в Оку. Указанная территория входит в зону Брянско-Жиздринского по-лесья — своеобразного природного коридора, соединяющего Деснинский и Окский бассейны. Он образовался в ледниковый период, когда Ока со всеми верхними притоками была подпружена в р-не Лихвина. Скопившиеся воды образовали обширный водоём, из которого наметился сток вдоль кромки льда на северо-запад, поворачивающий затем на юг. Таким стоком, вероятнее всего, была р. Жиздра. Таким образом, Ока от своих истоков текла до устья Жиздры и через нее впадала в Десну. Поэтому не случайно именно здесь наличие своеобразной зоны между двумя крупными бассейнами, повлиявшей, вероятно, на характер и облик описанных памятников. Появление микрорегионов «культурной пестроты» объяснить однозначно нельзя. Во-первых, она может быть связана с географическими условиями региона. Во-вторых — с диахронностью памятников даже в пределах ограниченного отрезка времени. В-третьих, может быть вызвана образованием в пограничных районах особых контактных зон между культурами, где возникают своеобразные памятники, носящие признаки нескольких культур одновременно. Примеры подобного же культурного разнообразия на ограниченной территории достаточно хорошо известны как для палеолита (Костенковско-Боршевский и Новгород-Северский р-ны), так и для мезолита Литвы, Киевского Полесья, Среднего Подесенья.

Генезис окских культур связан преимущественно с уже известными финально-палеолитическими и мезолитическими культурами лесной зоны Европы, а их своеобразие определяется долей участия в сложении конкретных типов памятников тех или иных компонентов и их последующим развитием в конкретно-исторических условиях региона.

Ранний мезолит бассейна Оки представлен стоянками раннего этапа бутовской культуры и типа Смячки XIV — стоянка Красное X (рис. 2, А). В конце бореального периода в регионе отмечается появление иеневской культуры и памятников типа Ресеты III. В позднем мезолите наряду с уже упомянутыми, фиксируются стоянки типа Красное I «Вася» и типа «Пенешки» — Красное VIII. Характер взаимоотношения перечисленных типов памятников неясен. Намечается лишь взаимодействие бутовской и иеневской культур, что может быть объяснимо их лучшей изученностью.

Таким образом, Окский и Деснинский бассейны в эпоху мезолита характеризуются разнообразием культурных типов, различных по своему генезису и путям развития. В то же время в развитии мезолита на этой территории имеется определенная близость, которая проявляется в сходстве деснинской и иеневской культур и в присутствии в обоих бассейнах памятников типа Смячки XIV.

¹ Зализняк Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья. Киев, 1984.

² Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. 25 лет (1959—1983 гг.) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. 4. С. 267—271.

³ Там же.

⁴ Римагнене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.

⁵ Копыгин В. Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА АН СССР. 1977, вып. 149. С. 60—66.

⁶ Телегин Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України (IX—VI тисячоліття до н. е.). Київ, 1982.

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1979—1983 ГГ.

В 1979 г. в связи с переносом района работ из Ростовской области в Краснодарский край Донская экспедиция ИА АН СССР была переименована в Северо-Кавказскую. Начальником экспедиции в 1979—1980 гг. являлся И. С. Каменецкий, а в 1981—1983 гг. — А. Н. Гей. Отрядами руководили О. А. Гей, В. К. Гугуев, В. И. Мельник, С. А. Науменко, Л. Б. Орловская, Г. Г. Пярых, В. Я. Рябова, Е. И. Савченко, И. А. Сорокина, О. А. Ульянова.

За пять лет экспедицией проведены работы на новостройках Ростовской обл., Краснодарского края, Карачаево-Черкесской АО, разведки археологических памятников производились в Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской АССР и в Адыгейской АО.

Одним из главных объектов работ экспедиции являлись степные курганы. Всего раскопано 87 курганов в составе 21 группы, выявлено 1180 погребений различных эпох. В 1982 г. исследовано восемь курганов у станицы Петропавловской Курганинского р-на Краснодарского края. Основные же раскопки курганов ведутся с 1979 г. в Калининском р-не Краснодарского края. Здесь экспедицией вскрыто 76 насыпей в составе 19 групп и выявлена 61 насыпь в 27 пунктах на участках, предназначенных для строительства в ближайшие годы (рис. 1).

Значительное внимание уделялось исследованию грунтовых могильников и поселений железного века и средневековья. В 1979 г. исследованы остатки меотского Пашковского VI городища возле Краснодара. На прилегающем к нему могильнике изучено 30 меотских захоронений. Более 430 меотских погребений IV в. до н. э. раскопано в 1979—1981 гг. на грунтовом могильнике Лебеди III у хут. Лебеди Калининского р-на Краснодарского края. Небольшая площадь (76 кв. м) раскопана в 1982 г. на поселении Усть-Синюха II у станицы Петропавловская, датируемое первыми веками нашей эры. Значительный интерес представляют материалы средневекового могильника Мощевая Балка в Урупском р-не Карачаево-Черкесской АО, где в 1980—1982 гг. изучено 566 погребений под скальным навесом.

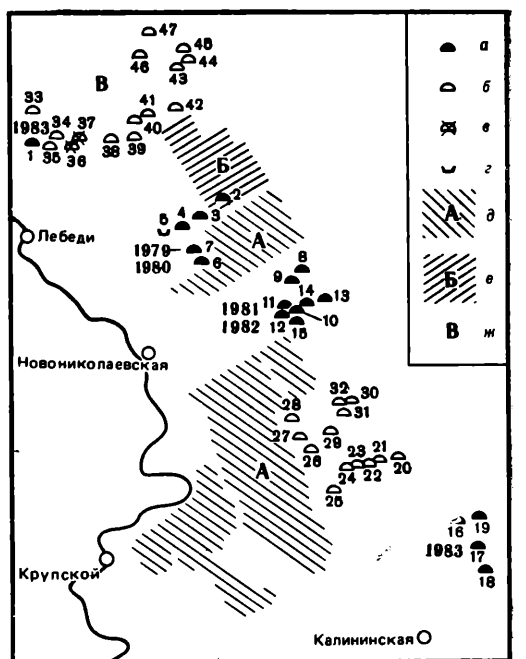
Большое место в работах экспедиции занимали разведки археологических памятников, проводимые по двум направлениям. Первое из них связано с выявлением памятников в зонах проектируемых строительных работ в целях определения масштабов будущих охранных раскопок. Кроме упомянутых археологических разведок, обследованы берега Краснодарского водохранилища. Предполагаются раскопки более чем 50 памятников, главным образом городищ раннего железного века. Значительные по объему археологические разведки проведены в верховьях Кубани и ее притоков — рек Белая, Большая Лаба, Теберда и Аксаут, а также в бассейне Терека.

Второе направление связано с составлением археологической карты Краснодарского края, задачей его является выявление и постановка на учет памятников археологии. В 1980 г. экспедиция приступила к археологическим разведкам в Усть-Лабинском р-не и к настоящему моменту завершила ее в 13 из 14 хозяйств района, зафиксировав 1027 курганов и 63 поселения. Сходным образом обследованы земли двух из шести колхозов Шовгеновского р-на Адыгейской АО, где выявлено 92 кургана и четыре поселения. Большинство памятников Усть-Лабинского р-на открыто впервые, а на городищах, известных по карте М. В. Покровского и Н. В. Анфимова¹, выполнена инструментальная топографическая съемка, позволившая по-новому осветить характер этих меотских поселений. Всего в результате разведок за пять лет обследовано и научно

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников, изученных Северо-Кавказской экспедицией (Калининский район Краснодарского края)

а — раскопанные курганные могильники; б — нераскопанные курганные могильники, выявленные в ходе разведок; в — курганные могильники, уничтоженные строителями; г — раскопанный грунтовый могильник; д — участки, исследовавшиеся археологической экспедицией Северо-Осетинского государственного университета под руководством В. А. Сафронова; е — участки, исследовавшиеся археологической экспедицией Куйбышевского государственного университета; ж — участки неисследованные

Памятники: 1 — Коллекторский; 2 — Царский I; 3 — Лебеди II; 4 — Лебеди I; 5 — Лебеди III; 6 — Ново-Николаевский I; 7 — Ново-Николаевский II; 8 — Греки I; 9 — Греки II; 10 — Греки III; 11 — Греки IV; 12 — Греки V; 13 — Малаи I; 14 — Малаи II; 15 — Малаи III; 16 — Поповичевский I; 17 — Поповичевский II; 18 — Калининский I; 19 — Калининский II; 20 — Олений II; 21 — Олений I; 22 — Канальный; 23 — Недоступный; 24 — Овальный; 25 — Карстовый; 26 — Подозрительный; 27 — Забытый; 28 — Магистральный; 29 — Останний; 30, 31 — Восточномалайский I; 32 — Восточномалайский II; 33 — Шпичковский; 34 — Пилипенковский I; 35 — Пилипенковский IV; 36 — Пилипенковский III; 37 — Пилипенковский II; 38 — Моковский; 39 — Чумяной III; 40 — Чумяной V; 41 — Чумяной IV; 42 — Дурманный; 43 — Мужичковая Сага I; 44 — Мужичковая Сага II; 45 — Мужичковая Сага III; 46 — Чумяной I и II; 47 — Сухолиманский

документировано 3130 курганов, 90 поселений и пять грунтовых могильников.

Таким образом, экспедицией получены большие материалы, относящиеся к различным историческим эпохам, начиная от энеолита — ранней бронзы и вплоть до нового времени.

Основные находки энеолитического времени и эпохи бронзы сделаны при раскопках курганов. Наибольший интерес здесь представляют материалы Понурского отряда из Калининского р-на Краснодарского края. Уже в 1979 г. стало очевидно, что основная масса открытых захоронений эпохи ранней бронзы отличается своеобразием и не подходит под существующие культурно-хронологические схемы, иначе говоря, не может быть отнесена к известным культурным общностям — древнеямной, новосвободненской, катакомбной или северокавказской. Учитывая несомненную близость раскопанных на Понуре комплексов с раннебронзовыми погребениями, изученными В. И. Козенковой в 1970 г. у станции Новотиторовской², для обозначения выделенной группы был введен термин «погребения новотиторовского типа»³, вошедший в литературу⁴. Следует указать также, что, вводя термин «новотиторовский тип», мы сознательно отказались от предложенного В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой названия «культура погребений с повозками»⁵, так как наличие деревянных повозок в могилах не является характерным признаком только новотиторовской группы (они присутствуют в погребениях многих культур эпохи бронзы степной полосы и Кавказа, катакомбной, алазано-беденской и старосельской в том числе) и создает превратное представление о специфике самого новотиторовского типа, поскольку повозки сопровождают обычно лишь немногие захоронения в крупных курганах и не встречаются в рядовых скромных погребениях.

Накопленные материалы (из 91 погребения эпохи энеолита — ранней бронзы, раскопанных экспедицией на Понуре, 62 являются новотиторовскими) позволяют говорить уже не о типе, а об особой новотиторовской

культуре эпохи ранней бронзы, существовавшей в Восточном Приазовье и степном Прикубанье во второй половине III тысячелетия до н. э.

Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют расчленить новотиторовскую культуру в хронологическом отношении. Особенно показательными оказались материалы курганной группы Лебеди I в Калининском р-не Краснодарского края, раскопанной в 1979—1980 гг. Группа представляла собой бессистемное скопление курганов с намечающимися рядами. Наиболее крупные курганы, насыпанные над новотиторовскими захоронениями, составляли как бы центральное ядро могильника (курганы 2—8). В дальнейшем, уже в катакомбное время, на периферии могильника были сооружены сравнительно небольшие насыпи (курганы 1, 11, 14). Большинство основных новотиторовских захоронений совершено в довольно обширных прямоугольных ямах. Костяки лежат в слабоскорченном положении на левом боку и ориентированы головой к востоку. Лишь в двух случаях (курганы 3 и 9) основными были захоронения в слабоскорченном положении на правом боку, также с восточной ориентировкой. Эта обрядово-стратиграфическая группа является наиболее древней в курганах района Приазовских плавней и может быть отнесена к раннему этапу новотиторовской культуры. Энеолитические и новосвободненские материалы, выявленные на сопредельной территории, например в Брюховецком р-не⁶, здесь не встречены.

Впускные новотиторовские погребения совершены в прямоугольных ямах и ямах с уступами, костяки сохраняют слабоскорченное положение в подавляющем большинстве случаев положены на правый бок и ориентированы головой в западном направлении. В кургане 2 впускные могилы подчинены принципу кольцевой планировки кладбища соответственно в зависимости от места могилы в круге, ориентировка колеблется от западной до южной и даже юго-восточной. Эта обрядово-стратиграфическая группа может быть отнесена к развитой поре культуры.

Справедливость выделения двух указанных этапов подтвердилась при раскопках других могильников, в частности — группы Малаи I. Последняя представляла цепочку из 15 насыпей, изгибающихся по краю обширной болотистой западины. Наиболее крупные курганы (6, 9, 11, 12) центрального участка цепочки возведены над новотиторовскими захоронениями второго этапа, содержащими слабоскорченные на правом боку костяки с западной ориентировкой. Впускными при них были такие же погребения в простых ямах и ямах с уступами, в кургане 9, имевшем высоту до 5 м, они образовывали кладбище с кольцевой планировкой. Позднее цепочка была достроена, по краям ее и между новотиторовскими курганами были возведены сравнительно невысокие насыпи над раннекатакомбными захоронениями, такие же захоронения были впущены в собственно новотиторовские курганы. Таким образом, могильник Малаи I начал формироваться на развитом этапе культуры, позднее могильника Лебеди I. Особенно важно, что в Малаих I имеются погребения, занимающие промежуточное стратиграфическое положение между развитым этапом новотиторовской культуры и раннекатакомбной культурой, причем обряд и инвентарь этих могил имеет переходный облик. Они позволяют ставить вопрос о выделении третьего, заключительного этапа новотиторовской культуры, получившего условное название постновотиторовского.

Погребения всех трех этапов имеют много общего в обряде и инвентаре, что, собственно, и предопределяет объединение их в рамках единой культуры. Характерной особенностью ее является поза погребенных — слабоскорченная на боку с руками, протянутыми к коленям, иногда одна рука вытянута, а другая — слабо согнута в локте и лежит поперек живота. Яркая, часто встречающаяся черта — приподнятость верхней части туловища погребенного над дном могильной ямы с последующим завалом черепа на грудь или живот костяка, возникшая в результате подкладывания толстых подушек из органических материалов. Реже встречаются случаи засыпания погребенных (полностью или ча-

стично) горящим углями, что приводило к выгоранию костей (частичное трупосожжение). Окрашенность варьирует от слабой до средней, чаще всего охрой покрыты кости конечностей, череп, дно могильной ямы, имеется случай росписи на плахе перекрытия (Лебеди I, курган 2, погребение 119). Могильные ямы часто имеют вертикальные столбы или кольца в углах, обширные перекрытия, состоящие из плах, светлого камышевого и коричневого органического тлена, далеко выходят за край ямы. У края ямы или на уступе располагаются жертвенники из черепов и конечностей мелкого рогатого скота, сосуды, жаровни, разобранные деревянные повозки, кузова повозок без колес или, напротив, колеса без кузова. Всего раскопано семь погребений с повозками, причем пять из них происходят из кургана 2 могильника Лебеди I (погребения 100, 116, 119, 120, 121) и одна из соседнего кургана 6 (погребение 11). Единственная повозка с надетыми на оси колесами открыта на уступе могильной ямы наиболее яркого постновотиторовского погребения (Малаи I, курган 9, погребение 25). Все повозки однотипны — рама кузова скреплена большим количеством поперечных связей, а в центре — двумя скрещенными досками, вероятно, для придания конструкции жесткости. Сплошные колеса диаметром около 70 см составлены обычно из трех частей, средняя из которых имеет вырезанную выступающую ступицу.

Инвентарь новотиторовской культуры довольно разнообразен. Керамика представлена жаровнями из фрагментов крупных лепных сосудов, напоминающих реповидные. Имеются тщательно сформованные плоскодонные сосудики с лощеной поверхностью, ручками-выступами и прочерченным орнаментом, чаще всего в виде заштрихованных свисающих треугольников или ромбов. Широко распространены лепные неорнаментированные сосуды баночной формы или в виде чаш, часто миниатюрные. Иногда на сосудах имеются проглаженные каннелюры под вепчиком или у самого дна.

Металлические изделия представлены бронзовыми ножами, шильями, бритвами и украшениями из бронзы или серебра, обычно в виде подвесок в полтора-, два с половиной и три с половиной оборота. Наличие собственной металлообработки у населения новотиторовской культуры документируется замечательным погребением мастера-литейщика (Лебеди I, курган 3, погребение 10), в инвентаре которого имелись наборы тиглей и льячек, литейных форм для отливки заготовок и проушных бронзовых топоров, кузнечных и абразивных инструментов. Из других категорий инвентаря назовем молоточковидные булавки — костяные в погребениях раннего и среднего этапов и бронзовую в постновотиторовском комплексе (Лебеди I, курган 2, погребение 123), наборы просверленных астрагалов, костяные бусы, костяные острия и т. д.

Основаниями для датировки новотиторовской культуры второй половиной III тысячелетия до н. э. являются: а) стратиграфические наблюдения, указывающие на докатакомбный возраст группы в целом; б) наблюдения, позволяющие говорить об усилении культурных связей с ямными племенами лишь на втором этапе развития культуры (в погребениях второго этапа спорадически появляются округлодонные сосудики, в том числе и характерных для позднейшей культуры форм); в) типологические параллели с новосвободненской культурой, дополняемые вероятным сходством антропологического типа населения обеих культур⁷; г) комплексное сходство (использование ям с уступами, характер скорченности, устройство сложных перекрытий и оформление стенок могильной ямы при помощи окрашенных циповок, помещение повозок в могилы) с условно «кеми-обинскими» погребениями из курганов Степного Крыма⁸ и так называемым старосельским типом в Нижнем Поднепровье⁹, а по другим параметрам (устройство ступенек в углах ямы, отражение в обряде социальной стратификации, наличие частичных трупосожжений, помещение камней и галек на повозку, расположение сверлин на астрагалах и т. д.) — с поздними куро-аракскими и алазанобеденскими погребениями Закавказья, прежде всего с курганами Алазан-

ской долины, датируемыми в пределах второй половины III тысячелетия до н. э.¹⁰ Учитывая многочисленные параллели между новотиторовской культурой и сменяющими ее памятниками катакомбного времени, можно говорить о том, что новотиторовский массив в западном Предкавказье является протокатакомбным по своему характеру.

Более поздние, катакомбные материалы из курганов Восточного Приазовья представлены 191 погребением, причем 127 из них могут быть отнесены к раннекатакомбной приазовской культуре¹¹. Погребения ее совершались в Т-образных катакомбах с прямоугольными камерами и шахтами, костяки уложены в слабоскорченном положении на правом боку, несмотря на обычный разноразличия в ориентировках, продиктованных местом катакомб в кургане, значительный процент погребенных сохраняет ориентировку в западном секторе. Определение характера культуры затрудняется почти полным отсутствием керамики в захоронениях, что касается украшений и амулетов, то набор их во многом повторяет комплексы новотиторовских захоронений. Металлические изделия представлены бронзовыми каплевидными, жгутиковыми стерженьковыми подвесками, бронзовыми и серебряными височными кольцами в полтора и более оборотов, бронзовым долотом. В более поздних погребениях, относящихся уже к развитой и поздней поре катакомбной общности, встречаются отдельные сосуды, перекликающиеся с керамикой донецкой катакомбной культуры, и бронзовые молоточковидные булавки. В других погребениях (обычно в катакомбах с параллельными длинными осями шахты и камеры) встречены плоскодонные чернолощенные сосуды, пышно орнаментированные на уровне плечиков нарезным орнаментом в сочетании с вертикальными налепными валиками, расчлененными насечками. Такая посуда является характерным признаком выделенного недавно батуринского варианта предкавказской катакомбной культуры¹². Завершают культурно-хронологическую колонку эпохи бронзы захоронения срубной культурно-исторической общности, число которых в материалах экспедиции доходит до 85.

Принципиально иная культурно-хронологическая схема вырисовывается по данным раскопок в степном Закубанье. Древнейшая группа погребений здесь представлена захоронениями в прямоугольных ямах, содержащих скорченные на спине, правом или левом боку с отклонением на спину костяки, ориентированные головой к востоку или востоку-северо-востоку. Инвентарь их включает костяную молоточковидную булавку с нарезным орнаментом в виде горизонтальных линий, бронзовый нож со слабо выделенным черешком, бронзовые шилья с коротким черешком. По ряду черт обряда и инвентарю эта архаичная группа, условно названная петропавловской, сопоставляется с ямными памятниками и ранним этапом новотиторовской культуры.

Петропавловскую группу сменяют ранние северокавказские погребения, совершенные в обширных прямоугольных ямах и ямах с уступами, содержащих вытянутые на спине захоронения с восточной ориентировкой. Сопровождающий инвентарь включает кремневые изделия, а также бронзовые нож и шило с упором, близкие к найденным в могилах предшествующего времени. Интересный факт отмечен в кургане 1, где типично петропавловское скорченное на спине с завалом вправо погребение 2 было синхронным с ранним вытянутым захоронением 6 (оба они являлись основными для второй насыпи), что может свидетельствовать о частичном сосуществовании обеих культурных групп.

Более поздние северокавказские погребения, часто совершенные в ямах с уступом, характеризуются вытянутым положением костяков, сохранением восточной и северо-восточной ориентировки, узкой трапециевидной формой нижней части ямы, понижением дна к голове покойного. Инвентарь из подобных могил, что особенно заметно в основных погребениях, отличается обилием бронзовых изделий и украшений. Он включает разнообразные бронзовые молоточковидные булавки (в одном случае найдена костяная булавка, стержень которой украшен в верхней

части глубокими, тщательно вырезанными желобками), медальоны, подвески от простейших каплевидных и жгутиковых до сложных очковидных с рельефными шнуровыми узорами, ножи и шилья. В состав ожерелий наряду с бронзовыми подвесками включаются костяные трубочки и бусы из зубов ископаемой рыбы.

В хронологическом отношении северокавказские погребения Большого Петропавловского могильника соответствуют в основном I этапу северокавказской культуры, выделенному А. Л. Нечитайло для памятников верховьев Кубани¹³, хотя некоторые из них совмещают черты, свойственные 1 и 2 ее этапам. Особенностью наших погребений, отличающей их от верхнекубанского варианта, является отсутствие западной ориентировки, каменных подкурганых и могильных сооружений.

Следующая обрядово-стратиграфическая группа Большого Петропавловского могильника связана уже с катакомбной традицией. Погребения совершены в катакомбах Т-образной формы с длинной и узкой входной ямой и овальной камерой. Преобладает обряд вытянутого на спине труположения. Лишь в одном случае (курган 9, погребение 15) в камере вместе с вытянутым находился костяк, скорченный на левом боку. Эта особенность, так же как сохранение ориентировки в восточном секторе, позволяет ставить вопрос о сохранении сильных северокавказских традиций и в конечном счете о преемственности культуры и населения. Не противоречат этому и некоторые параллели в инвентаре (бронзовые бусы, сверленные астрагалы, расположение низок бус на запястьях костяков и т. д.). Отличие этих катакомбных памятников от катакомбных материалов степного правобережья Кубани, равно как и от так называемой предкавказской катакомбной культуры, включая манычский и калмыцкий ее варианты, ясно выраженное не только в обряде, но и в керамике, заставляет говорить об особом культурном образовании, для обозначения которого подходящим является термин «северокавказская катакомбная культура».

Сравнение хронологических схем, полученных для Восточного Приазовья и степного Закубанья, дает интересные результаты. В эпоху ранней бронзы оба района заняты группами населения со сходной культурой и погребальной обрядностью (ранняя фаза новотиторовской культуры и петропавловская группа). Позднее, на рубеже ранней и средней бронзы, падающем на последние века III тысячелетия до н. э., новотиторовская культура в Приазовье постепенно перерастает в раннекатакомбную культуру (постновотиторовская группа), в Закубанье же, возможно, не без внешних импульсов (смена обряда) происходит становление северокавказской культуры, расцвет которой приходится уже на период бытования в степях севернее Кубани приазовской катакомбной культуры и сменивших ее катакомбных групп развитого этапа общности. Синхронизация в данном случае вполне надежна, так как базируется на многочисленных случаях находок одинаковых типов бронзовых украшений и булавок. Распространение северокавказских катакомбных памятников в Закубанье по времени сближается с позднекатакомбными памятниками Понурского региона, что проявляется, например, в сходстве керамических форм (чернолощенные сосуды, украшенные по плечикам расчлененными вертикальными налепными валиками, получившие название батуринского типа¹⁴). В подтверждение проведенной синхронизации укажем также, что периоду безраздельного господства обряда вытянутого труположения в Закубанье (северокавказская и северокавказская катакомбная культуры) соответствует спорадическое появление вытянутых погребений в Приазовье и Прикубанье, начиная с поздней фазы новотиторовской культуры и вплоть до позднекатакомбных памятников.

Ранний железный век в работах экспедиции представлен в основном двумя культурами — сарматской и меотской, что соответствует в целом исторической ситуации, как она рисовалась еще совсем недавно. Мы, естественно, не касаемся третьего мощного фактора этого времени — греческих городов, которые не входят в сферу работ. Кроме того, в послед-

ние годы, в том числе благодаря и работам нашей экспедиции, на левобережье Кубани начал вырисовываться новый круг памятников, отличных от культуры меотов.

Пять тем связано у нас с изучением меотской культуры: раскопки Пашковского 6 городища и примыкающего к нему могильника в 1979 г., археологическая разведка по берегам Краснодарского водохранилища в том же году, раскопки могильника Лебеди III в 1979—1981 гг., разведки на землях ст. Старокорсунская в 1980—1984 гг. и разведки в Усть-Лабинском р-не в 1980—1984 гг., целью которых является археологическая карта района. Мы остановимся только на двух из этих тем.

Грунтовой меотский могильник Лебеди III расположен около хут. Лебеди (Калининский р-н Краснодарского края), на краю большой дельты Кубани, представлявшей еще недавно заболоченную равнину. Территория эта, по достаточно единодушному мнению исследователей, основанному на сообщениях древних авторов и эпиграфических памятниках Боспора, отводится меотскому племени дандариев. Систематических раскопок в этом районе не велось. Известны случайно обнаруженные могильники в станице Красноармейская¹⁵ у хут. Зеленский¹⁶ и у хут. Бельчанский¹⁷. В последнее время появились упоминания о поселениях у станицы Красноармейская¹⁸, у хут. Беликова и станицы Марьянская¹⁹. Впрочем, местонахождение последнего поселения делает спорным его отнесение к дандариям. Если мы добавим к этому списку несколько случайных находок, то этим археологические данные о дандариях будут исчерпаны. Поэтому широкие работы на могильнике Лебеди III представляют значительный интерес.

После проведения раскопок 1980 г., включавших и разведочные траншеи, изучения разработок грунта, проводимых строителями, после наблюдений над распределением подземного материала и изучения микро-рельефа местности мы смогли приблизительно очертить границы могильника. Общая площадь определена в 43,5 га, из которых 13,03 га находятся на правом берегу Понуры, 4,12 га были уничтожены при спрямлении русла реки, а остальные 26,3 га находятся на левом берегу. Зная плотность расположения могил на исследованном участке, можно приблизительно определить общее число погребений в могильнике. В зависимости от способа подсчета оно оказывается равным 17 или 29 тысячам, т. е. в любом случае весьма значительным. Благодаря большому числу амфор и чернолаковых сосудов имеется возможность надежно датировать могильник временем от второй четверти до конца IV в. до н. э., т. е. примерно 70—80-ми годами. Считая время одного поколения за 20 лет, мы получаем численность одновременно живших членов сообщества, равную 4250 или 7250 человек. Загадкой остается местопребывание этой массы людей, так как поселение поблизости не обнаружено.

В течение трех сезонов (главным образом в 1980 г.) нами была исследована полностью площадь в 5618 кв. м и еще около 6000 кв. м были исследованы частично. На этой площади обнаружено около 430 погребений²⁰.

Относительно могильных ям мы знаем крайне мало. Только одна яма детского погребения, прямоугольная в плане, прослежена уверенно. Еще две скорее угадывались, чем прослеживались. По расположению остатков костяков и инвентаря следует думать, что большинство ям были длинными и узкими. Для погребения 1 реконструируется либо очень обширная и мелкая яма, либо положение на грунт с последующим сооружением насыпи. По-видимому, использовались гробы, так как в ряде погребений найдены железные гвозди. Кроме одного скорченного, все погребения положены вытянуто на спине. Судя по остаткам костей, по расположению брашлетов и колец, руки как правило, были вытянуты вдоль тела. Ноги лежали параллельно, но встречались и перекрещенные в голенях. Ориентировка преобладала широтная: примерно 52% — головой на северо-восток-восток (с отклонениями) и 40% — на юго-запад-запад (тоже с отклонениями). Примерно равное соотношение западной и восточной

ориентировок и даже некоторое преобладание последней явились определенной неожиданностью, так как считалось, что к западу от устья Лабы господствовала западная ориентация. Известно 11 погребений (из 191) с южной ориентировкой, характерной для ранних меотов, и только одно — с северной. Следует отметить, что внутри могильника выделяются небольшие группы погребений, положенных рядами. Внутри этих групп ориентировка, как правило, одинаковая, близки они и по другим чертам обряда.

Из факультативных черт обряда отметим положение мисок под голову (30% среди тех погребений, где сохранилась голова). В нескольких случаях обнаружены следы деревянных мисок, и, следовательно, доля таких погребений первоначально была выше. Эта черта не связана с ориентировкой костяков и с половозрастными различиями. Следующая особенность — напутственная пища. Есть полные скелеты животных, но чаще клалась голова или голова вместе с ногами²¹. Кости располагались обычно в ногах погребенного. Довольно часто встречаются гальки, камни или куски мела. Причем представляется, что мел клался в качестве камней или галек и не выступал самостоятельно, как это отмечается в сарматских могилах. Обряд требовал галек, а в болотах Приазовья этого не было.

Весьма характерен набор инвентаря. Мы можем смело говорить об определенном стандарте: почти обязательна амфора, кувшинчик, вазочка и лепной горшок, личные украшения и оружие. При увеличении богатства увеличивалось число и качество этих компонентов. Другие типы встречаются редко. В ряде погребений обнаружены скелеты лошадей в сбруе, как правило, лежащие на животе и ориентированные одинаково с хозяином.

Наконец, отметим сравнительную редкость погребений с детьми, что, возможно, вызвано плохой сохранностью детских костяков. На 202 погребениях отмечено только четыре случая. Возраст детей до 8 лет. Если судить по инвентарю, то два ребенка погребены с женщинами, а один — с мужчиной. В последней могиле присутствовало копье, что, впрочем не обязательно свидетельствует о мужском захоронении.

Инвентарь погребений достаточно богат в сравнении со степными погребениями и другими меотскими могильниками. Достаточно указать, что из 202 погребений только 16 не имело инвентаря. В целом можно говорить, что погребения равны по богатству инвентаря, но два погребения явно выделяются. Они связаны с курганными насыпями и следует думать, что наличие такой насыпи служит указанием на особое социальное положение погребенных.

Примерно в половине погребений (44%) имелись украшения и можно было бы говорить, что это погребения женские, составляющие половину всех погребений. Однако дело обстоит несколько сложнее. Число костяков, определенных по полу, очень мало, учитывая их сохранность. Соответственно и надежность определений желает лучшего, но можно указать три, по-видимому, мужских погребения, где встречены украшения: 42 — одна серьга, один браслет; 152 — две серьги, два браслета, два перстня, 23 бусы; 188 — одна серьга, две бусы. Вероятно, этот же факт подтверждают и 13 погребений, где украшения найдены совместно с оружием, хотя часть из них наверняка принадлежала женщинам.

Ножи, оселки и зеркала, по-видимому, подобно украшениям, относятся к личным вещам или даже к деталям костюма. Оселков мало. Ножи встречаются как в мужских, так и в женских погребениях, зеркала только в женских, их клали на грудь. Тип зеркал один — круглый диск с деревянной или костяной ручкой, крепившейся к зеркалу заклепками. По краю зеркала часто идет орнаментальная полоса — гравированная при помощи циркуля плетенка.

Оружие найдено приблизительно в четверти всех погребений, что должно бы быть близко к числу боеспособных мужчин. Имеются и вооруженные женщины. Антропологическое определение их не очень на-

дежное, но все они относятся к возмужалому или даже старческому возрасту. В погребении 103 было легкое копьё, в погребении 104 — тяжелый меч и легкое копьё, в погребении 19 — два узких меча и пять легких копий. В погребении 85 найдено четыре железных наконечника стрел. Следует иметь в виду, что антропологически уверенно удалось определить только один женский костяк и еще 15 — со знаком «?»²². И четверть этих погребений оказалась с оружием. Это, пожалуй, выше, чем у скифов и «женоуправляемых» савроматов. Учитывая неуверенность определений, напомним о 13 погребениях, где украшения встречены вместе с оружием.

Типы вооружения не очень разнообразны. Мечи представлены двумя типами: длинными узкими и тяжелыми, с треугольным клинком, достигающим 11 см ширины у рукояти. Все имеют брусковидные навершия и не имеют перекрестий. Сюда надо добавить еще одну махайру, вероятно, полученную от греков Боспора. Наконечники копий представлены различными вариантами, в зависимости от формы рожна, но основных типов два: легкие и тяжелые. Легкие, встречаемые обычно по несколько штук в погребении, использовались, вероятно, для метания. В могиле их наконечники обычно лежат справа от черепа. Судя по количеству, именно легкие копья (дротики) являлись самым распространенным оружием. Лук играл явно незначительную роль: наконечников стрел найдено меньше, чем наконечников копий. Преимущественно это втульчатые трехлопастные железные наконечники, реже — бронзовые (около 15%).

Конь обычно лежит слева от погребенного. Вероятно, это боевые кони, так как чаще всего они лежат при вооруженных покойниках. Примерно в половине случаев зафиксированы удила. Но есть погребение с конем (№ 193), где нет оружия, но имеется серьга, браслет, перстень, зеркало и две бусины. По-видимому, это женское погребение (антропологически не определено из-за сохранности). Этот факт хорошо согласуется с вооруженностью женщин. В богатых могилах мы встречаем по нескольку коней, в самой богатой (1) их было семь, причем два из них лежали необычно для могильника — на боку.

Производственная деятельность в противовес воинской в обряде представлена слабо. Кроме пряслиц, встречена бронзовая игла и несколько массивных железных орудий, напоминающих пешню, но, возможно, являвшихся наконечником коленчатого тесла или мотыги, и два каменных двудырчатых сетевых грузила. Любопытно, что у меотов на Кубани, кажется, повсеместно распространены керамические грузила и только у меотов дельты Дона широко бытуют грузила описываемого типа. В районе приазовских плавней этот тип также не является распространенным. Наши археологические разведки на городищах по р. Кирпили это показали ясно. Кроме двух упомянутых экземпляров, можно сослаться только на находки в близлежащих к Лебедям III курганах, где грузила были зарыты в вершины насыпей, что вроде бы должно указывать на их ритуальную роль.

Дать подробное описание керамики или хотя бы перечислить ее типы не представляется сейчас возможным, ограничимся самой общей характеристикой. Прежде всего отметим, что, кроме местной керамики, имеется много привозной греческой. Она присутствует в 117 погребениях из 191. На первом месте — амфоры, в указанных погребениях их 143 экз. Представлены амфоры боспорские, синопские, гераклейские, фасосские, фанаторийские, типа Солоха I, с рюмковидными ножками, колпачковые и др. Затем идут 12 лутериев (мортаров)²³, которые по глине могут быть определены как синопские и гераклейские. Любопытно, что функция их изменена. В Лебедях III они использовались как блюда для мяса, зафиксированы случаи нахождения в них костей животных. Наконец, имеется 39 экз. (из 191 погребения) чернолаковой керамики. Наиболее многочисленны килики, канфары, скифосы и солонки. Остальные формы единичны (как, например, каснофигурное рыбное блюдо, украшенное изображением рыб и моллюсков).

Красноглиняная гончарная керамика, по-видимому, не однородна. Обычно она трактуется как импорт, но мы можем отметить удивительное совпадение ее форм с формами сероглиняной керамики, которую считаем несомненно местной²⁴. К тому же в более позднее время меотское производство красноглиняной и краснолощеной керамики не вызывает сомнения, не исключено, что это производство началось уже в IV в. до н. э. Но одновременно имеются явно греческие формы — например, рыбные блюда. Они тоже повторяются в сероглиняной керамике, но там они огрублены и являются подражанием. Мы имеем из 191 погребения 50 экз. красноглиняной посуды: 15 кувшинов, 11 мисок, 8 вазочек, три кружки, одно рыбное блюдо и 12 сосудов других форм. Сероглиняной керамики больше: она встречена в 102 погребениях (из тех же 191) в количестве 209 экз. По формам это 76 кувшинов, 65 мисок, 44 вазочки, пять кружек, три рыбных блюда и 16 других форм. Единство обеих групп подтверждается совпадением соотношений основных категорий посуды.

Несомненно, местной является лепная керамика. Обычно в погребении имеются обломки одного, редко — двух сосудов. Сохранность очень плохая, но насколько можно судить, это все горшки, без выделенного горла (тип I), очень характерные для меотской культуры почти на всем протяжении ее существования, особенно в западной части ареала. Создается впечатление, что постановка одного-двух лепных горшков — это прежде всего требование ритуала.

Из других находок отметим астрагалы, раковины каури, единичные находки черепицы, прогомы Деметры, кремни и т. п. Представляется, что мы имеем дело с обществом, стоящим на уровне первобытного строя. Об этом свидетельствуют определенное имущественное равенство погребенных, всеобщее вооружение. Можно отметить высокую общественную роль женщин, высокую не по сравнению с мужчинами, а по сравнению с положением женщин у других народов. Это выражается в «вооруженности» части женщин, в сопровождающем погребении коня с одной из них. Однако общинный строй уже был значительно распатан, и мы, по-видимому, должны говорить о военной демократии, о пороге государственности при сохранении племенной структуры. Об этом говорит погребение 1, которое, кроме своего богатства (рис. 2), многократно превосходящего остальные погребения, содержало еще захоронение двух явно зависимых людей — вероятно, наложницы и слуги. Последний лежит в ногах и был вооружен лишь одним легким копьем. По-видимому, часть погребений мы можем трактовать как погребения дружинников, воинов по профессии. Это прежде всего погребения с конями. Не надо забывать и того, что могильник находится в непосредственной близости от границ основных земель Боспора, от Синдики, что время начала функционирования нашего могильника довольно точно совпадает с началом широкого подчинения меотских племен Боспору. Практически во все время функционирования могильника группа, его оставившая, уже должна была быть включена в состав Боспорского царства. Обилие импорта свидетельствует, по-видимому, о том, что подчинение шло не только по линии военно-административной, но происходила и экономическая привязка.

О производстве мы можем сказать очень мало. Перечисленные находки орудий указывают лишь на самые обычные домашние занятия: прядение, шитье. Найденные пещнеобразные орудия могли использоваться для рытья могил. По остальному инвентарю представляется несомненным производство керамики: лепной наверняка и, очень вероятно, сероглиняной и красноглиняной. Обилие в почве железа делает возможным его добычу, но никаких конкретных указаний на это нет. Можно предполагать и литье из бронзы — уж очень многочисленны, а главные стандартны найденные украшения. На занятие скотоводством указывают костяки лошадей и папугушья пища. О земледелии нет никаких свидетельств.

По находкам двух сетевых грузил вряд ли можно судить о рыболовстве, учитывая, возможно, ритуальный характер находок, хотя на-

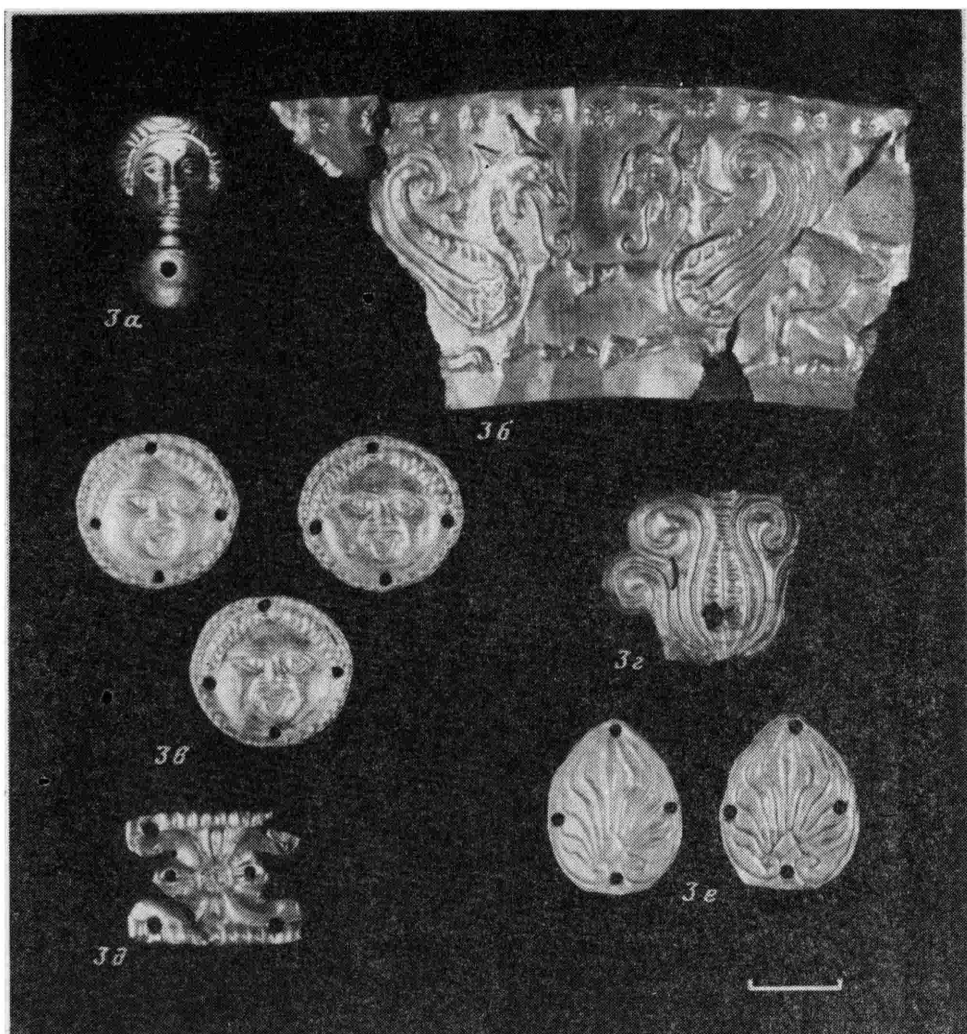

Рис. 2. Золотые вещи из погребения 1 могильника Лебеди III

личие рыболовства в этом краю протоков и лиманов представляется обязательным.

Наконец, торговля. Объем ее должен был быть значительным. Импортировали металлы в слитках или изделиях — медь, серебро, золото, резные перстни, стеклянные и гешировые бусы, чернолаковую посуду, часть красноглиняной посуды, амфоры с вином, лутерии, часть оружия (махайра), черепицу (единичные экземпляры, использовавшиеся, вероятно, в качестве противней или жаровен), терракоты, раковины каури, камень для грузил, вообще все камни и гальки, включая мел, бронзовые сосуды. Если не считать ввоза меди, то остальные статьи импорта не представляются жизненно необходимыми, определяющими тип хозяйства и образ жизни. Но тут, конечно, следует помнить, что погребальный инвентарь отражает жизнь искаженно и неполно. Получается, что в это время Боспор поставлял преимущественно «предметы роскоши», так как торговля медью могла идти и по старым местным связям, сложившимся на Северном Кавказе задолго до появления греков. Что экспортировалось, чем расплачивались за ввозимое, мы этого не знаем. Стандартное указание на хлеб может быть принято лишь с оговорками, так как плавни Приазовья — не самое удобное место для земледелия.

На этом мы закончим обсуждение проблем Лебедей III и перейдем к разведкам в Усть-Лабинском р-не. Следует иметь в виду, что это один из наиболее обследованных районов Краснодарского края, и тем не менее разведкой удалось выявить еще целую серию меотских городищ и поселений, впервые выполнить сплошную инструментальную съемку всех памятников. Это обстоятельство позволило очертить границы одной из локальных групп меотской культуры — устьлабинской. От краснодарской группы на западе она отделена нейтральной территорией, причем четыре западных городища группы возникли сравнительно поздно (Васюринско-Воронежские 1 и 2, Лесной Кордон I и II) и, следовательно, незаселенный промежуток первоначально был шире. Аналогичная зона имела и на восточной границе, за городищем Спорным, но затем была занята поселками ладожской группы меотов. По течению р. Лабы, в левобережье Кубани, городища усть-лабинской группы идут до станицы Новолабинская и крайним здесь является Новолабинское IV городище. За ним начинается опять нейтральная территория, после чего идет серия городищ тенгинской культуры, кучно расположенных по правому берегу Лабы в районе станицы Тенгинская, Воздвиженская и, вероятно, дальше. Время возникновения поселений устьлабинской группы — VI в. до н. э. На это указывают как материалы ранее раскопанного Усть-Лабинского 2 могильника²⁵, так и сборы наших археологических разведок на Новолабинском I и Мухинском поселениях, а также некоторые расчеты. Время окончания жизни на поселениях относится к рубежу II и III вв. н. э., что хорошо документировано фрагментами светлоглиняных амфор с профилированными ручками варианта С²⁶, собранными на поверхности почти всех памятников. Группа имеет некоторые особенности в материальной культуре, так же как и упомянутая ладожская группа, уходящая на востоке в Тбилисский район. Эталонным памятником локальной группы пока может считаться Усть-Лабинский 2 могильник, находящийся в ее центре. Выделение ладожской группы нельзя считать законченным, но отметим, что сборы на этих городищах дали и вариант «Д» тех же светлоглиняных амфор, что означает более позднее прекращение жизни на них, вероятно, в середине III в. н. э.

Тенгинская культура была распознана нами после обильных сборов осенью 1982 г. на Тенгинском II городище²⁷. Особенностью этого городища, а также соседних Воздвиженских I, II, III является то, что они не делятся на части как меотские поселения и не имеют цитаделей, а обнесены единым валом и рвом, внутри которых выделяются зольные холмы с повышенным содержанием материала. В сборах имеется 16 профильных фрагментов амфор и 54 стенки, которые дают время с рубежа VI—V вв. до н. э. («амфоры с широкими полосами», по И. Б. Зеест²⁸) до III в. до н. э. (амфоры, Фасоса, типа Солоха II, с рюмкообразными ножками, гераклейские и т. д.). Имеется также стенка краснолакового сосуда, указывающая на время не ранее I в. до н. э. Несколько маловыразительных фрагментов тонкостенных кружальных сосудов дополняют группу импортной греческой керамики.

Серолощенная керамика довольно многочисленна (около 18%), но уступает лепной лощеной. Напомним, что на синхронных меотских памятниках она составляет подавляющее большинство. Набор типов не дает такого разнообразия, что на меотских городищах. Кроме того, группа как будто не едина технологически. Речь идет не о цвете, варианты которого обычны, а о примесях. Как известно, для «классического» краснодарского варианта меотской культуры, изучавшегося нами по раскопкам Пашковского 6 городища и по сборам, характерна серолощенная (сероглиняная) керамика без видимых примесей. На Тенгинском II городище присутствует и такая, но наряду с ней имеются фрагменты с примесью песка и довольно многочисленные фрагменты с примесью крупных мергелевидных обломков. Изредка встречается и дресва. Последняя примесь характерна для лепной лощеной керамики памятника. Тем же влиянием можно объяснить и присутствие песка. Создается впечатление, что на-

ряду с местными изделиями мы имеем еще и импортные, что неудивительно, учитывая пограничное положение памятника и высокое качество серолощенной меотской керамики, служившей предметом широкой торговли.

Лепная лощеная керамика на Тенгинском II городище является наиболее многочисленной (77%). Цвет этих сосудов варьируется от черного до светло-желтого. В качестве примеси идет крупная дресва, среди которой выделяются обломки розового кварца. Обе поверхности тщательно лощены. Что касается закрытых сосудов, то лощение изнутри покрывает, вероятно, только верхнюю часть стенок. Формовка небрежная, профилировка слабая. Для всех типов свойствен уплощенный край, иногда несколько выпуклый. При попытке выделения типов создается впечатление, что венчики мало пригодны для их диагностики. Они как-то плавно переходят от одного варианта к другому. Вероятно, за этими вариантами венчиков стоят разные типы сосудов, в частности горшков, но уверенно распределить эти венчики по типам затруднительно, особенно сейчас, при отсутствии целых форм.

Обнаружение южной границы меотского расселения и выделение новой культуры уже представляет значительный интерес, но разведки показали, что общая картина к югу от меотской территории значительно сложнее, чем предполагалось еще несколько лет назад. В непосредственной близости от городища Тенгинского II выявлены и другие памятники, дающие иные варианты культуры или другие культуры. Ниже по течению р. Лабы, на том же правом берегу находится Тенгинское I городище, дающее совсем иной набор керамики. Заметную роль там играют горшки с валиком под венчиком или в основании горла, изготовленные на медленном круге. К сожалению, собранный материал недостаточен для развернутой характеристики, но хочется думать, что это та же тенгинская культура на более позднем этапе существования.

Поселение Мамхег-Правобережный (Шовгеновский р-н Адыгейской АО), расположенное недалеко от Тенгинского II городища, на р. Грязнухе, притоке р. Ульки, впадающей в Лабу слева, было неукрепленным. Оно состоит из шести зольных «жилых» холмов, пять из которых находятся на краю надпойменной террасы. Материал сосредоточен именно на этих зольных холмах, высота которых колеблется от 1 до 2 м. Здесь собрано свыше 600 профильных фрагментов керамики. Набор оказался достаточно специфичным.

Прежде всего отметим незначительный удельный вес лепной керамики и полное отсутствие импортной. Последнее существенно затрудняет датировку. Она основывается на некоторых параллелях в серолощенной керамике, например на налепных рассеченных валиках, и на подражании античному килику-канфару²⁹. Основываясь на этом, мы как самую предварительную можем назвать дату — IV в. до н. э. — первые века нашей эры, т. е. памятник в целом позднее, чем Тенгинское II городище, хотя частично и сосуществует с ним.

Среди керамики, изготовленной на круге, технологический уровень которой достаточно высок, выделяются две группы: толстостенной и серолощенной. Значительная роль первой является отличительной особенностью памятника. Глина этих изделий имеет примесь мелкого кварцевого песка и сравнительно редкие включения извести. Поверхность венчиков обычно заглажена на круге, изредка на них имеется небрежное лощение, которое выполнялось на круге (в двух случаях оно как будто сделано от руки). Цвет варьирует от оранжевого до коричневого. В половине случаев глина внутри серая. Изготавливались два типа сосудов: пифосы и глубокие открытые сосуды.

Серолощенная, точнее эквивалентная ей, посуда представлена кувшинами, разнообразными мисками, среди которых можно найти параллели меотским вариантам, но точные соответствия встречаются относительно редко.

Рис. 3. «Стратиграфическая» схема одного из участков могильника Мощевая Балка

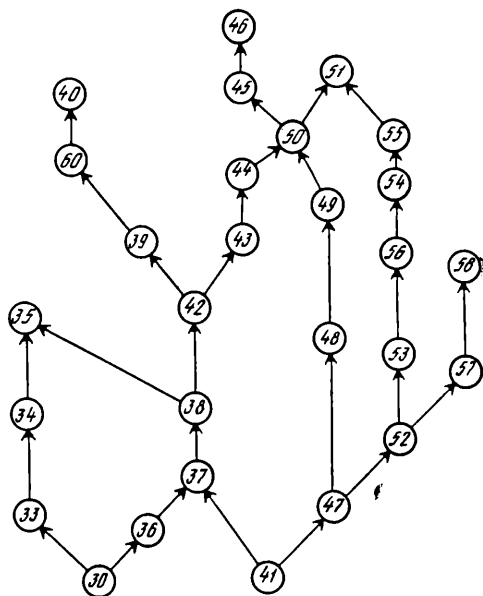
В кружках даны номера погребений, стрелки указывают последовательность их во времени

Следует еще указать, что городище Усть-Синюха II, расположенное на правом берегу р. Синюхи, являющейся притоком р. Чамлык, впадающей в Лабусправа, к востоку от Тенгинского II городища и Мамхега, дало еще один вариант культуры. Такое разнообразие близко расположенных памятников свидетельствует о сложной обстановке, существовавшей к югу от территории расселения меотов, и ставит перед археологами нелегкую задачу изучения этого разнообразия. Обнаружение этой культурной пестроты мы рассматриваем как важный результат наших разведок.

Что касается памятников средневековья, то в работах экспедиции представлены все периоды, начиная с IV—V вв. н. э. и вплоть до нового времени. В большинстве случаев это отдельные погребения, впущенные в насыпи более древних курганов, хотя в 1983 г. возле станции Гривенской (Калининский р-н) был раскопан целый могильник (Коллекторский) из восьми насыпей, возведенных над погребениями первой половины XII в. Захоронения людей сопровождалось здесь погребениями коней в сбруе (удила, стремяна). В инвентарь погребений воинов входили кольчуги, сабли, железный шлем с козырьком, наконечники стрел, железные части арбалета, в частности спусковой крючок, серебряные чаши византийской работы.

Наибольший интерес представляют исследования на могильнике Мощевая Балка (Урупский р-н Карачаево-Черкесской АО), который датируется VIII—IX вв. Здесь расчищено 566 могил, из которых всего полтора десятка оказались неограбленными. Несмотря на это, результаты работ представляют большой интерес, как в плане понимания самого могильника, так и в более общем. Прежде всего удалось выяснить структуру могильника, способ расположения каменных гробниц, почти герметически закрывавшихся благодаря обмазке глиной. Их расположение напоминает чешую: первые пристраивались к скале, а последующие — к уже стоявшим гробницам. Таким образом, в каждой гробнице сооружалось только три стенки. Это обстоятельство, а также то, что гробница обмазывалась только снаружи и следовательно, внутри оказывалась обмазанной только одна стенка, относящаяся к предшествующей гробнице, позволило выявить на отдельных участках последовательность сооружения гробниц, построив разветвленные стратиграфические схемы (рис. 3). Имеются некоторые намеки на то, что разные участки могильника осваивались не одновременно, на что указывает — еще, правда, недостаточно изученное — различие их по инвентарю.

Могильник благодаря особым природным условиям великолепно сохранил органику вплоть до мышечных тканей погребенных. Это дало в руки археологов огромное число образцов тканей, кожаных изделий и изделий из дерева, т. е. того материала, который обычно отсутствует в могилах. Появилась возможность составить представление и об этих категориях источников. Это любопытно само по себе для изучения определенных производств довольно широкого круга культур салтово-маяцкого

типа, но значение этих находок шире. Мы получаем возможность увязать археологию с этнографией, так как сделанные наблюдения над покроем одежды и обуви, типы швов, вышивок, узоров на коже и дереве, способы вязки узлов и т. д. позволяют сопоставить наши материалы с этнографическими наблюдениями. Кроме того, полученные материалы позволяют более надежно интерпретировать степные находки обычной сохранности. Например, выяснилось, что, как правило, в могилы клали оружие и орудия без металлических частей — ножны без ножей, топорища без топориков, рукоятки без тесел, древки стрел без наконечников. При обычной сохранности могильники бы почти не дал оружия даже на уровне ножей. Возможно, что подобную картину мы имеем и в степи. А ведь по таким находкам мы судим о всеобщем вооружении, т. е. о социальном строе, о выделении дружины и т. д.

Могильник интересен и с еще одной точки зрения — он расположен на одном из ответвлений знаменитого шелкового пути, который, вероятно, проходил по долине Большой Лабы на перевалы, ведущие в современную Абхазию — сферу непосредственного влияния Византии. Изучение находок Мощевой Балки позволит рассмотреть состав товаров, идущих по этому пути в обе стороны. Причем сохранность органики позволяет изучить товары, обычно не доступные археологу. Назовем только шелковые ткани, уже ставшие предметом изучения³⁰.

Таковы в самом сжатом виде итоги работы экспедиции в 1979—1983 гг.

- ¹ *Покровский М. В., Анфимов Н. В.* Карта древнейших поселений и могильников Прикубанья // СА. 1937. IV.
- ² *Козенкова В. И.* Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 60—67.
- ³ *Гей А. Н.* Раскопки курганов на р. Понуре // АО 1981 г. М., 1983. С. 112—113.
- ⁴ *Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Резенкин А. Д., Трифонов В. А., Бестужев Г. Н.* Работы Кубанской экспедиции // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: Тез. докл. к Всесоюз. совещ. Л., 1983. С. 11—13; *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 16.
- ⁵ *Сафронов В. А.* Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980. С. 6—9.
- ⁶ *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье... С. 7—10; *Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Резенкин А. Д., Трифонов В. А., Бестужев Г. Н.* Работы Кубанской экспедиции в 1978—1980 гг. // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 82—88.
- ⁷ Сравнение антропологических материалов произведено Г. П. Романовой.
- ⁸ *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до н. э. Симферополь, 1969. С. 324.
- ⁹ *Шиллов Ю. А.* Исторический процесс в Нижнем Поднепровье середины III—середины II тысячелетия до н. э. // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. конф. Донецк, 1979.
- ¹⁰ *Дедабришвили Ш. Ш.* Курганы Алазпской долины // Тр. Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси, 1979. Т. II.
- ¹¹ *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 14.
- ¹² *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье... С. 24.
- ¹³ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978. С. 35—70.
- ¹⁴ *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье... С. 24.
- ¹⁵ В 1938 и 1944 г. при земляных работах вскрыто несколько погребений IV—III вв. до н. э. // Архив ИА. Д. 485. Л. 9—10; *Анфимов Н. В.* Новые материалы по меото-сарматской культуре...; *Он же.* Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стелиевской // КСИИМК. 1949. 24.
- ¹⁶ В 1947—1949 гг. местными жителями обнаружено несколько погребений IV—начала III в. до н. э. В 1949 г. Н. В. Анфимов доследовал одно погребение того же времени. См.: *Анфимов Н. В.* Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. 1952. 46; Архив ИА. Д. 485, л. 2 и след.
- ¹⁷ *Каменецкий И. С.* Новый меотский могильник в Приазовье // СА. 1968. № 2.
- ¹⁸ Авторы имели возможность осмотреть этот памятник в 1982 г.
- ¹⁹ *Анфимов Н. В.* Экспансия Боспора в западном Прикубанье // Культурные взаимосвязи городов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тез. докл. конф. М., 1981. С. 12.

- ²⁰ Обработка материалов еще не закончена. Точные данные мы имеем пока для 191 погребения, обнаруженного в траншеях 2—16, которые были исследованы полностью.
- ²¹ Определения еще не производились. Судя по размерам, это могли быть кости овцы или свиньи.
- ²² Определения выполнены Г. П. Романовой.
- ²³ Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980. С. 68.
- ²⁴ И. Б. Брашинский, разбирая керамику Елизаветинского городища на Дону, отнес всю сероглиняную, как и красноглиняную керамику, к импортной (Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... , с. 87).
- ²⁵ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 155—207.
- ²⁶ Каменецкий И. С. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 29—36.
- ²⁷ Первое известное нам упоминание городища находится в «Списке памятников истории и культуры Краснодарского края». Краснодар, 1978. С. 157. № 2401.
- ²⁸ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960, № 83. С. 71.
- ²⁹ Фрагмент последнего найден на поселении Мамхег-левобережный, расположенном напротив первого и идентичного с ним по культуре.
- ³⁰ Иерусалимская А. А. К вопросу о связях Северного Кавказа со Средней Азией в раннем средневековье (по материалам находок шелковых тканей VII—VIII вв.) // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1961 г. Л., 1962. С. 12, 13; Она же. Ткань с Бахрамом Гуром из могильника Мошечая Балка (Северный Кавказ) // Тр. Гос. Эрмитажа. 1961. Т. 5. С. 40—50; Она же. К вопросу о связях Тогда с Византией и Египтом (об одной уникальной ткани из северокавказского могильника Мошечая Балка) // Народы Азии и Африки. 1967. № 3. С. 119—126; Она же. К вопросу о торговых связях Северного Кавказа в раннем средневековье (несколько шелковых тканей из Мошечой Балки). — Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1963. Вып. 24. С. 35—39; и др.

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ, В. Г. ПЕТРЕНКО, М. А. РОМАНОВСКАЯ

РАБОТЫ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В начале 60-х годов в Ставрополье были проведены мелиоративные работы. В связи с ними А. Л. Нечитайло в 1963—1965 гг. раскопала обширные курганные поля у станиц Усть-Джегутинской на р. Кубани, Суворовской на р. Куме. Материалы раскопок, введенные в научный оборот, стали крупным вкладом в изучение истории и культуры населения бронзового века Предкавказья в III—II тысячелетиях до н. э.¹

В 1973 г. к юго-востоку от с. Александровское в центральном Ставрополье начинает свою деятельность в крае Ставропольская экспедиция Института археологии АН СССР. Ее главной задачей стала охрана и изучение памятников археологии. Работы экспедиции тесно связаны с развитием мелиорации, сельского хозяйства, повышением урожайности, площадей пашни колхозов и совхозов. В 1975 г. В. Г. Петренко проводятся археологические разведки в Александровском и Арзгирском р-нах, ставшие основой работы экспедиции на многие годы.

С 1973 г. по 1982 г. экспедиция сосредоточила исследования главным образом на трассе Большого Ставропольского и Терско-Кумского каналов (рис. 1). В центральном Ставрополье крупные курганные группы раскопаны у хут. Красное Знамя, недалеко от с. Александровское, у хут. Веселая Роща, между хут. Харьковское и Журовское на границе Александровского и Новоселицкого р-нов, у с. Грушевское и с. Калиновское Александровского р-на, у с. Журовское, с. Новоселицкое Новоселицкого р-на, у г. Светлограда. В степях и полупустынях Ставрополья работали отряды по исследованию курганов в совхозе Красноманьчский Туркменского р-на, в Арзгирском р-не на строительстве Чограйского водохранилища, у с. Преображенское Буденновского р-на. На юге края в открытых ландшафтах раскапывались курганы у с. Новозаведенное, с. Георгиевское Георгиевского р-на. На территории Кавказских минеральных вод исследован курган у пос. Иноземцево, ряд курганов у пос. Нежинское, начаты раскопки

кобано-аланского комплекса в уроч. Клин-Яр в подсобном хозяйстве Зеленогорский, западнее г. Кисловодск. В различное время в Ставропольской экспедиции вели работы по открытым листам В. Г. Петренко, Б. Г. Тихонов, В. А. Кореняко, М. А. Романовская, В. Л. Державин, М. В. Андреева, А. В. Куйбышев, П. Г. Дервиз, Т. Н. Мишина, С. Н. Кореневский и др.² Большую помощь в организации экспедиции оказал Ю. А. Краснов. За десятилетний период существования экспедиция провела раскопки более 200 курганов.

Работы экспедиции ведутся в контакте и при помощи Краевого управления культуры, отделения ВООПИК, Ставропольского краеведческого музея им. Г. К. Праве.

подавляющее количество памятников, раскопанных экспедицией, относятся к эпохе бронзового века, меньше представлены в ее исследованиях памятники скифского и сарматского времени, кобанские древности, средневековые находки. Ниже мы приведем краткий обзор материалов по доминирующей проблематике Ставропольской экспедиции.

В 1978 г. в кург. 15 в основном погребении 1 могильника у хут. Веселая Роща обнаружено одно из древнейших захоронений под курганами в центральном Предкавказье³. Скелет лежал в материковой яме на спине скорченно головой на юго-восток.

Над ним зафиксирован густой слой охры толщиной до 5 см. В погребении справа от черепа найден сосуд яйцевидной формы с уплощенным дном. Венчик слегка отогнут наружу, имеет орнамент в виде ногтевых

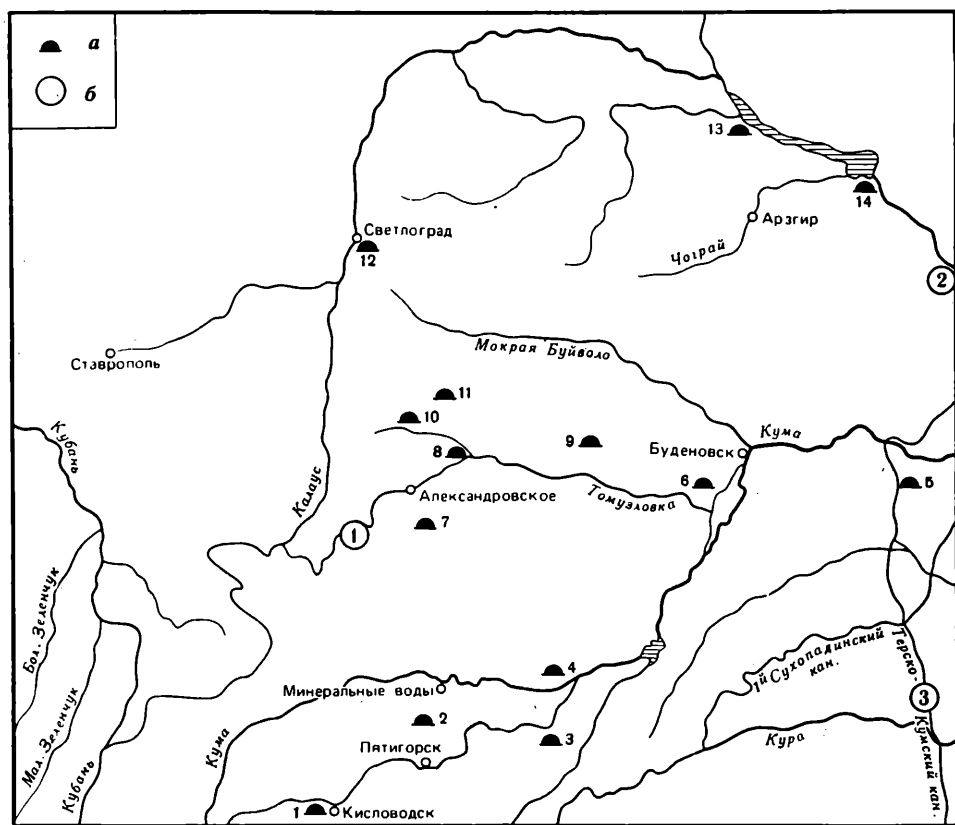

Рис. 1. Район работ Ставропольской экспедиции в 1972—1983 гг.

а — памятники; б — оросительные системы

1 — Нежинская и уроч. Клин-Яр; 2 — Иноземцево; 3 — Георгиевское; 4 — Новозаведенное; 5 — Бияш; 6 — Преображенское; 7 — хут. Красное Знамя; 8 — хут. Веселая Роща; 9 — Новоселицкое; 10 — Калиновское; 11 — Грушевское; 12 — Светлоград; 13 — Красноманчский; 14 — Чограйское водохранилище

1 — Большой Ставропольский канал; 2 — Кумо-Манычский канал; 3 — Терско-Кумской канал

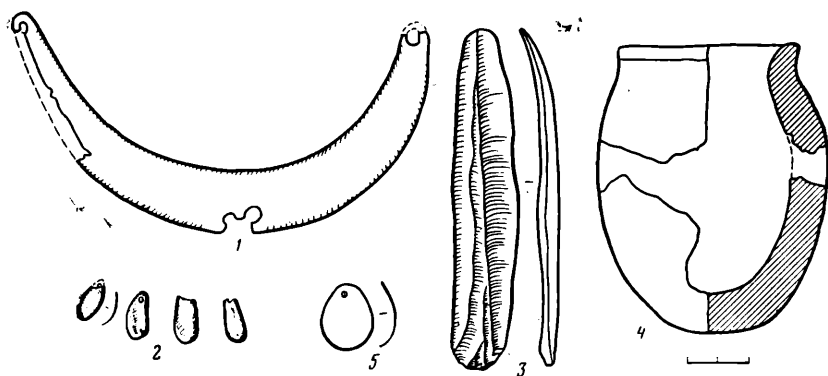

Рис. 2. Предметы из погребений

1 — костяная пластина; 2 — медные скорлупки-подвески; 3 — кремневый нож; 4 — сосуд; 5 — медная скорлупка-подвеска из Чаплинского могильника; 1—4 — из погр. 1 кург. 15 у хут. Веселая Роща II; 5 — Чаплинский могильник

насечек. Поверхность сосуда ровная, сглаженная, желтого цвета, со следами затертости охрой. На внутренней стороне горшка отмечены следы сажи (рис. 2, 4). На грудных костях скелета лежала пластинка из клыка кабана в форме полумесяца. По концам и в середине пластины просверлены отверстия. Края украшения покрыты насечками (рис. 2, 1). Чуть ниже пластины обнаружены четыре медных подвески-скорлупки с отверстиями для прикрепления (рис. 2, 2). Возможно, они подвешивались к костяному украшению и составляли с ним один целый набор. У костей левой руки лежала кремневая ножевидная пластина (рис. 2, 2).

Аналогии вещам из этого захоронения связаны с кругом предметов эпохи энеолита Восточной Европы и Предкавказья⁴. Бронзовые скорлупки по форме близки подвескам-раковинам Хвалынского могильника и медным «скорлупкам» Чаплинского могильника в Поднепровье⁵. Синхронизации с эпохой энеолита основного погребения кургана 15 не противоречит и форма сосуда⁶. Датировка погребения 1 поэтому связана с временем, предшествующим сложению памятников типа Майкопа и Новосвободной и относится к энеолиту, хвалынско-среднепестовской общности, т. е. ко второй половине IV тысячелетия до н. э.⁷ Рассматриваемое захоронение кург. 15 позволяет прийти к выводу, что форма подкурганного обряда в центральном Предкавказье появилась, как и в Прикубанье, в эпоху энеолита до становления культуры ранней бронзы. Она была связана отчасти с населением, которое имело обряд погребения, традиционный для племен ямной культурно-исторической общности Восточной Европы. Полученные материалы из этого закрытого комплекса также говорят о знакомстве племен Предкавказья с металлом в эпоху энеолита, причем древнейшие металлические изделия Предкавказья соответствовали типам вещей энеолита Подунавья и Восточной Европы. Другой находкой, подтверждающей данный тезис, является топор-тесло из-под Усть-Лабинской, характерная вещь типа Ариушд культур энеолита Подунавья⁸.

Подкурганные погребения ямной культурно-исторической общности в материалах экспедиции представлены мало выразительными погребениями со скорченными на спине скелетами, часто не имеющими инвентаря.

В небольшом количестве экспедицией открыты погребения эпохи раннего бронзового века. Самым богатым памятником этого времени является раскопанный В. Г. Петренко курган у пос. Иноземцево. В нем найден разнообразный инвентарь: бронзовые котлы, вилка, топоры, нож, золотые украшения, оригинальная керамика с пролощенным орнаментом в виде елочки, косой сетки⁹. Два захоронения рассматриваемого периода обнаружены Б. Г. Тихоновым и В. Л. Державиным в могильнике у хут.

Веселая Роща. Своеобразной чертой майкопско-новосвободненской общности является положение покойных на спине — скорченно¹⁰. В 1982 г. в раскопках I Нежинской группы у г. Кисловодска зафиксировано основное погребение кургана 1 в каменном ящике, поставленном в яму, которое имело смешанные черты обрядности эпох ранней и средней бронзы. По инвентарю оно относится тем не менее к времени майкопско-новосвободненской общности на Кавминводах¹¹.

В центральном Ставрополье на Прикалаусских высотах Т. Н. Мишиной и П. Г. Дервизом найдены пока самые северные курганы ранней бронзы в Ставрополье. Они имели каменные кромлехи, каменные панцири. Захоронения совершались в каменных ящиках на предматерике¹².

Малочисленность материалов ранней бронзы Ставрополья не позволяет сделать обобщающие выводы. Отметим, что ни на Кавминводах, ни в центральном Ставрополье не встречена керамика с выпуклинами, характерная для посуды Прикубанья и курганов у станицы Новосвободной в частности. Возможно это — показатель локальной особенности памятников восточного ареала племен майкопско-новосвободненской общности. Другая проблема, которая возникает из анализа раскопок курганов на Кавминводах, связана с неоднородностью периода погребального обряда и материальной культуры ранней бронзы к последующей эпохе северокавказской культурно-исторической общности. Раскопанные на Кавминводах материалы позволяют также предполагать, что этот район был одним из центров формирования общности племен Предкавказья, хоронивших сородичей в вытянутом на спине положении в конце III—середине II тысячелетия до н. э.

Эпоха среднего бронзового века в зоне раскопок экспедиции в центре Ставропольского плато и пустынных территориях Чограйского водохранилища представлена погребениями в ямах и катакомбах со скелетами, лежащими вытянуто на спине и скорченно на левом боку, что обычно для катакомбной общности Предкавказья и Калмыкии, с сосудами-курильницами, бронзовыми, костяными, каменными изделиями. По материалам могильника у хут. Веселая Роща можно установить, что погребения в ямах и катакомбах с вытянутыми костяками образуют более древний хронологический горизонт. Для этого массива могил типичны находки костяных, бронзовых булавок, отсутствие орудий труда и сведений о захоронениях с повозками или колесами. В кургане 3 (детское погребение 3) в Чограй VIII Арзгирского р-на М. В. Андреевой обнаружена модель повозки с костяной булавкой¹³. Украшения из бронзы в захоронениях в вытянутом положении позволяют сопоставить этот горизонт с первым этапом предкавказских предгорных племен по схеме А. Л. Нечитайло¹⁴ (конец III—1800/1700 гг. до н. э.). Другой, более молодой горизонт, погребений в катакомбах и ямах со скорченными на левом боку костяками уже не содержит бронзовых и костяных булавок простых молоточковидных и посоховидных форм. Вместе с тем в этом контексте попадаются ножи «катакомбного» типа, долота, тесла, крюки из бронзы. Отмечен обычай хоронить с умершим повозку. Встречена детская могила с моделями колес¹⁵. Именно с горизонтом скорченных на левом боку погребений связано захоронение литейщика с формами для отливки втульчатых топоров в кургане 3 (раскопки 1976 г. Б. Г. Тихонова и В. Л. Державина)¹⁶. Нагрудные украшения из детского погребения (скорченно на левом боку) 3 в кургане 2 у хут. Веселая Роща¹⁷ позволяют соотносить этот горизонт погребений со вторым этапом верхне-кубанских памятников центрального района северокавказской культурно-исторической общности, по схеме А. Л. Нечитайло, т. е. 1800/1700—1500/1400 гг. до н. э.

Интересные наблюдения за погребальным обрядом эпохи средней бронзы сделаны В. Л. Державиным на материалах могильника у с. Грушовское. Им были обнаружены скорченные на боку погребения с характерным для катакомбных памятников инвентарем в каменных ящиках. Непосредственно самих катакомб здесь открыто немного. В силу этого автором раскопок выдвинуто предположение, что произошла трансформа-

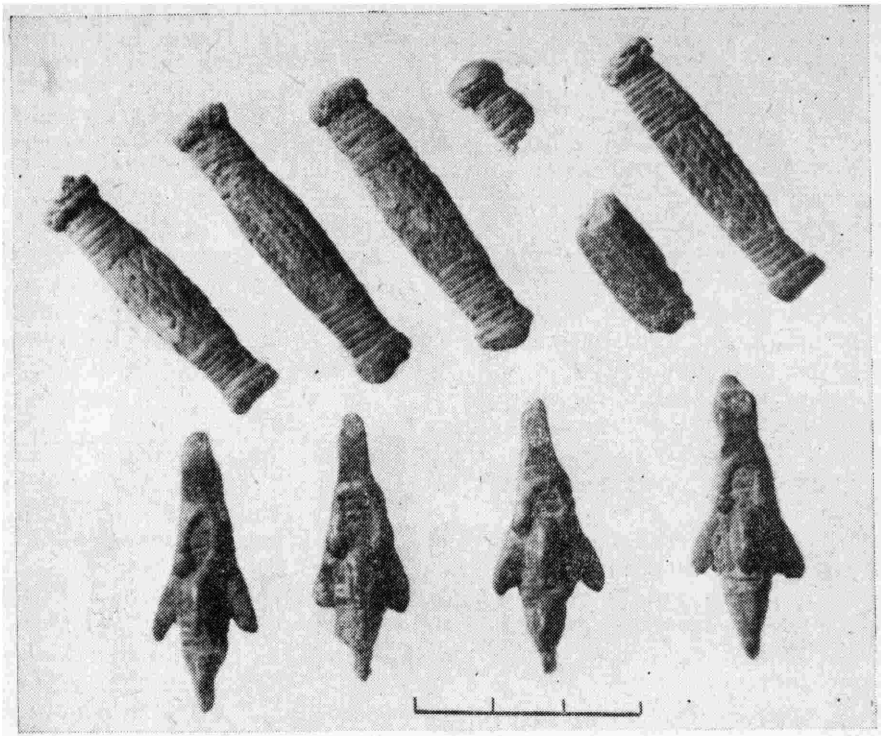

Рис. 3. Бронзовые украшения из Кобанского погр. 3 могильника Клинь-Яр у г. Кисловодска

ция катакомбного обряда по местным условиям почвы, так как геологические слои не позволяли рыть подземные камеры катакомб¹⁸.

В 1982 и 1983 гг. Предгорным отрядом экспедиции проведены раскопки трех курганов на правом берегу р. Подкумок у г. Кисловодска Нежинской I (или Клинь-Ярской) группы. Эти работы позволили поставить новую тему о материальной культуре и погребальном обряде населения Кавминвод в эпоху бронзы. Полученные материалы уже позволили прийти к выводу о выделении особой Минераловодской группы племени эпохи средней бронзы¹⁹ из обозначенной ранее В. И. Марковиным кабардино-пятигорской группы центрального района северокавказской общности²⁰.

Погребения эпохи поздней бронзы докобанского периода в раскопках экспедиции характеризуются большей частью безынвентарными захоронениями, лежащими на боку скорченно, в насыпи или на горизонте. Погребальный инвентарь редок. Из украшений попадают бусы-бисер. Несколько таких могил было открыто на Кавминводах и Калиновской группе на Прикалаусских высотах²¹. Керамика из минераловодских захоронений резко отличается от посуды предшествующего среднебронзового этапа и более походит на посуду III этапа верхнекубанских памятников по схеме А. Л. Нечитайло (третья четверть II тысячелетия до н. э.)²². Памятники предкобанского горизонта отражают смену обычаев погребального обряда, исчезновение традиций керамических форм эпохи средней бронзы и традиций снабжения покойных богатыми наборами бронзовых украшений. По всей видимости, можно поставить вопрос о сложении в предкобанское время в Предкавказье (в том числе и Ставрополье) особой общности населения, представляющей новое образование по сравнению с предшествующим массивом племен эпохи средней бронзы конца III—середины II тысячелетия до н. э.

В 1983 г. экспедицией у г. Кисловодска начаты работы на кобанско-аланском могильнике в уроч. Клинь-Яр. Здесь открыты погребения кобан-

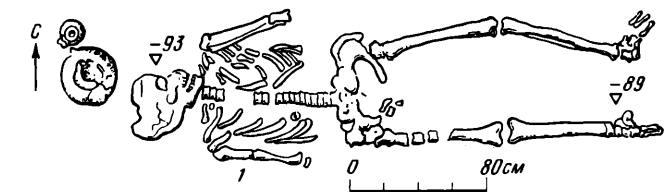
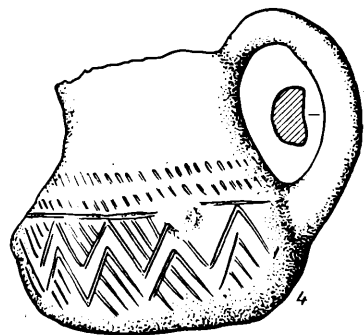
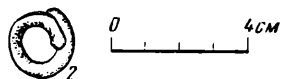
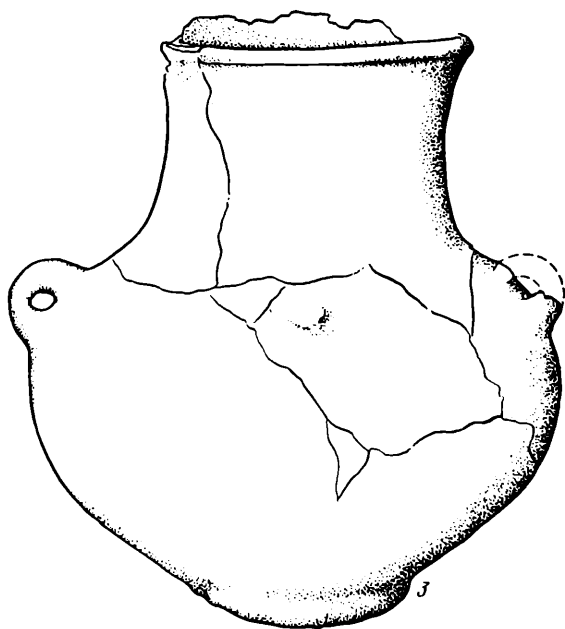

Рис. 4. Погребение
1 кург. 14 группы Веселая
Роща III киммерийского
времени

1 — план; 2 — металличе-
ское кольцо; 3 — лепной со-
суд с двумя ручками; 4 —
кружка

ской культуры в каменных ящиках и «клад» вещей той же эпохи с великолепным биметаллическим бронзовым кинжалом. Раскопанные захоронения датируются IX—VI вв. до н. э. (рис. 3).

Одним из ранних погребений железного века, найденного экспедицией, стало захоронение 1 кургана 14 в Веселой Роще III, сделанное в более древней насыпи бронзового века (рис. 4, 1). В могиле лежали останки мужчины 40—50 лет в положении вытянуто на спине головой на запад. Кости правой ноги согнуты под углом 45° . Между ребрами найдено кольцо из белого металла (рис. 4, 2). За черепом покойного стоял серо-коричневый сосуд со сглаженной поверхностью и следами лощения. Венчик утолщен и отогнут наружу. Широкое горло, округлое тулово и плоское дно. На тулове сделаны две маленькие петлевидные ручки одна против другой. Между ними симметрично расположены два упора-шишечки (рис. 4, 3). Рядом с сосудом помещался черпачок с высокой ручкой, выступающей над краем венчика. Поверхность орнаментирована тремя шпешечками-налепами, расположенными в горизонтальной плоскости на уровне нижнего края ручки (рис. 4, 4). Выше этого уровня, отмеченного прочерченной линией, идет орнамент в виде двух горизонтальных рядов косых насечек. Ниже тулово покрыто зигзагом-лентой. Пространство выше и ниже зигзага покрыто кривой штриховкой. Судя по аналогиям, это погребение можно отнести к киммерийскому времени.

Раскопки В. Г. Петренко в 1973—1979 гг. большого кургана и окружающего могильника у хут. Красное Знамя дали очень важные материалы для изучения раннескифской культуры. Впервые в Предкавказье полностью исследован могильник скифов, датирующийся временем их переднеазиатских походов. Он являлся кладбищем воинской верхушки, принимавшей участие в походах.

Открытые под насыпями курганов интереснейшие погребальные сооружения в виде склепов, сочетающие в конструкции дерево и камень,

существенно расширили представление о погребальном ритуале скифов второй половины VII в. до н. э.

Под насыпью кургана 1 открыт уникальный храмово-погребальный комплекс, связанный с почитанием огня, как священной стихии и астральными культами. Это дает возможность по-новому трактовать ряд вопросов о религиозных представлениях скифов и связи их с религией Переднего Востока. Обнаруженный здесь храм огня построен согласно канонам иранской храмовой архитектуры. Наиболее близкие параллели его архитектура и строительные приемы находят в мидийских храмах огня. В свою очередь, эти соответствия при отсутствии местных истоков храмовой архитектуры позволяют предполагать перемещение в Предкавказье пленных мастеров строительного дела и использование их при сооружении памятника. О перемещении переднеазиатских ремесленников свидетельствуют и вещевые находки, и оформление некоторых из них отлочно от культуры скифов. Это прежде всего относится к остаткам колесниц. Вытесненное на обкладке дышла колесницы из южной могилы кургана 1 изображение богини Иштар находит ближайшие аналогии в настенном рельефе сцены охоты Ашурбанипалла из Ниневийского дворца.

Изучение монументальной скульптуры в обрядности с привлечением случайных находок из других районов Ставрополя позволило установить единство каменных изваяний скифов на всей территории от Предкавказья до Дуная. Инвентарь погребений, хотя и разграбленный в значительной степени, дал интересный материал по культуре скифов VII в. до н. э. Впервые удалось выявить положение в могиле упряжки из трех-четырёх коней с колесницей. Получены также новые данные по системе упряжи и употреблении в ней отдельных бронзовых деталей пряжек, пронизок, ранее неизвестных. Изучение бронзовой и глиняной посуды из погребений позволило уточнить отдельные стороны сложных взаимоотношений скифов с племенами кобанской культуры.

Впервые были получены также данные, свидетельствующие об обитании группы скифского населения на Ставропольском плато на протяжении второй половины VII в. до н. э. Это существенно подкрепило вывод о прочности освоения скифами территории Предкавказья к середине VII в. до н. э., служившей плацдармом в переднеазиатских походах.

Скифские погребения также содержат три кургана из групп у дер. Жуковское и Веселая Роща.

Курган 26 Веселая Роща II, видимо, был недосыпан в древности (рис. 5). На уровне дневной поверхности один за другим были вырыты два кольцевых незамкнутых ровика. Во внутреннем ровике шириной до 150 см и глубиной 25—30 см положено большое количество окатанной гальки. Земля из него отбрасывалась наружу. Внешний ров достигал ширины 300—350 см при глубине 75—80 см от уровня погребенной почвы. В насыпи было устроено жертвенное место, содержащее два меча мейотского типа, перовитых бронзовым пластинчатым поясом, два колчана со стрелами и ворворка. Комплекс датируется V—IV вв. до н. э. По-видимому, к тому же времени относится ограбленное центральное катакомбное погребение с западной ориентировкой, где, кроме обломков черепа человека, сохранились фрагменты костей животного. Всего в кургане 26 под насыпью было пять погребений. Такой же конструкции, но с одним ровиком был курган 5 у с. Жуковское, раскопанный в 1977 г. Под его насыпью находилась катакомба с погребением 1 с каменным закладом (первый тип по классификации Б. Н. Гракова). В ней головой на запад положен умерший вытянуто на спине. Кроме двух сосудов, в головах погребенного во входной яме найден вток от копыя и железный меч с прямым перекрестием и кольцевидным навершием. При погребенном были три ворворки, железный нож и две стрелы (железная и бронзовая). В ногах лежали кости коня в качестве жертвенной пищи²³. В кургане 25 Веселая Роща II в большой прямоугольной яме находи-

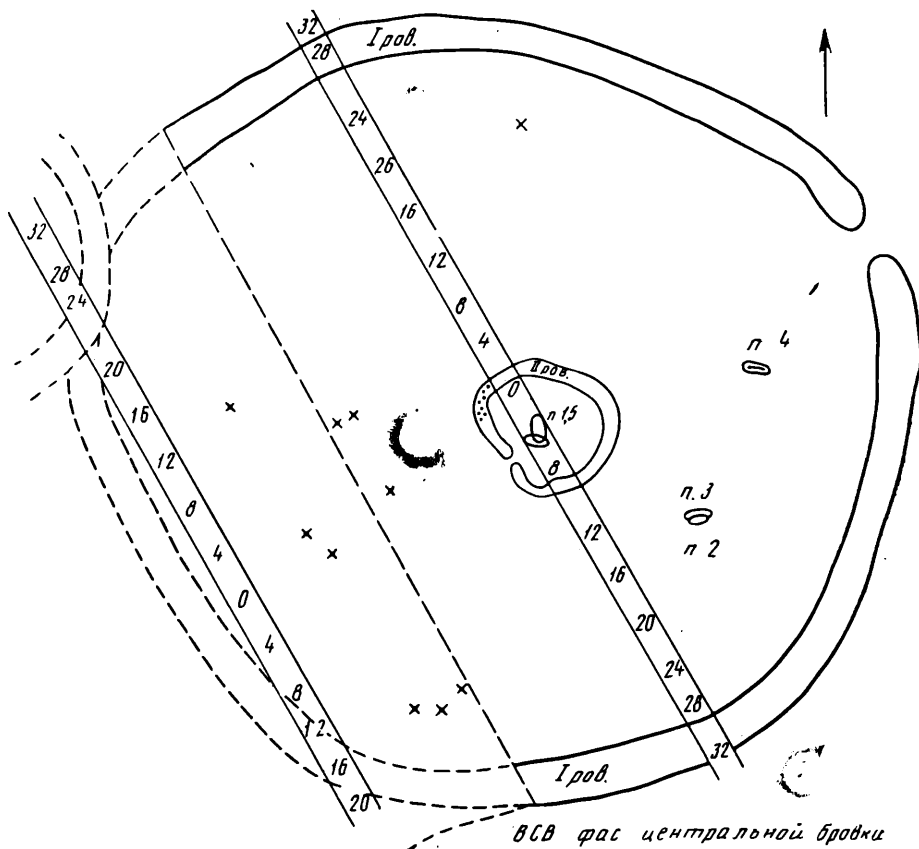

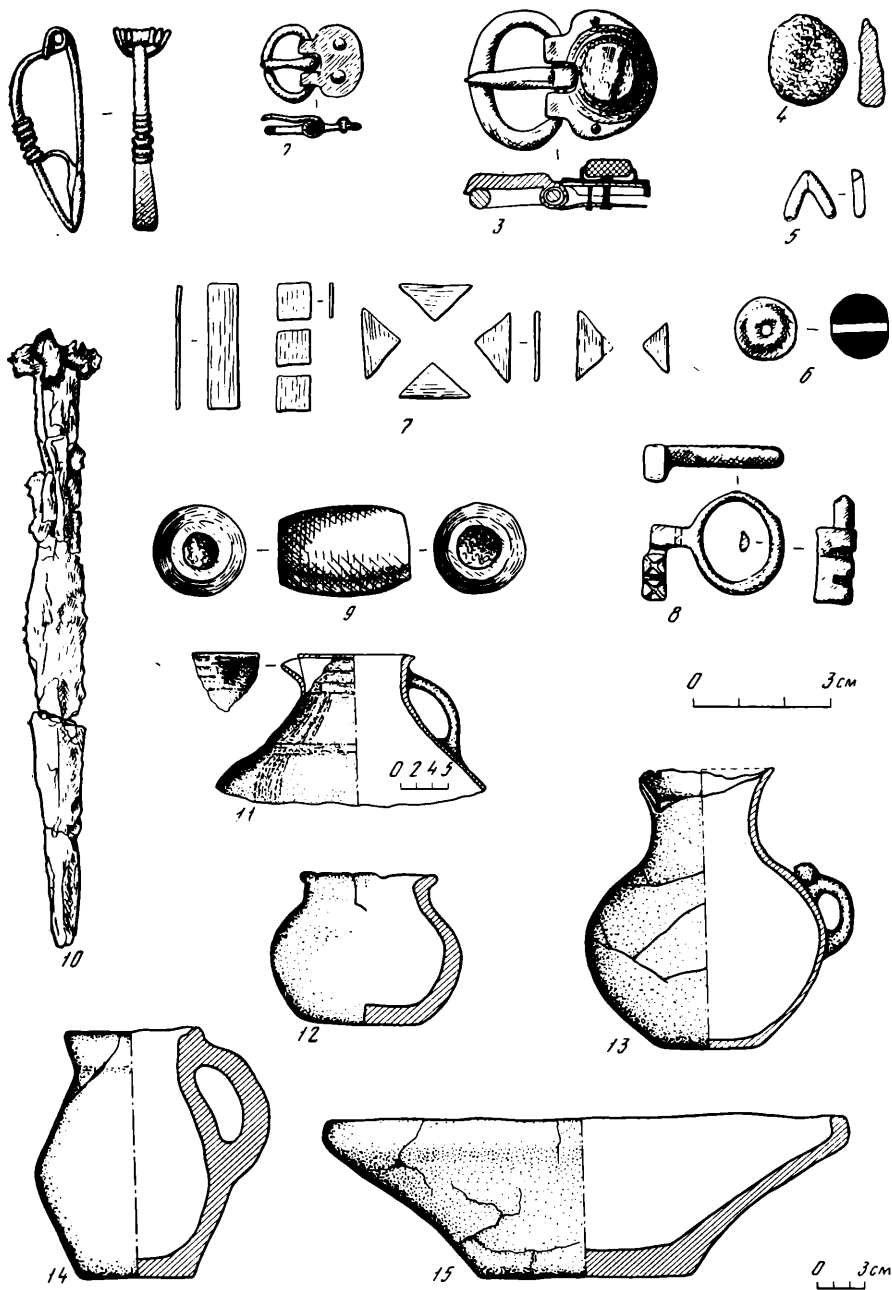
Рис. 5. Кург. 26 группы Веселая Роща II

лось ограбленное женское погребение с зеркалом, бусами, серолощенным богато орнаментированным сосудом, сделанным от руки. В могиле собраны 212 золотых сферических бляшек с двумя отверстиями. К самым ранним савроматским погребениям надо отнести погребение VI в. до н. э. у птицефабрики «Кумская», открытое В. А. Кореняко. Кроме серебряной чаши, в этом погребении найдены сероглиняные кувшины, миски, железные стрелы, обоймы в зверином стиле и бусы²⁴. Все вещи находились в тайнике ограбленной могильной ямы. Ранние савроматские погребения теперь известны благодаря раскопкам В. А. Кореняко.

Сарматские погребения, как правило, являются впускными в более ранние насыпи. Они датируются с IV по I в. до н. э. Погребения сармат открыты почти во всех памятниках, раскопанных экспедицией. Ориентировка сарматских ям, когда они фиксируются в материке, колеблется от юго-запада до юго-востока.

Небольшие охранные работы, проведенные на могильнике у с. Преображенское, выявили сосуществование курганного и бескурганного обряда, по-видимому, в одной группе сарматского населения III—I вв. до н. э. Собранный на могильниках керамический материал, а также оружие, украшения, зеркала и прочее обнаруживают значительное сходство с находками из сарматских погребений Поволжья и Калмыкии. Проникновение сармат на территорию Ставрополя засвидетельствовано и другими находками экспедиции.

Обстоянок стоят аланские курганы. Они часто бывают ограбленными. При сооружении аланского захоронения, как правило, насыпался «свой» курган. Насыпи более древних эпох не использовались (рис. 6). Аланские катакомбы характеризуются входными ямами, вытянутыми меридионально и имеющими ступени. Есть случаи, когда ямы вытянуты с юго-

Рис. 6. Находки из сарматских и аланских погребений

1 — фибула серебрянная; 2 — пряжка серебрянная; 3 — серебрянная пряжка с сардониксом и золотой обкладкой; 4 — игральная фишка из стекла; 5 — нашивная золотая бляшка; 6 — сердоликовая буса; 7 — костяная инкрустация шкатулки; 8 — бронзовый ключ-перстень; 9 — шайба от рукоятки плетки; 10 — железный меч; 11 — кувшин чернолощенный; 12 — сосуд серого цвета, лепной; 13 — серолощенный гончарный кувшин; 14 — лепной кувшин; 15 — лепная миска; 1—4 — Веселая Роща II, кург. 8, погр. 1; 5—8 — Веселая Роща II, кург. 16, -погр. 1; 10 — Веселая Роща II, кург. 15, насыпь; 11 — Веселая Роща III, кург. 10; 12 — курган в с. Красный Маяк; 13 — Веселая Роща III, кург. 9, погр. 1; 14 — Веселая Роща II, кург. 1, погр. 3; 15 — Веселая Роща II, кург. 1, погр. 4

запада на северо-восток с продолжением камеры в том же направлении. Крупный могильник аланского времени исследовался экспедицией в 1983 г. у г. Паровоз западнее г. Кисловодска.

Богатое средневековое захоронение найдено в Калиновской курганной группе. В яме под насыпью умерший погребен с железным племом,

кольчугой, кинжалом и конем. В курганах I Нежинской курганной группы под г. Кисловодском в 1982 г. обнаружены два средневековых кабардинских захоронения XIII—XIV вв. в деревянных рамах-гробах.

- ¹ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978; *Она же.* Суворовский курганный могильник. Киев, 1979.
- ² *Петренко В. Г., Найдено А. В., Куйбышев А. В., Чернецов А. В., Моргунов Ю. Ю., Пронин Г. Н.* Раскопки кургана у с. Александровского // АО 1973 г. М., 1974; *Коренько В. А., Гаманюнов А. К., Ларенок П. А.* Работы Новоселицкого отряда // АО 1974 г. М., 1975; *Петренко В. Г., Кореньковский С. Н., Коренько В. А., Михальченко С. Е.* Работы Ставропольской экспедиции // АО 1975 г. М., 1976; *Коренько В. А.* Исследование курганов в Ставропольском крае // АО 1975 г. М., 1976; *Она же.* Раскопки курганов на восточном Маныче // АО 1976 г. М., 1977; *Бианки А. И., Бочкарев В. С., Державин В. Л., Самогоркин Н. И., Тихонов Б. Г.* Раскопки курганного могильника Веселая Роща 1 // АО 1976 г. М., 1977; *Петренко В. Г., Мирошина Т. Н., Кореньковский С. Н., Воронина Р. Ф.* Раскопки Ставропольской экспедиции // АО 1976 г. М., 1977; *Державин В. Л., Потапов М. М., Старков В. Ф., Тихонов Б. Г., Чернецов А. В.* Раскопки Александровского отряда // АО 1977 г. М., 1978; *Романовская М. А., Голубева Е. П., Державин В. Л., Карасев В. Н., Отюцкий И. А., Самогоркин Н. Н.* Раскопки Александровского отряда // АО 1978 г. М., 1979; *Романовская М. А.* Раскопки курганов у с. Веселая Роща // АО 1979 г. М., 1980; *Андреева М. В.* Работы Аргирского отряда // АО 1979 г. М., 1980; *Державин В. Л.* Исследование курганов в зоне строительства Большого Ставропольского канала // АО 1980 г. М., 1981; *Державин В. Л.* Работы в зоне строительства Большого Ставропольского канала // АО 1981 г. М., 1982; *Кореньковский С. Н.* Работы Предгорного отряда // АО 1982 г. М., 1983; *Дервиз П. Г., Мишина Т. Н.* Работы Александровского отряда // АО 1982 г. М., 1983.
- ³ *Романовская М. А.* Об одном погребении эпохи ранней бронзы Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982, с. 173—175.
- ⁴ *Шарафутдинова Э. С.* Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 15—22.
- ⁵ *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. Табл. 38; *Добровольский А. В.* Могильник в с. Чаплине // Археология. Київ. 1954. IX. С. 108, рис. 2, 9.
- ⁶ *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья... Табл. 38; *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974.
- ⁷ *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья... С. 62.
- ⁸ *Илюков Л.* Бронзовый топор из Прикубанья // СА. 1981. № 2.
- ⁹ *Кореньковский С. Н., Петренко В. Г.* Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА. 1982, № 2. С. 96—112.
- ¹⁰ *Державин В. Л., Тихонов Б. Г.* Новые погребения майкопской культуры в центральном Предкавказье // КСИА. 1980. Вып. 161.
- ¹¹ *Кореньковский С. Н.* Раскопки курганов бронзового века на Кавминводах // XIII Крупновские чтения: Тез. докл. Майкоп, 1984. С. 41—43.
- ¹² *Дервиз П. Г., Мишина Т. Н.* Работы Александровского отряда // АО 1982 г. М., 1983. С. 118, 119.
- ¹³ *Андреева М. В.* Глиняная модель повозки катакомбного времени // СА. 1984. № 3.
- ¹⁴ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке... Рис. 39.
- ¹⁵ *Романовская М. А.* Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 102—107.
- ¹⁶ *Державин В. Л., Тихонов Б. Г.* Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье // СА. 1981. № 3. С. 252—258.
- ¹⁷ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке... Рис. 39.
- ¹⁸ *Державин В. Л.* Работы в зоне строительства Большого Ставропольского канала // АО 1981 г. М., 1982. С. 114, 115.
- ¹⁹ *Кореньковский С. Н.* Раскопки курганов бронзового века на Кавминводах // АО. 1982 г. М., 1983. С. 41—43.
- ²⁰ *Марковин В. И.* Культура племен эпохи бронзы Северного Кавказа // МИА. 1960. № 93. С. 125—129.
- ²¹ *Дервиз П. Г., Мишина Т. Н.* Работы Александровского отряда // АО 1982. С. 119; *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке... С. 39.
- ²² *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке... С. 39.
- ²³ *Тихонов Б. Г.* Отчет о работах Александровского отряда в 1977 г. // Архив. ИА, АН СССР, Р—1. № 8398. Рис. 143—154.
- ²⁴ *Коренько В. А.* Погребение савроматского времени на Восточном Маныче // СА. 1982. № 2. с. 223.

АНАПСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1973—1984 ГГ.

Анапская экспедиция Института археологии АН СССР начала стационарные раскопки Горгиппии в 1960 г. под руководством И. Т. Кругликовой¹, им предшествовали разведочные работы В. Д. Блаватского². В последние годы Институт работает в Горгиппии совместно с Краснодарским музеем.

Основание большого города на берегу Анапской бухты, очевидно, совпало с переходом Синдики под власть Спартокидов. В это же время, в IV в. до н. э., город получил название Горгиппии. Ктисом города общепризнан Горгипп, брат царя Левкона I, вероятно, его соправитель в Синдике³. Имя Горгиппа засвидетельствовано литературными источниками, эпиграфическими материалами и клеймами на черепицах. Установившееся в IV в. до н. э. официальное название города представлено на монетах II в. до н. э. и времени Митридата Евпатора, отмечено в I в. Страбонам, упомянуто в происходящих из Анапы разновременных надписях и черепичных клеймах⁴.

Нередко Горгиппию отождествляют с более ранней упоминаемой древними авторами Синдской Гаванью⁵, однако до недавнего времени мы не располагали археологическими данными, подтверждающими эту локализацию. При строительных работах в Анапе и на различных раскопках фиксировались лишь отдельные находки керамики VI—V вв. до н. э. В 1969 г. в Анапе впервые было раскопано несколько могил с материалом V в. до н. э.⁶ В последние годы у южного края заповедника «Георгиппия» нами исследовано еще полтора десятка погребений этого времени. Они были перекрыты городскими кварталами Георгиппии и уцелели в лакунах, не затронутых подвалами и перекопами города, существовавшего в древности на одном месте не менее семи веков. В 1982 г. в раскопе у западного крыла гостиницы «Анапа» на площади 800 кв. м. обнаружен культурный слой VI—V вв. до н. э. со строительными остатками в нем и впервые установлено место раннего поселения здесь на берегу. Оно возникло в VI в. до н. э. Раскопаны два временных жилища первых колонистов, аналогичные ранним постройкам в Ольвии, на поселениях по берегам Днестровско-Бугского лимана и Елизаветинском поселении на Нижнем Дону⁷. Полуземлянки площадью 5 и 9 кв. м. имели округлые очертания и были впущены в грунт до полутора метров. Короткие коридорообразные входы расположены с севера, полы их имели наклон в сторону землянок и были покрыты толстым слоем золы. В одной жилой яме выявлены остатки каменной обкладки, служившей, видимо, фундаментом для глинобитных, скорее всего, шатровых конструкций, завершавших жилище сверху. В V в. до н. э. полуземлянки были заменены домами с каменными основаниями стен. Один такой дом перекрыл полуземлянку, помещения в нем были наземными. Удалось выявить следы не менее трех перепланировок, производившихся в V в. до н. э. Общая планировка застройки в это время еще не была регулярной, дома размещались хаотично. Таким образом, в 1982 г. на берегу найден город VI—V вв. до н. э., который можно отождествлять с Синдской Гаванью. Судя по керамике, город основан ионийцами. Протяженность его вдоль моря была не менее 300 м. Здесь был добыт керамический материал конца VI—V вв. до н. э. В ходе разведок выяснено, что в округе этого города существовали мелкие поселения с синхронной керамикой. Ионийская расписная посуда отмечена в могильниках в радиусе до 15 км от города.

Население раннего города было неоднородным, о чем свидетельствуют данные его некрополя. С одной стороны, ряд особенностей погребального обряда (трупосожжения, использование в качестве урны привозного краснофигурного кратера, установка надгробия с греческим текстом, пре-

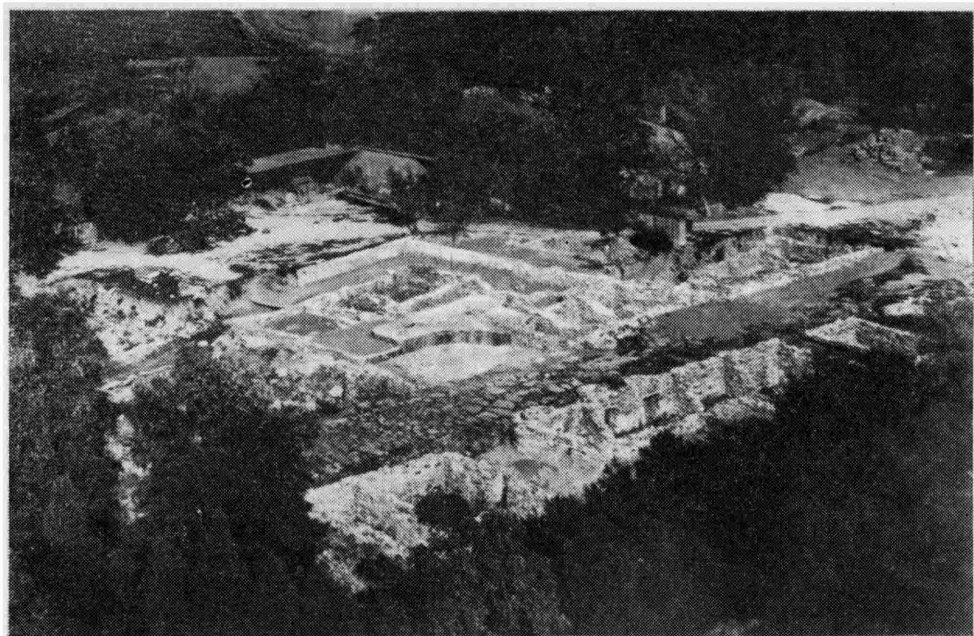

Рис. 1. Археологический заповедник «Горгиппия»

обладание одиночных захоронений) позволяют считать часть погребений греческими. С другой стороны, наличие плитовых ящиков, окруженных каменным кольцом, каменные насыпки могил и множественность погребенных внутри каменных колец свидетельствуют о наличии в городе местного населения. Такие погребальные сооружения распространены на широкой территории вокруг города, они сохраняют традиции погребений эпохи бронзы Центрального и Северного Кавказа и характерны для окрестностей Горгиппии начиная с VI в. до н. э.

В IV в. до н. э. город далеко выдвинулся за пределы не только раннего поселения, но и его некрополя. Псевдо-Скимн свидетельствует, что «Горгиппия населена эллинами, пришедшими из соседних местностей» (Ps. Scymn, 889). С присоединением Синдики к Боспору на новые плодородные земли и на берегу моря должно было хлынуть именно боспорское население. Горгиппия разрослась не за счет притока местного населения. Наоборот, оно было вытеснено за пределы города. В некрополе Горгиппии не выявлено могил с каменными насыпками, окруженных каменными кольцами, продолжавших оставаться наиболее распространенными в окрестностях города. Новая волна населения принесла свои погребальные обряды — стали хоронить в обычных грунтовых могилах.

Возникновение Горгиппии ознаменовалось широкой застройкой новых площадей, в основу которой была положена регулярная планировка, что вполне согласуется со статусом полиса в системе мощного политического объединения — Боспорского царства. На раскопе «Океан» выявлены два дома, вытянутые в IV в. до н. э. в одну линию. На территории нынешнего археологического заповедника (рис. 1) в то же время были заложены две улицы, идущие параллельно морю. Постоянно ремонтируясь, заново перекрываясь и оттого повышаясь, они просуществовали до гибели Горгиппии в середине III в. н. э.

Раскопками и наблюдениями за строительными работами в Анапе установлено, что Горгиппия к моменту гибели занимала площадь приблизительно 40 га (около 800 м вдоль моря и не менее 500 м в глубь материка: культурный слой городища зафиксирован в строительной траншее на пересечении улиц Крепостной и Черноморской). Неясно, однако,

менял ли город свои размеры на различных этапах существования. Из надписи известно, что царь Савромат I в начале II в. восстановил снеженные стены города, «дав их городу преумноженные по сравнению с границами предков» (КБН, № 1120). Археологически не отмечено наступление города на некрополь. В 1983 г. установлено, что граница города в северо-восточном углу не менялась с IV в. до н. э. по III в. н. э.

Раскопки последних лет не подтвердили предположение о размещении агоры в районе западного крыла гостиницы «Анапа»⁸. Здесь в 1982 г. найдены обычные городские дома античного времени. Среди них выделяется монументальностью постройка из тесаного известняка с портиком или перистилем, вероятно, III—II вв. до н. э. Однако подобный дом с сухарным карнизом и колоннадой существовал и на восточном краю города — у южной границы археологического заповедника. От монументальных построек общественного характера в последние годы найдены вторично использованные мраморные капители коринфского ордера, разнообразные архитектурные детали из известняка и мраморный блок, в котором соединены две кассеты с головами Пана и молодого Сатира в обрамлении ов и лиственных венков⁹.

На различных участках древнего города в строительных котлованах Анапы и на территории создающегося археологического заповедника в отчетные годы раскопана площадь около 7000 кв. м, всего Анапской экспедицией на городище Горгиппия с 1960 г. исследовано до 10 000 кв. м при мощности культурного слоя 2—4 м. Наиболее полно исследованы рядовые жилые кварталы II—III вв. в северо-восточной части городища. Раскопки широкими площадями (до 1000 кв. м. одновременно) выявили здесь определенную систему застройки: вдоль улицы тянулись плотно примыкающие друг другу жилые дома в виде многочисленных блоков. К глухой стене одного дома примыкал соседний, обращенный к ней небольшим внутренним двором с узким выходом на улицу. Вдоль выходов проложены водостоки, имевшие сток с дворов к улице. Каждый дом имел колодец, были при домах и водосборные цистерны. Установлено, что многие дома поздней Горгиппии занимали площадь не менее 500 кв. м. Все они сохранили следы многочисленных ремонтов и перестроек, имели цокольные и подвальные помещения, впущенные до скалы в материковый грунт или культурный слой более раннего времени. В плане целого здания II—III вв. подвалы занимали почти всю его площадь, оставляя свободной не более трети участка, эта часть обычно занята ямами хозяйственного назначения. В домах ранней Горгиппии чаще строили не подвалы, а цокольные помещения. Каменные стены заглубленных в землю помещений служили фундаментами, наземные сооружались из плоских широких саманных кирпичей нескольких стандартов, кровли были черепичными, глинобитные полы подвалов неоднократно подмазывались. Так как город погиб в сильном пожаре, подвалы домов II—III вв. оказались целиком заполнены кусками рухнувших в них принявших в огне ярко-оранжевый цвет саманных кирпичей, перемешанных с обломками черепиц и частями обуглившихся бревен от перекрытий. Этот слой пожара обычно насыщен фрагментами разнотипных керамических изделий как больших амфор и пифасов, стоявших в подвалах, так и более мелких сосудов, использовавшихся в наземных помещениях. Дома Горгиппии полыхали в огне и в конце II—I вв. до н. э.

Из подвалов вверх вели каменные и деревянные лестницы разнообразных конструкций. Они поднимались к вымосткам дворов либо к люкам в полах наземных помещений. Большинство подвалов имело хозяйственное назначение, обычно они использовались как хранилища различных припасов. Высота подвалов достигала 2,7—3 м. Во многих подвалах обнаружены амфоры с горелым зерном. В подвалах нередко имелись еще и погреба, выдолбленные в скале на значительную глубину, закрывавшиеся деревянными крышками. В некоторые подвалы с краев примыкавших улиц и вымосток дворов вели специальные люки, огороженные у края мостовой возвышающимися над ней стоящими плитами. На уровне

пола подвалы и люки сообщались узкими дверными проемами. Чтобы не затаскивать предназначенные для хранения припасы в узкие двери и не спускать их по крутым лестницам через люки в полах жилых комнат, были придуманы люки для сбрасывания припасов непосредственно в хранилища. Эти люки являются достопримечательностью Горгиппии и в других городах Северного Причерноморья не фиксируются.

Отдельно заглубленные в землю помещения, скорее всего, цокольные, были жилыми. Стены таких помещений иногда штукатурились и расписывались в технике фрески. Стены многих помещений обмазаны глиной. Дома II—III вв. обогревались железными жаровнями, в наземных помещениях V в. до н. э. раскопаны глинобитные очаги.

Среди боспорских городов Горгиппия занимает второе место после Пантикапея по числу найденных в ней надписей¹⁰. Из них известно, что город входил в систему Боспорского царства и управлялся наместником царя, имел городскую общину и некоторые права самоуправления. Надписи называют около 20 городских магистратур как общегосударственного, так и местного масштаба. Раскопки последних лет открыли немало фрагментов надписей со списками имен, скорее всего, фiasитов. Найдена надпись, свидетельствующая о посвящении Богу высочайшему¹¹, в другой упомянут городской совет — буле.

Надписи, памятники монументального искусства и мелкой пластики сохранили свидетельства о почитании в Горгиппии богов греческого пантеона и распространении различных синкретических культов. Установлено, что в Горгиппии были популярны все основные культы эллинского мира, что подтверждает сильную эллинизацию города на различных этапах его существования. Ведущей идеей культовых представлений населения Горгиппии выступает идея плодородия, но популярны так же божества, культ которых поддерживал незыблемость правящих династий. Установлен официальный государственный характер культов Посейдона, Геракла, Афродиты, Деметры, Артемиды, Зевса, Гермеса, Диониса, Бога высочайшего, а также римских императоров. Он подтверждается свидетельствами о существовании храмов и святилищ этих богов, изображениями их на монетах города, надписями официального характера, распространением особых союзов и праздников. В то же время почитание многих из этих божеств носило и частный характер. В раскопках последних лет найдено немало высокохудожественных и рядовых предметов культа: бронзовых, терракотовых и мраморных изображений богов, глиняных и металлических курильниц, амулетов.

В Горгиппии процветали различные промыслы и ремесла¹². В последние годы раскопаны части семи виноделен с цистернами различной емкости. При двух из них существовали, вероятно, аптеки — специальные помещения для окуривания вина с целью придания ему крепости. Все открытые винодельни функционировали при обычных жилых домах рядовых граждан Горгиппии. Анализ найденных в Горгиппии бронзовых украшений позволяет предположить существование в городе собственного бронзолитейного производства¹³.

Несомненно, в Горгиппии высокое развитие камнерезного ремесла. Здесь изготовляли строительные блоки и архитектурные детали зданий, выдалбливали из целого камня громадные саркофаги, ступы и водостоки, выпиливали простые и со сложным рельефом надгробия, выпускали крышки, грузила, сливы для виноделен и различные мелкие изделия хозяйственного назначения — все эти предметы в изобилии найдены в раскопках последних лет. Можно предположить также, что в таком большом городе, как Горгиппия, должен был существовать специальный отделенный от города керамик с мощными обжигательными печами, подобный фанагорийскому. Только он мог удовлетворить огромный спрос на всевозможные керамические изделия. Однотипные по составу глин (разрабатывалось, видимо, несколько глиниц), эти изделия наполняют не только жилые дома Горгиппии и могилы ее некрополя, но и окрестности города на десятки километров.

В одном из домов И. Т. Кругликовой найдена бракованная глиняная форма для оттиска культовых терракот¹⁴, в другом — форма для оттиска щитка светильника. В жилых домах и культурном слое Горгиппии нами найдены еще семь целых и фрагментированных форм для оттиска терракотовых статуэток.

С IV в. до н. э. в Горгиппии существовало местное производство сначала кровельных черепиц, а позднее и кирпичей. В IV в. до н. э. черепичные эргастерии города принадлежали Горгиппу, что подтверждают круглые черепичные клейма с его именем¹⁵, количество которых сейчас возросло (рис. 2). Установлен местный характер глин и черепиц с такими клеймами. Из местной глины сделаны и распространенные в Горгиппии черепицы, с клеймами

Рис. 2. Черепичное клеймо с именем Горгиппа

«ГОР». Возможно, что эти клейма отражают деятельность городской общины. Только для Анапы и ее окрестностей характерна датированная последними десятилетиями III в. до н. э. царская черепица с именами владельцев гончарных мастерских Нумения и Батака¹⁶. Во II—III вв. до н. э. все помещения города, погибшего в пожаре, завалены одготипной черепицей из местной глины. Собранные воедино, эти данные свидетельствуют о стабильной деятельности черепичных эргастериев в Горгиппии. В первые века нашей эры царский дом владел в Горгиппии кирпичными эргастериями, что подтверждают находки, ныне многочисленные, разнотипных кирпичей из местной глины с тамгообразным знаком. В. Ф. Гайдукевич связывал его с фрагментами черепиц и полагал, что клеймо «отмечало продукцию местного жителя, синда или сармата, и являлось родовым знаком промышленника не позднее II в. до н. э.»¹⁷ Кирпичи с таким знаком Г. А. Цветаева предположительно относил ко II в. н. э.¹⁸ Надо отметить, что этот знак надежно засвидетельствован на монетах Аспурга и, несомненно, является личной тамгой этого правителя¹⁹. Значит, кирпичи, клейменные таким образом, могли производиться в Горгиппии между 14 и 37 гг. в эргастериях, принадлежащих Аспургу.

Раскопки последних лет пополнили все еще скудные сведения о возобновлении жизни в городе после разгрома и пожара середины III в. н. э. Найдены одиночные монеты Рескупорида VI 314—325 гг. Среди монет же из сгоревших домов, наиболее поздние, по определению Н. А. Фроловой, чеканены в 238 г. На территории заповедника исследовано помещение с позднеантичной керамикой и кривыми в плане стенами, выстроенными непосредственно над слоем пожара середины III в.

Начиная с IV в. до н. э. очевидно, с момента присоединения Синдики к Боспору территория вокруг Горгиппии в радиусе до 20 км была распланирована единым образом и включена в определенную экономическую зависимость от города. О вывозе хлеба из Горгиппии свидетельствует надпись рубежа II—III вв. (КБН, № 1114). Один из рескриптов царя Аспурга определяет размеры полисного фороса в пользу царской казны²⁰. Разведкой последних лет в окрестностях Анапы выявлены пятна со скоплением камней и керамики античного времени, определяющие места сельских поселений. Раскопки отдельных пятен в Джемете и Красной Скале вскрыли постройки различной планировки. На большинстве поселений, судя по подъемному материалу, жизнь не замирала с IV в. до н. э. по III в. н. э. В 1975—1976 гг. в Джемете при закладке нового

виноградника исследован укрепленный дом II в. до н. э. с примыкающим участком, равным 8000 кв. м.²¹ В 1981 г. в Джемете исследован еще один сельский дом иной планировки, относящийся к III в. до н. э. Он состоял из четырех вытянутых в линию помещений с навесами над входами и мощеными дворами перед ними. Возможно, пристраивающиеся друг к другу ячейки (помещения с дворами) отражают постепенное укрупнение семьи. Жилая постройка с узкими стенами примыкала к башенному помещению. Зернотерки, пифосы, ступы свидетельствуют о зерновом хозяйстве усадеб. В жилых домах самой Горгииппии неоднократно встречались серпы, садовые ножицы, виноградные ножи, полные горелого зерна амфоры. Хозяева этих городских домов, несомненно, владели землей в окрестностях города.

В станице Анапской, к юго-востоку от Горгииппии исследована мощная крепость, относящаяся к рубежу эры, одновременная системе укреплений Таманского полуострова. Она неоднократно гибла в пожаре и вновь возводилась. Наиболее мощной была ранняя постройка, стены которой шириной 2 м сложены из огромных камней. Последующие постройки использовали строительный материал предыдущих. Древняя крепость в станице Анапской, укрепленное здание в совхозе «Рассвет»²², укрепления в станице Натухаевской, в Цемесской долине²³, составляли единую древнюю оборонительную систему, сложившуюся на рубеж эр, обозначавшую границу Боспорского государства на определенном этапе его существования. Крепости являлись его пограничным заслоном. Многие из них расположены в створе друг друга на расстоянии 10—20 км одна от другой.

Экспедиция работает над исследованием некрополя как самой Горгииппии, так и сельских поселений ее окрестностей. Вокруг Горгииппии на четырех некрополях (в Воскресенском, в станице Анапской и в поселках Красная Скала и Красный Курган) раскопано около 160 погребений V—I вв. до н. э., некрополи первых веков нашей эры не найдены. В указанное время здесь были распространены различные каменные погребальные конструкции, сооруженные близко к дневной поверхности: огромные ящики из дикарного камня, ящики меньших размеров из известняка и местного слоистого плитняка, широкие лунки в материковой и скальной поверхности. Большинство этих сооружений имело по краю кольцевые обкладки из больших плоских камней и было завалено грудой мелких камней, которые создавали невысокие расплывшиеся со временем курганные насыпи. Такие погребальные сооружения обычно являлись семейными усыпальницами, в них захоронено от двух до десяти умерших. В каменные насыпи включены жертвенные эшары, части лошадиных туш, битая посуда. На Воскресенском некрополе расчищен многометровый отрезок фундамента его ограды шириной 0,6 м. Конструкции погребальных сооружений этих некрополей имеют близкие аналогии в майкопской культуре Центрального Кавказа, они прослежены в археологических памятниках Северного Кавказа в позднекобанское время на стыке западного варианта кобанской и античной культур²⁴. По-видимому, какая-то ветвь населения из окрестностей Горгииппии была генетически связана с потомками кобанской культуры.

Для местной знати в это время под курганными насыпями возводились монументальные каменные склепы с уступчатыми и полуциркульными перекрытиями, гробницы из сырцовых кирпичей. Экспедицией вторично исследован склеп Султановского кургана, впервые раскопанный в 1882 г. и не имевший отчетной графической документации²⁵. Повторными раскопками установлено, что насыпь кургана возводилась послойно одновременно с постройкой склепа, следуя за укладкой его венцов, известняковые блоки отсылались на месте. Склеп сооружен на кургане эпохи бронзы.

В селении Уташ среди больших неисследованных курганных насыпей раскопана сырцовая гробница с бревенчатым перекрытием. Пол ее выстлан морской травой. Захоронение коня от погребенного отделено сыр-

цовой перегородкой. Конструкция этой гробницы имеет прямые аналогии в сравнительно близких и синхронных Семибратних курганах. Видимо, это захоронение следует связать с эллинизированной синдской знатью. Уташская гробница содержала остатки пышного погребального инвентаря: золотые нашивные бляшки и уникальные пластины из слоновой кости с тончайшей гравировкой, украшавшие деревянный саркофаг или погребальное ложе. На них изображены животные, геометрические узоры и сюжеты мифа о Персее, обезглавившем Медузу Горгону.

На городском горгиппийском некрополе исследовано около 300 погребений. В эллинистическое время здесь распространены грунтовые могилы, обычно одиночные захоронения. От этого времени уцелели трупосожжения с погребением праха в специальных урнах с четырьмя ручками и коническими крышками, а также в больших кувшинах с плоскими пробками и надписями имен умерших. В первые века нашей эры распространились глубокие впущенные в скалу могилы с заплечиками и бревенчатым перекрытием. Появление этих погребальных сооружений, вероятно, следует связать с сарматизацией района. Однако горгиппийские могилы отличаются от обычных сарматских могил с заплечиками. Они имеют огромные впускные колодцы квадратной формы. Дно колодцев целиком выстлано бревнами либо закрыто большими каменными плитами. Под перекрытием расположено по одной-две глубоких ямы с захоронениями в гробах. Нередко гробы помещали в каменные саркофаги, выпиленные из целой глыбы известняка.

Представителей городской знати в первые века нашей эры хоронили в каменных склепах. В 1975 г. на горгиппийском некрополе раскопан монументальный склеп II—III вв. с полуциркульным перекрытием. Погребальная камера его площадью 14 кв. м высотой до 3,5 м оштукатурена и целиком расписана фреской в пышном инкрустационно-цветочном стиле²⁶. Роспись склепа насыщена геометрическими орнаментами, изображениями растений, птиц и животных, всевозможных масок, представляющих символику погребального культа. В роспись включены изображения бытовых сцен из жизни погребенных и фризы, повествующие о подвигах Геракла. Появление героя на стенах анапского склепа объясняется хтонической стороной культа и официальной генеалогией боспорских царей, согласно которой они вели свой род от Геракла (КБН, № 53, 980, 1048). Рядом со склепом с фресковой росписью раскопаны скальные склеп и гробница с богатым погребальным инвентарем. Обилие золотых вещей и высокохудожественных изделий, наличие парадного оружия, изолированность трех указанных погребальных сооружений среди насыщенной обычными захоронениями территории горгиппийского некрополя, находки золотого венка с изображением покровительницы Боспорского царства Афродиты Урании и литого золотого перстня с вырезанной на гемме царской тамгой — все это позволяет считать усыпальницу местом погребения семьи одного из городских магистратов, который, скорее всего, назначался центральной властью и мог иметь родственные связи с царской семьей. Поэтому изображенные на фресках склепа подвиги Геракла, очевидно, несут в себе идею генеалогической связи семьи покойного с самим героем. Для подтверждения этой идеи росписи во фризе, повествующий о подвигах Геракла, включен семейный портрет погребенных. Фреска люнеты напротив входа повествует о философском представлении в конце античной эпохи мирового космоса, определенное место в нем отведено и погребенным. Склеп с фресками найден в строительном котловане Анапы на 1,5 м от пола наполнялся грунтовой водой.

Для спасения росписи склеп разобран на блоки. Экспедицией организовано спиливание 55 кв. м фресок с тонким слоем камня, эта работа выполнена Институтом силикатов и камня г. Еревана. К настоящему времени разработана методика реставрации фресок и начата их расчистка от высолов.

В центре Анапы на базе Краснодарского музея был организован ар-

хеологический музей-заповедник «Горгиппия» с экспозицией под открытым небом участка древнего города площадью около 18 тыс. кв. м (из них сейчас раскопано 5,5 тыс. кв. м). Место организации заповедника привязано к одному из наиболее крупных раскопок, непрерывно ведущемуся на протяжении 20 лет. Заповедник «Горгиппия» расположен в северо-восточном углу древнего города. На его территории предполагается также выделить отдельный участок для показа различных типов погребальных сооружений, где будут воссозданы склеп 1975 г. с копией фресок, монументальная гробница 1978 г., организован показ надгробий, саркофагов, эсхар и др.

В последние годы Институтом археологии АН СССР разрабатывается научный проект реконструкции и консервации древних сооружений Горгиппии и производится авторский надзор за исполнением этого проекта. В проекте связываются в хронологические комплексы строительные остатки разновременных построек города, существовавшего на одном месте девять веков; для каждого определяются соответствующие уровни дневных поверхностей. В основу разработки проекта положены два метода реставрации: «археологический — восстановление на основе натуральных данных самого памятника и синтетический — реставрация плюс творчество, ограниченное научными исследованиями», согласно Венецианской хартии по реставрации 1964 г.²⁷

- ¹ *Кругликова И. Т.* Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1975 г.; М., 1977 (далее ссылки даны на это издание).
- ² *Блаватский В. Д.* Разведки в Анапе // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 245.
- ³ *Грач Н. Л.* О Горгиппе и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 108—114.
- ⁴ *Латышев В. В.* Горгиппийские надписи // МАР. 1895. № 17. С. 71; *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 302. № 14.
- ⁵ Например: *Блаватский В. Д.* Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 20; *Кругликова И. Т.* Горгиппия в период Спартокидов // ВДИ. 1971. С. 90.
- ⁶ *Салов А. И., Смирнова Т. М.* Новые находки в Анапе // КСИА. 1973. Вып. 130. С. 53—55.
- ⁷ *Крыжицкий С. Д.* О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 119 и след.; *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Древнейшее общественное сооружение в Нижнем Побужье // КСИА. 1982. Вып. 172. С. 58 и след.; Вып. 174. С. 37 и след.; *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Раскопки и разведки в дельте Дона // АО 1971 г. М., 1972. С. 139.
- ⁸ *Кругликова И. Т.* Синдская гавань... С. 45.
- ⁹ *Савостина Е. А.* Об архитектурных фрагментах из Горгиппии // Горгиппия I. Краснодар, 1980. С. 66—69.
- ¹⁰ *Кругликова И. Т.* Синдская гавань... М., 1977. С. 28.
- ¹¹ *Болтунова А. И.* Новые эпиграфические материалы из Горгиппии // ВДИ. 1982. № 3. С. 61.
- ¹² *Кругликова И. Т.* Синдская гавань... С. 47—51, 61.
- ¹³ *Трейстер М. Ю.* Результаты спектрального анализа бронзовых украшений из Горгиппии // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 124.
- ¹⁴ *Кругликова И. Т.* О гончарной мастерской Горгиппии // СА. 1962. № 2. С. 218.
- ¹⁵ *Латышев В. В.* Горгиппийские надписи / МАР. 1895. № 17. С. 71; *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 302.
- ¹⁶ *Гайдукевич В. Ф.* Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов // КСИИМК. 1975. Вып. 143. С. 24.
- ¹⁷ *Гайдукевич В. Ф.* Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов. С. 26.
- ¹⁸ *Цветашева Г. А.* Кирпичи с тамгой из Горгиппии // КСИА. 1975. Вып. 143. с. 100.
- ¹⁹ *Голенко К. В., Шелов Д. Б.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1963. I. С. 12—13. Рис. 1; *Фролова Н. А.* О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 54; *Она же.* К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ. 1979. № 1. С. 142.
- ²⁰ *Блаватская Т. В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. Письмо В. С. 198 и след.
- ²¹ *Алексеева Е. М.* К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия I. С. 18—40.
- ²² *Крушкол Ю. С.* Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 213—219.
- ²³ *Онайко Н. А.* Результаты работ новороссийской экспедиции 1971—1972 гг. // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 82—85; *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Раскопки укрепленного античного здания на античном поселении Цемдолинское // АО 1978 г. М., 1979. С. 140

- ²⁴ Марковин В. И. О происхождении Северо-Кавказской культуры // СА. 1959. № 1. С. 3—20; Ковалевская В. Б., Козенкова В. И. О работах Мало-Карачаевского отряда // АО 1978 г. М., 1979. С. 128.
- ²⁵ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 111.

- ²⁶ Алексеева Е. М. Горгияпия // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 83—84. Табл. XLII.
- ²⁷ Михайловский Е. В. Основы современного подхода к реставрации памятников культуры // Методика и практика сохранения памятников архитектуры. М., 1974.

Я. М. ПАРОМОВ

ОБСЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В 1981—1983 ГГ.

С 1981 по 1983 г. разведочный отряд Таманско-Фанагорийской экспедиции Института археологии АН СССР проводил выявление и обследование памятников археологии на территории Темрюкского р-на Краснодарского края в целях учета и охраны их.

Метод работы объединяет изучение предшествующих археологических исследований Таманского п-ва, аэрофотосъемки, карт и полевые исследования с последующей обработкой коллекций.

Еще К. К. Герцем разработана историография археологических исследований на Таманском п-ве с конца XVIII в. до 1859 г. и составлена археологическая карта Таманского п-ва¹. На ней обозначено четыре городища, 11 древних укреплений и ряд курганов. «Городища» и укрепления в то время не могли быть датированы и не получили интерпретации. Другие «пепелища и курганы», о которых говорит К. К. Герц, имеют словесные топографические привязки. В книге подробно описаны городища в Тамани, между хут. Боровика и Семеняки и между хуторами Артюхова и Пивневой, впоследствии идентифицированные с Гермонассой, Фанагорией и Кемами.

В 1891 г. М. О. Поночевным опубликована «Карта Керченского пролива и прилегающих к нему местностей с указанием древних Боспорских селений»².

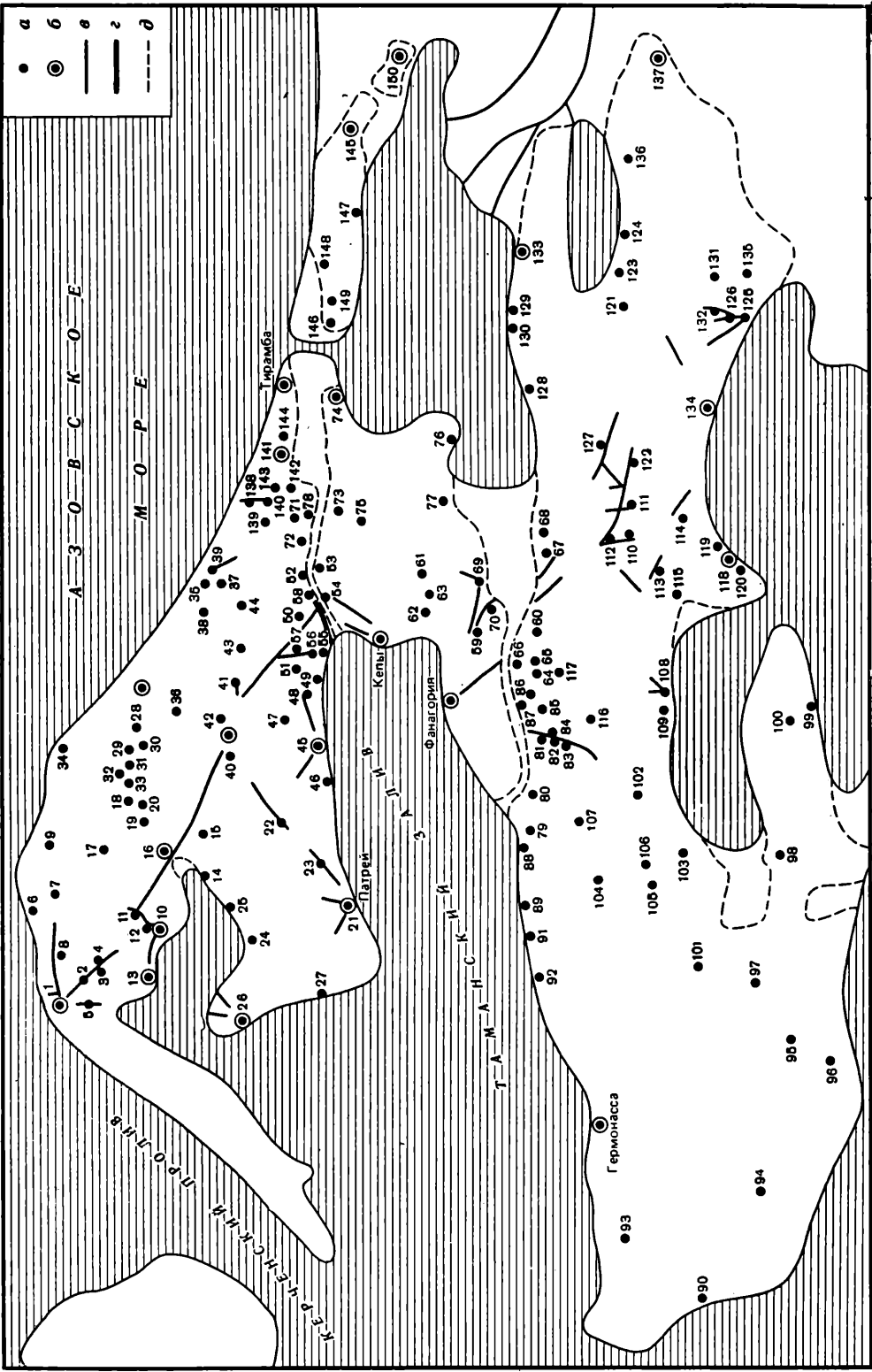
В 1919 г. В. В. Соколовым издана «Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской», на которой обозначено 21 «городище», 21 «древнее кладбище» и 161 курган³. Автор в течение ряда лет собирал сведения, отмечая «городища», обнаруженные при различных земляных работах. «Древние кладбища» зафиксированы им по следам грабительских раскопок.

В 1926—1927 гг. археологические исследования на Таманском п-ве проводила экспедиция под руководством А. С. Башкирова⁴. На помещенных в опубликованных им статьях мелких схемах обозначены не все обследованные памятники. Словесные привязки опираются иногда на исчезнувшие теперь ориентиры или забытые названия урочищ.

В 20-х годах исследованиями древностей и геологии Таманского п-ва занимался С. Ф. Войцеховский, бывший в то время директором Темрюкского музея. На карте в пределах Таманского п-ва им обозначено 58 памятников, носящих «следы античной культуры»⁵.

В 1930—1931 гг. исследования на Таманском п-ве проводила экспедиция А. А. Миллера⁶. На археологической карте полуострова им обозначено 88 поселений античного и средневекового времени. При этом памятники были дифференцированы по периодам⁷.

В 1949 г. археологические разведки на п-ве Фонтан (северо-западная часть Таманского п-ва) проводила экспедиция М. М. Кубланова⁸. Ра-

боты были сосредоточены в р-не Кучугур и Киммерийского вала. К западу от Кучугур разведочным раскопом был выявлен редкий для Тамани памятник эпохи бронзы.

В том же году на античном городище у пос. Ильич проводились разведочные работы под руководством Д. Б. Шелова⁹.

В 1950—1954 гг. исследования Синдики (юго-западной части Таманского п-ва) проводились В. Д. Блаватским¹⁰. На 16 поселениях были заложены раскопы (четыре поселения исследовались в комплексе с могильниками). При рекогносцировочном обследовании района использовалась карта В. В. Соколова.

В 1957—1973 гг. исследования северо-западной части Таманского п-ва проводились под руководством Н. И. Сокольского¹¹, которым была выявлена единая оборонительная система этого района, бывшего в древности одним из островов дельты Кубани — Антикита, а также открыт ряд новых памятников.

В последние годы обследование памятников проводилось под руководством В. С. Долгорукова и Ю. М. Десятчикова¹².

Разведки большинства из этих исследователей были в основном маршрутными. Их работы основывались на плодотворной идее построения исследований с учетом древней топографии, разделения территории современного Таманского п-ва на отдельные острова рукавами древней дельты Кубани. Однако С. Ф. Войцеховским¹³ и А. А. Миллером несколько преувеличены разветвление древней дельты и размеры заливов. В результате из поля зрения исследователей выпали поселения, находящиеся в плодородных долинах и на берегах древних рукавов.

Необходимость проведения разведочным отрядом в сжатые сроки комплексного обследования на больших площадях как известных ранее, так и выявленных в процессе работ новых памятников, потребовали привлечения различных методов, которые позволили ознакомиться со всей обследуемой территорией с целью выявления признаков поселений, могильников, древних дорог и межевания земельных угодий. Совместное изучение этого материала с данными историографии по особенностям ландшафта, по очерку тальвегов и балок, по линиям обрывов и берегов, по расположению и конфигурации старых раскопов выявило вновь ряд обследованных ранее памятников, несмотря на схематичность старых планов и карт и неточность словесных привязок.

Полевые исследования включали археологическую разведку площадей поселений и ближайшей их окрестности и маршрутную разведку по обследованию древних дорог и курганов.

За три года было обследовано 355 памятников; из них 150 поселений античного и средневекового времени, 205 курганных групп и отдельных курганов, а также около 60 км древних дорог¹⁴ (рис. 1).

Из 150 обследованных поселений 66 выявлено предшествующими исследованиями, 84 поселения ранее никем не фиксировались. Ряд памятников, имеющих на старых археологических картах, пока не обследован.

Следует отметить, что на большинстве памятников границы, определенные по распространению массового подъемного материала, совпадают с другими данными. Выявляются следы сырцовых строений или усадеб с комплексами их построек, что позволяет делать некоторые предположения о внутренней структуре поселений, о плотности древней застройки и т. д.

При обработке и классификации подъемного материала, собранного на поселениях, выделено 86 типов амфор. Типы амфор античного времени определены по книге И. Б. Зеест (Керамическая тара Боспора. М.,

Рис. 1. Схема расположения древних поселений на Таманском полуострове

а — поселения; б — поселения с крепостью; в — древние дороги; г — Киммерийский вал; д — линия древнего берега. Составители Я. М. Паромов, А. А. Воронов

1960), за исключением двух типов светлоглиняных узкогорлых амфор II и III вв., выделенных по И. С. Каменецкому¹⁵. Средневековая гара типологизирована, по А. Л. Якобсону, С. А. Плетневой, И. А. Антоновой и др.¹⁶

В таблице отражена предварительная датировка поселений по характерному амфорному материалу.

Из 150 обследованных поселений 138 относятся к античному времени и 66 — к раннему и классическому средневековью (54 поселения существовали и в ту и в другую эпоху).

Из 138 поселений античного времени 56 основаны в VI в. до н. э., 9 — в V в. до н. э., 49 — в IV в. до н. э., 24 поселения основаны позднее IV в. до н. э.

Исходя из этих подсчетов, можно выделить два основных этапа освоения земель Таманского п-ва в античную эпоху — VI и IV вв. до н. э. Первый из них связан с широкой греческой колонизацией всего Северного Причерноморья, а второй — с расцветом сельских поселений в IV—III вв. до н. э.¹⁷

Поселения, основанные и на первом и на втором этапах, были расположены не только на морских берегах или берегах заливов, но и в глубине территории полуострова, состоявшего в древности из отдельных островов. О планомерном формировании хоры, центром которой являлся город, говорит одновременность основания поселений, расположенных в глубине территории (памятники 2, 7, 11, 15, 40, 60, 61, 71, 72, 75, 93, 94, 97, 100—102, 105, 113, 121, 122, 134, время возникновения которых совпадает с периодом основания здесь ряда античных городов, относящихся к VI в. до н. э.).

Учитывая плотность размещения памятников античного времени, можно предположить, что в ту эпоху была освоена вся территория древних островов, на которой располагались города с гаванями и некрополями, поселения, дороги, распаханые надель, виноградники, сады, пастбища, пойменные леса и т. д.

Из 138 поселений, относящихся к античному периоду, 46 прекратили существование до III в. н. э., 72 — в III в., 18 поселений — в IV в. Это связано не только с общим упадком Боспорского царства, но прежде всего с нашествием варварских племен в середине III в., а также с нашествием гуннов во второй половине IV в.

Из 66 средневековых поселений 41 основано в VIII в., 17 — в X в., остальные — ранее или позднее названных столетий. Есть основания выделить два этапа возникновения средневековых поселений на землях Таманского п-ва — в VIII и X вв. Первый из этих этапов связан с присоединением этих земель к Хазарскому каганату, а второй — с разгромом хазар и образованием русского Тмутараканского княжества. В средневековый период, как и в античное время, была освоена вся территория Таманского п-ва.

По предварительным данным общее число курганов на территории Таманского п-ва равно примерно 400. За три года работы разведочным отрядом обследовано 205 курганных групп и отдельных курганов. Разные по высоте и диаметру, по форме насыпи, они отличаются прежде всего по месту расположения. Курганы, воздвигнутые на возвышениях, даже теперь являются одной из характерных черт ландшафта Таманского п-ва. Вереницы курганов тянутся также вдоль некоторых дорог античного времени. Это прежде всего «Аллея курганов», идущая от одного из некрополей Фанагории к юго-востоку, ряд курганов, вдоль древнего пути, проходившего через всю северо-западную часть Таманского п-ва (Фонатовский п-в) от Керченского пролива до древнего Киммерийского вала, цепь курганов от станицы Тамань к мысу Тузла и от станицы Тамань в юго-восточном направлении и т. д.

Раскопки курганов, проводившиеся в прошлом в начале нашего века, а также в последние десятилетия, дали ценный для науки материал

Таблица
Предварительная датировка поселений

№ на схеме	Наименование поселения	века до н. э.				века н. э.						
		VI	V	IV—III	II—I	I—II	III	IV	V—VII	VIII—IX	X—XI	XII—XIII
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Ильич 1					+	+	+	+			
2	Ильич 2					+	+	+	+			
3	Ильич 3	+	+	+	+	+	+					
4	Ильич 4			+	+	+						
5	Ильич 5			+	+						+	
6	Приазовский 1	+	+	+	+	+	+					
7	Приазовский 2	+	+	+	+	+	+					
8	Приазовский 3			+	+							
9	Приазовский 4	+	+	+	+	+	+					
10	Батарейка 1			+	+	+	+	+	+			
11	Батарейка 2	+	+	+	+	+	+					
12	Батарейка 3			+	+	+	+					
13	Батарейка 4			+	+	+	+			+	+	
14	Запорожская 1		+	+	+	+	+					
15	Запорожская 2	+	+	+	+	+	+					+
16	Красноармейский 1			+	+	+	+	+		+		
17	Красноармейский 2			+	+	+	+					
18	Красноармейский 3	+	+	+	+	+	+					
19	Красноармейский 4			+	+	+	+				+	+
20	Красноармейский 5	+	+	+	+	+	+					
21	Гаркуша 1	+	+	+	+	+	+			+	+	+
22	Гаркуша 2*			+	+	+	+					
23	Гаркуша 3			+	+	+	+			+		
24	Береговой 1			+	+	+	+					
25	Береговой 2			+	+	+	+					
26	Береговой 3*			+	+	+	+	+		+	+	
27	Береговой 4	+	+	+	+	+	+					
28	Кучугуры 2	+	+	+	+	+	+					
29	Кучугуры 3	+	+	+	+	+	+					
30	Кучугуры 4			+	+	+	+					
31	Кучугуры 5	+	+	+	+	+	+					
32	Кучугуры 6			+	+	+	+				+	+
33	Кучугуры 7	+	+	+	+	+	+					
34	Кучугуры 8			+	+	+	+	+			+	+
35	Кучугуры 9	+	+	+	+	+	+			+		
36	Кучугуры 10			+	+	+	+				+	+
37	Кучугуры 11*			+	+					+		
38	Кучугуры 12			+	+	+	+					
39	Кучугуры 13	+	+	+	+	+	+					
40	Фонталовская 1	+	+	+	+	+	+					
41	Фонталовская 2			+	+	+	+					
42	Фонталовская 3	+	+	+	+	+	+					
43	Фонталовская 4		+	+	+	+	+	+		+		
44	Фонталовская 5			+	+	+	+					
45	Волна Революции 1	+	+	+	+	+	+			+	+	+
46	Волна Революции 2	+	+	+	+	+	+					
47	Волна Революции 3			+	+	+	+				+	+
48	Волна Революции 4		+	+	+	+	+				+	+
49	Волна Революции 5	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
50	Юбилейный 1			+	+	+	+	+			+	+
51	Юбилейный 2			+	+	+	+	+			+	+
52	Юбилейный 3			+	+	+	+	+		+	+	+
53	Юбилейный 4			+	+	+	+	+		+	+	+
54	Юбилейный 5			+	+	+	+	+			+	+
55	Юбилейный 6			+	+	+	+	+	+			
56	Юбилейный 7			+	+	+	+	+			+	
57	Юбилейный 8*			+	+	+	+				+	+
58	Юбилейный 9			+	+	+	+			+		
59	Сенной 1			+	+	+	+					
60	Сенной 2	+	+	+	+	+	+					
61	Сенной 3	+	+	+	+	+	+			+	+	
62	Сенной 4			+	+	+	+					
63	Сенной 5			+	+	+	+					

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
64	Сенной 6			+	+							
65	Сенной 7			+	+	+						
66	Сенной 8			+	+	+						
67	Соленый 1						+			+	+	
68	Соленый 2			+	+	+	+	+		+	+	
69	Соленый 3	+	+	+	+	+	+	+				
70	Соленый 4			+	+	+						
71	Ахтанизовская 1	+	+	+	+	+	+			+		+
72	Ахтанизовская 2	+	+	+	+	+	+					
73	Ахтанизовская 3			+	+	+	+					
74	Ахтанизовская 4	+	+	+	+	+	+				+	+
75	Ахтанизовская 5			+	+							
76	Ахтанизовская 6									+	+	
77	Ахтанизовская 7			+	+	+	+		+	+	+	
78	Ахтанизовская 8		+	+	+	+	+			+		
79	Приморский 1			+	+	+	+			+	+	+
80	Приморский 2			+	+	+	+					
81	Приморский 3			+	+	+						
82	Приморский 4			+	+							
83	Приморский 5			+	+	+						
84	Приморский 6			+	+	+						
85	Приморский 7			+	+	+						
86	Приморский 8			+	+	+						
87	Приморский 9			+	+	+					+	
88	Приморский 10			+	+	+	+	+				
89	Приморский 11*			+	+	+				+	+	+
90	Тамань 1	+	+	+	+	+	+					
91	Тамань 2			+	+	+	+			+	+	+
92	Тамань 3	+	+	+	+	+	+			+	+	
93	Тамань 4	+	+	+	+	+	+					
94	Волна 1	+	+	+	+	+	+	+		+		+
95	Таманский 1										+	+
96	Таманский 2			+	+	+	+	+				
97	Таманский 3	+	+	+	+	+	+			+		
98	Веселовка 1	+	+	+	+						+	+
99	Веселовка 2									+	+	
100	Веселовка 3	+	+	+	+							
101	Прогресс 1	+	+	+	+	+	+					
102	Виноградный 1	+	+	+	+	+	+			+	+	+
103	Виноградный 2	+	+	+	+	+	+					
104	Виноградный 3									+	+	+
105	Виноградный 4	+	+	+	+	+				+		
106	Виноградный 5*			+	+	+	+	+				
107	Виноградный 6									+	+	
108	Вышестеблиевская 1	+	+	+	+	+	+					
109	Вышестеблиевская 2	+	+	+	+	+	+					
110	Вышестеблиевская 3					+	+					
111	Вышестеблиевская 4			+	+	+	+					
112	Вышестеблиевская 5*			+	+	+	+					
113	Вышестеблиевская 6	+	+	+	+	+	+	+				
114	Вышестеблиевская 7			+	+	+	+					
115	Вышестеблиевская 8		+	+	+	+				+		
116	Вышестеблиевская 9			+	+	+	+					
117	Вышестеблиевская 10	+	+	+	+	+	+	+		+	+	
118	Вышестеблиевская 11	+	+	+	+	+	+	+		+	+	
119	Вышестеблиевская 12					+	+	+				
120	Вышестеблиевская 13	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
121	Старотитаровская 1	+	+	+	+	+	+					
122	Старотитаровская 2	+	+	+	+	+	+					
123	Старотитаровская 3			+	+							
124	Старотитаровская 4					+	+			+		
125	Старотитаровская 5	+	+	+	+	+	+					
126	Старотитаровская 6*			+	+	+	+					
127	Старотитаровская 7	+	+	+	+	+	+			+	+	
128	Старотитаровская 8		+	+	+	+	+					
129	Старотитаровская 9								+	+	+	+
130	Старотитаровская 10								+	+	+	
131	Старотитаровская 11					+	+					

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
132	Старотитаровская 12*			+	+							
133	Старотитаровская 14	+	+	+								
134	Старотитаровская 15	+	+	+	+	+						
135	Старотитаровская 16	+	+	+	+							
136	Стрелка 1	+	+	+	+	+	+	+				
137	Стрелка 2	+	+	+		+	+					
138	За Родину 1			+								
139	За Родину 2			+	+	+						
140	За Родину 3			+	+	+						
141	За Родину 4			+	+	+	+					
142	За Родину 5			+	+	+						
143	За Родину 6	+	+	+	+	+				+	+	
144	За Родину 7 *			+	+							
145	Голубицкая 1					+	+	+			+	+
146	Голубицкая 2	+	+	+	+	+				+	+	
147	Голубицкая 3											+
148	Голубицкая 4	+	+	+	+	+	+			+	+	
149	Голубицкая 5									+		
150	Темрюк 1			+		+	+			+	+	+

* Поселения, основанные в III в. до н. э.

эпохи бронзы, античного времени и средневековья (впускные погребения)¹⁸.

За три года разведочным отрядом обследовано также около 60 км древних дорог, которые были выявлены; признаки древних дорог часто образуют единую систему с признаками поселений и древнего межевания угодий. При обследовании следы древних дорог выглядят как прямолинейные, иногда едва приметные ложбины до 7—10 м шириной, хорошо выделяющиеся на молодом растительном покрове за счет более сильной и сочной зелени. Подъемный материал, встреченный при обследовании древних дорог, одновременен материалу, собранному на поселениях, через которые они пролегают.

Ближайшей задачей археологического разведочного отряда является создание археологической карты Таманского п-ва.

¹ Герц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытый на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. М., 1876; *Он же*. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.

² Поночевный М. О. Географический очерк Босфорского царства. — Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. II. С. 1—60.

³ Соколов В. В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // Изв. Таврической учен. архивной комиссии. 1919. Вып. 56. С. 39—59.

⁴ Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. // Тр. этнографо-археологического музея 1 МГУ. 1927. № 3. С. 26—40; *Он же*. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. // Тр. Секции археологии Института истории РАНИОН. 1928. Вып. III. С. 71—74, 80—86.

⁵ Карта не опубликована. Копия карты любезно предоставлена А. К. Коровиной, за что приношу ей глубокую благодарность.

⁶ Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения ГАИМК. 1931. № 1, с. 26—29; *Иессен А. А., Миллер А. А.* Таманская экспедиция в 1931 г. // Сообщения ГАИМК, 1932. № 11—12, с. 58, 59.

⁷ Археологическая карта Таманского полуострова, составленная сотрудниками Таманской экспедиции ГАИМК 1930—1931 гг. // Архив ЛОИА. Р—1. № 158, инв. 1210 и № 160, инв. 1303—1306.

⁸ Кубланов М. М. К истории азиатского Боспора // СА. 1959. XXIX—XXX. С. 203—226.

⁹ Шелов Д. Б. Городище около хутора Ильичевка // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 228—231.

¹⁰ Блаватский В. Д. Первый год работы синдской экспедиции // КСИИМК. 1952. Вып. XLVIII. С. 71—79; *Он же*. Второй год работы синдской экспедиции // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 149—155; *Он же*. Третий год работы в Синдике // КСИИМК 1955. Вып. 58. С. 88—95; *Он же*. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 118, 119; *Он же*. Пятый год работы в Синдике // КСИИМК. 1959. Вып. 74.

- С. 41—48; *Шелов Д. Б.* Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 159—165; *Он же.* Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 96—99.
- ¹¹ *Сокольский Н. И.* Раскопки античного поселения около станицы Таманской // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 49—57; *Он же.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. София, 1963. С. 11—25; *Он же.* Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА, 1963, № 1, с. 179—191; *Он же.* Город Кепы и крепости Фанталовского полуострова // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964. С. 48—50; *Он же.* Ильичевское городище // СА. 1966. № 4. С. 125—140; *Он же.* Раскопки в северо-западной части Таманского полуострова // АО 1965 г. М., 1966. С. 126—129; *Он же.* Исследования северо-западной части Таманского полуострова // АО 1966 г. М., 1967. С. 76—79; *Он же.* Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 108—115; *Он же.* Крепость асургиян на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 21—30; *Он же.* Таманский толос и резиденция Хрисалика. М., 1976.
- ¹² Археологические открытия за 1974, 1976, 1977 гг., а также: *Калашников М. В.* Таманская археологическая экспедиция: Отчет о разведках на Фонталовском полуострове в 1979 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1. № 7554.
- ¹³ *Войцеховский С. Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. 1929. Вып. 5—6. С. 5—7.
- ¹⁴ *Паромов Я. М.* Отчет об археологических разведках на Таманском полуострове в 1981 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1. № 8602; *Паромов Я. М., Воронов А. А., Николаенко Т. Д., Усачева О. Н.* Отчет об археологических разведках на Таманском полуострове в 1982 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1. № 8603; *Паромов Я. М., Воронов А. А., Николаенко Т. Д.* Отчет об археологических разведках на Таманском полуострове в 1983 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1.
- ¹⁵ *Каменецкий И. С.* Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 29—36.
- ¹⁶ *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979; *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмуракиани. М., 1963. С. 5—72; *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашуга Л. Н., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Сб. 7. С. 81.
- ¹⁷ *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 53 и след.
- ¹⁸ *Лазаревский Я. М.* Курганы Таманского полуострова // ИАО. СПб., 1861. Т. II. С. 28—32; Отчеты о раскопках на Таманском полуострове // ОАК за 1864 г. СПб., 1865. III—XI; ОАК за 1866 г. СПб., 1868. XII—XIV; ОАК за 1868 г. СПб., 1870; ОАК за 1869 г. СПб., 1871. X—XI; ОАК за 1870—1871 гг. СПб., 1874. III—XVIII; ОАК за 1872 г. СПб., 1875. III—XV; ОАК за 1881 г. СПб., 1883. XV—XX; ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891. XVI—XVIII; ИАК. СПб. 1910. Вып. 35. С. 45—47; *Коровина А. К.* К вопросу о памятниках эпохи бронзы на Таманском полуострове // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Л., 1964. Т. II. С. 34—38; *Она же.* Курган Межлиманный // СА. 1974. 4. С. 201—211.

В. В. СЕДОВ, С. В. БЕЛЕЦКИЙ

ПСКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1980—1984 ГГ.

В 1979 г. Институт археологии АН СССР совместно с Псковским Гос. объединенным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником приняли решение о создании межведомственной Псковской археологической экспедиции. Основной задачей ее стали проведение охранных раскопок в черте средневекового Пскова и введение в научный оборот материалов археологических раскопок.

К концу 70-х годов псковская археология уже прошла длинный путь: от первых бессистемных археологических наблюдений начала XX в. через рекогносцировочные и стационарные научные исследования к широкомасштабным спасательным раскопкам на участках современного строительства¹. К сожалению, последние, наиболее объемные и важные в научном отношении исследования, дающие в последние годы основные материалы по истории средневекового города, длительное время велись «сезонными экспедициями» почти что «на общественных началах».

На протяжении 70-х годов новостроечные раскопки в черте Пскова координировались Производственной группой по охране памятников истории и культуры Управления культуры Псковского облисполкома, персонально приглашавшей археологов для каждого конкретного раскопа. Так сложилась практика одновременной работы в черте города нескольких самостоятельных экспедиций, организованных различными учреждениями, координация между которыми отсутствовала. Система параллельной работы нескольких экспедиций приводила к сложностям в обеспечении раскопов рабочей силой и лаборантским составом. Не лучше обстояло и с оформлением научной документации по раскопам: в условных обозначениях на чертежах, в системе шифровки находок, в принципах фиксации массовых категорий находок наблюдался заметный разноречивый.

Материалы раскопок в Пскове оставались почти совершенно неопубликованными, а порой неизвестными даже узкому кругу специалистов в области псковской научной проблематики. Последнее затруднило научную разработку основных вопросов истории и археологии Пскова. Несмотря на обилие накопленных раскопками материалов, в зачаточном состоянии находится разработка хронологической шкалы псковских древностей, изучение основных категорий археологических находок, вопросов хозяйства и занятия населения средневекового города, проблем демографии и социальной топографии Пскова и прочее.

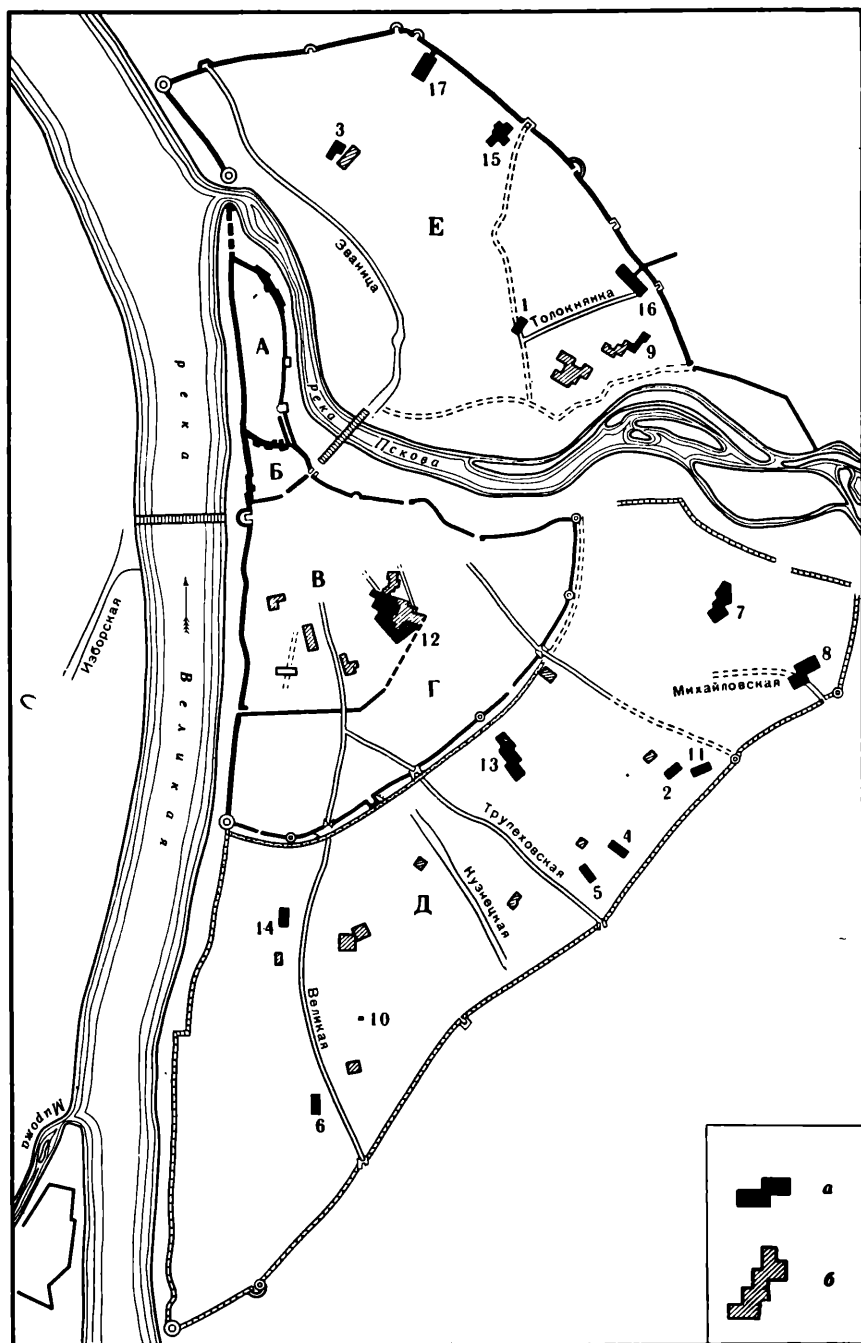
Создавая Псковскую экспедицию, Институт археологии предполагал не только перевести на качественно новый уровень проведение охранно-археологических раскопок в Пскове, но в первую очередь объединенными усилиями исследователей, работающих в области археологии и средневековой истории Пскова, подготовить к изданию и в максимально короткие сроки ввести в научный оборот накопленные раскопками археологические материалы. Поэтому одним из первых мероприятий по созданию Псковской экспедиции стала организация и регулярное проведение научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли»². В рамках работы семинара (в 1980—1984 гг. проведено 15 заседаний, на которых заслушано более 100 докладов и сообщений) начал формироваться коллектив экспедиции. Он уже подготовил и издал монографию «Археологическое изучение Пскова», в которой в научный оборот вводятся материалы из раскопок 70-х годов, а также обобщены некоторые результаты раскопочных исследований более раннего времени³.

За первые пять полевых сезонов Псковской новостроечной экспедиции раскопки велись по территории средневекового города всюду, где предстояло проведение строительных работ (рис. 1). Сведения о раскопках этих лет сведены в табл. Вскрытая площадь превысила 11 тыс. кв. м.

Основные раскопочные исследования экспедиция сосредоточила в Среднем Городе на ул. Ленина близ здания Псковского педагогического института. Площадь раскопа 1983—1984 гг. 2498 кв. м. Здесь исследованы напластования XII—XVII вв. Мощность слоя 2,5—3 м.

Культурный слой содержит остатки деревянной застройки, в ряде мест — прекрасной сохранности. Получено большое количество образцов-спилов для дендрохронологического анализа. Раскопками открыты и изучены десятки срубов жилых построек, срубные и столбовые хозяйственные строения, частоколы, разграничивающие несколько дворов-усадеб, многочисленные дворовые вымостки. Исследовано семь строительных ярусов уличной мостовой на протяжении нескольких десятков метров. Эта улица зафиксирована на плане Пскова 1740 г., но название ее пока установить не удастся. Устройство мостовых такое же, как в Новгороде и других древнерусских городах.

Раскопками собрана большая коллекция вещевых находок (свыше 4 тыс. предметов). Важную часть ее составляют изделия из дерева и бересты, в том числе ковши (есть и орнаментированные), ложки, части кадушек, туеса, коробки, поплавки и др. Самой многочисленной категорией вещевых находок являются железные предметы хозяйственного и бытового назначения. Нередки изделия из камня: литейные формочки,

Рис. 1. План псковской крепости с обозначением местоположения археологических раскопов, кроме раскопов на Крому и в Довмонтовом городе

А — Кром; Б — Довмонтов Город; В — Средний Город (в черте стены 1309 г.); Г — Средний Город (в черте стены 1375/1380 гг.); Д — Полонище; Е — Запсковье; а — раскопы 1980—1984 гг.; б — раскопы предшествующих лет.

Нумерация раскопов соответствует номерам в табл. 1

рыболовные грузила, пряслица, точильные бруски и др. Предметы из рога и кости представлены гребнями и расческами, рукоятями ножей, игральными фишками, коньками и различными острями.

Среди ювелирных изделий имеются бронзовые разнотипные браслеты и перстни, пряжки, поясные кольца, нагрудные привески-амулеты и крестики. К предметам индивидуальной формы относится широкий плете-

Таблица 1
Археологические работы Псковской экспедиции в 1980—1984 гг.

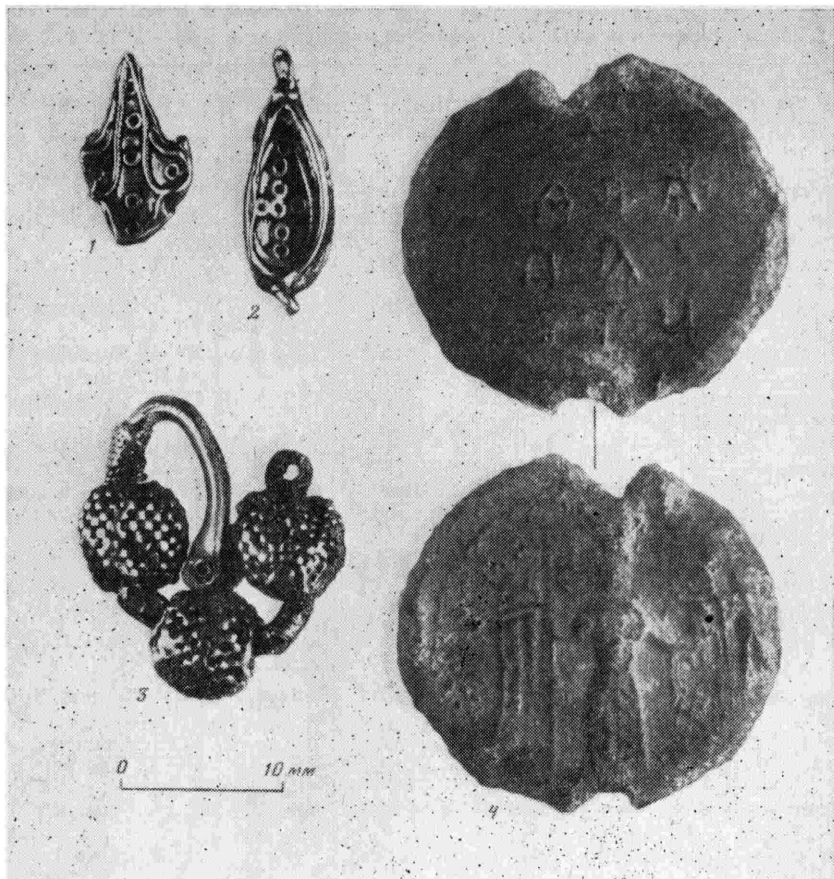
№	Наименование и местонахождение раскопа	Год	Площадь, кв. м	Мощность слоя, м	Руководители раскопа
1	Богоявленский (ул. Школьная)	1980	400	1,5	С. В. Белецкий
2	Новоторговский 2 (ул. Некрасова)	1980	240	2	А. А. Александров
3	Воскресенский 2 (ул. Школьная)	1981	Ок. 300	1	С. В. Белецкий
4	Петровский (Комиссаровский пер.)	1981	560	2,5	Т. В. Москвина
5	На Октябрьском пр.	1981	510	1,3—2,4	И. О. Колосова
6	На ул. Советская	1981	320	—	А. Ф. Урьева
7	Благовещенский (ул. Некрасова)	1981	436	2	О. К. Волочкова
8	Михайловский (ул. Спегальского)	1981—1982	656	1,5	С. В. Белецкий
9	На ул. Первомайская	1981	600	0,8—1,5	В. И. Кильдюшевский
10	Поганкины палаты (ул. Некрасова)	1982, 1984	Ок. 120	2,5	А. А. Александров Вл. В. Седов
11	Новоторговский 3 (ул. Некрасова)	1982	250	3	В. П. Фролов
12	У Педагогического института (ул. Ленина)	1983, 1984	2498	2,5—3	В. В. Седов, И. К. Лабутина, В. Г. Миронова, В. И. Кильдюшевский, О. К. Волочкова
13	Лужский (ул. Пушкина)	1983, 1984	992	1—1,5	П. А. Шорин, Т. Ю. Закурина
14	На ул. Детская	1983	540	2,2	В. П. Фролов
15	Ильинский (ул. Труда)	1983, 1984	1200	1,5—2	К. М. Плоткин
16	Толокнянский (ул. Первомайская)	1983	Ок. 800	0,6—1	С. В. Белецкий
17	На ул. О. Кошевого	1984	Более 900	1	В. П. Фролов

ный ажурный браслет с пластинчатыми концами, выполненный из белого металла. Наибольший интерес представляют прекрасно исполненные золотые трехбусинная серьга и привески от ясны — женского головного убора княжеского характера (рис. 2, 1—3).

Единичные предметы содержат буквенные начерки. Это — два куска бересты: один — с процарапанными буквами, другой (на толстом слое коры) — с буквами вырезанными. Обе находки происходят из слоя XIII — начала XIV в. В слое начала XIV в. найдено железное писало. Интересно одна из каменных литейных формочек для отливки часто встречаемых в раскопках грузиков. В коническом углублении ее есть четырехбуквенная надпись.

Для изучения государственной жизни Пскова важны находки вислых свинцовых печатей. Одна из них происходит из слоя XIV в. На аверсе печати помещена трехстрочная надпись $\text{АВДА} = \text{ПШЧТЬ}$, вырезанная на матрице без учета на оттиск. На реверсе — изображение архангела Гавриила в рост (рис. 2, 4). Печать от той же пары матриц была найдена на Рюриковом городище под Новгородом⁴. В. Л. Янин прочитал надпись «Якава печать»: Он датировал новгородский экземпляр XII в. и предполагал, что владельцем ее был некий Яков, представлявший интересы князя, носившего христианское имя Гавриил⁵. Псковский экземпляр печати позволяет предложить иное прочтение атрибутивной надписи — «Яв<е> д<о>(в) а п<е>ч<а>ть». Упомянутый в надписи Явед может быть сопоставлен с князем Аведом, которому большинство списков псковских летописей приписывают строительство «из камня с кирпичом» ц. Дмитрия Солунского⁶. Христианское имя князя Аведа — Дмитрий — позволяет согласиться с В. Л. Яниным в том, что изображение архангела Гавриила символизирует лицо, вассалом которого являлся Явед. Един-

Рис. 2. Находки из раскопа на ул. Ленина

1, 3 — привески от рясны; 2 — серьга; 4 — актовая печать; 1—3 — золото, 4 — свинец

ственный князь Гавриил в Пскове — Всеволод-Гавриил Мстиславич, занимавший стол в 1137—1138 гг., скончавшийся в Пскове и похороненный в ц. Дмитрия Солунского «еже сам создал»⁷. По-видимому, Авед являлся доверенным лицом князя Всеволода-Гавриила и в своей деятельности выступал от его имени.

Другая печать из раскопа на ул. Ленина несет на обеих сторонах изображения святых в рост. Она принадлежит к кругу домонгольских княжеских печатей.

Некоторые находки, в частности — стеклянные браслеты и бусы, рейнская и поливная среднеазиатская керамика, янтарные крестики и бусы, шиферные пряслица, фрагменты амфор и др., характеризуют широкие торговые связи Пскова с другими русскими землями и зарубежными странами. В раскопе встречены монеты XV и XVI вв., а также найден монетный клад из 662 медных копеек Алексея Михайловича, основная часть которых чеканена на псковском монетном дворе⁸.

Результаты раскопок за пределами Среднего Города — на Полонище и на Запсковье — более скромные. Во всех без исключения раскопках получен рядовой, хотя и многочисленный археологический материал. Сохранность органических остатков здесь несравнимо хуже, чем в центральной части города, слой меньшей мощности и в основном более позднего времени. Но в совокупности раскопы в Окольном Городе дают важные сведения о процессе роста территории средневекового Пскова. Полученные раскопками наблюдения позволяют проследить этот процесс с такой степенью детализации, которой невозможно достигнуть путем анализа сведений письменных источников.

На территории Полонища продолжалось изучение окраинных участков средневекового города. Подтвердилось высказывавшееся положение о значительных перепадах рельефа поверхности в древности, сnivelированное только в новейшее время⁹. Наиболее интересным стало выявление значительных площадей, оставшихся незастроенными вплоть до XVI—XVII вв. Отсутствие отложений ранее XVI в. выявлено в раскопах на северо-западе — Благовещенском, Новоторговском 2 и Новоторговском 3. Слоев ранее XVII в. не обнаружено в Михайловском и Петровском раскопах. Гипотетично наличие застройки ранее XVI в. в раскопе на Октябрьском проспекте. Слоев ранее XVII—XVIII вв. как будто бы не обнаружено в раскопе на ул. Советской. Таким образом, крепостные стены Окольного Города, возведенные в конце XV в., окружали город с большим запасом для роста населения. Более двух третей территории Окольного Города в пределах междуречья Великой и Псковы в эпоху феодальной республики оставалось незастроенной или застроенной настолько свободно, что отчетливых отложений культурного слоя выявить не удалось. Эти наблюдения заметно меняют представление о размерах территории городской застройки Пскова и количестве его жителей, существующие в исторической литературе.

Во всех раскопах на Полонище хорошо представлены культурные отложения эпохи позднего средневековья. Материалы этого времени до сих пор археологически изучались крайне нерегулярно и недостаточно. Из раскопов с хорошей сохранностью позднесредневековых отложений особо отметим Михайловский раскоп. Здесь исследовано четыре строительных яруса. Позднейший из ярусов относится к XIX в., древнейший — ко второй половине (последней четверти?) XVII в. Удалось установить, что в этот период застройка исследованного участка была не усадебная, а уличная. Таким образом, изменения в принципах городской планировки Пскова произошли не позднее конца XVII в.

Существенно, что керамика и основные категории вещевых находок в Михайловском раскопе, датированные серией монетных находок XVIII в., почти не отличаются от материалов XVI—XVII вв., представленных во многих раскопах Пскова и также достаточно надежно датированных монетными находками¹⁰. Основным отличием является большое количество найденных в слое XVIII в. фрагментов стеклянных бутылок и штофов, а также разнообразная фарфоровая и фаянсовая посуда. Совпадение основных типов керамики и вещевых находок в слоях XVI—XVII и XVIII вв. свидетельствует о продолжении в Пскове XVIII в. традиций материальной культуры более раннего времени.

Интересные результаты были получены во время раскопок на Запсковье. До самого последнего времени эта часть территории Пскова была изучена недостаточно. Широкие исследования здесь начались только в 1977—1979 гг. Начало заселения Запсковья традиционно относили к XIV или концу XIII—XIV вв.¹¹

Новые материалы были получены уже в ходе работ 1980 г. В основании культурного слоя Богоявленского раскопа открылись отложения начала XII в. Это позволило связать первое отчетливое распространение городской застройки на Запсковье с тем же расширением территории Пскова, которое ранее было выявлено по материалам раскопок в Среднем Городе и отнесено к рубежу XI—XII или началу XII вв.¹² Границы первоначального заселения Запсковья уточнились раскопками 1981 и 1983 гг. В основании сильно нарушенного слоя раскопа Воскресенское 2 была найдена керамика XII в., а в материке были открыты ямы, содержащие такую же керамику. Единичные фрагменты аналогичной посуды найдены в раскопах в южной части ул. Первомайская¹³. В то же время в материалах Толокнянского, Ильинского и раскопах в северной оконечности ул. Первомайская¹⁴ совершенно нет материалов ранее XV—XVI вв. Таким образом, территория первоначальной застройки Запсковья очерчивается в пределах прибрежной части, вероятнее всего, ограничивается выступом берега р. Пскова в месте изгиба русла реки.

Важным открытием стали найденные в материковых ямах раскопа Воскресенское 2 фрагменты грубой лепной керамики. Ближайшей аналогией ей являются сосуды из нижнего слоя Псковского городища, где они датируются третьей четвертью I тысячелетия н. э.¹⁵ По-видимому, в районе этого раскопа в середине—третьей четверти I тысячелетия н. э. существовало небольшое неукрепленное поселение. Эти находки свидетельствуют, что Псковское городище эпохи длинных курганов находилось в окружении синхронных ему сельских поселений.

Новые данные о крепостных сооружениях конца XV—начала XVI вв. получены на Толокнянском раскопе. Здесь траншеей исследованы руины крепостной стены Окольного Города и крепостной ров. Выяснилось, что первоначальная крепостная стена была сооружена в конце XV в. Ее дополняли предстенный деревянный частокол и ров, наполненный водой. Южный берег рва был укреплен деревянными конструкциями, предохраняющими его от оползания. В первой половине XVI в. крепостные сооружения были реконструированы: с внешней стороны к кладке стены был сооружен приклад, частокол был заменен на более мощный, поставленный по внутреннему склону рва, а сам ров углублен. В более позднее время реконструкций крепостных сооружений не проводилось и стена постепенно ветшала. Позднейшая прочистка донной части рва относится уже к началу XVIII в.

Интересные наблюдения получены на Ильинском раскопе. В основании культурного слоя здесь открыта серебристая прослойка лесного подзола. Древнейшие материалы, обнаруженные в раскопе (за исключением единственного фрагмента лепного сосуда третьей четверти I тысячелетия н. э.), относятся к концу XVII—началу XVIII в. По-видимому, участок леса сохранялся в черте крепостных стен конца XV в. вплоть до начала XVIII в. и был сведен в период подготовки Пскова к Северной войне.

В раскопах на территории Окольного Города найдено три вислых свинцовых печати. Одна из печатей происходит из Толокнянского раскопа. На аверсе помещена надпись «Печать Троицкая». На реверсе — изображение Богоматери Знамение, вокруг изображения — фрагменты нечитаемой круговой надписи. Группа так называемых «Троицких печатей» Пскова неоднократно привлекала внимание исследователей, в настоящее время известно не менее 10 моливдовулов, отгиснутых пятью парами матриц. Н. П. Лихачев связывал эти печати с органами Светской власти Пскова и датировал XIV в.¹⁶ В. Л. Янин первоначально считал печати посадничьими и датировал их концом XV в.¹⁷ Впоследствии он пересмотрел свою точку зрения и связал троицкие печати с деятельностью владычных наместников Пскова XIV в.¹⁸ Описания печатей в списках с грамот 1474 и 1503 гг.¹⁹ позволяет вернуться к оценке троицких печатей как государственных печатей Пскова XV в. Булла найдена в заплении подпольной части постройки XVII в.

Две печати происходят из Михайловского раскопа. Одна из них неопределима из-за очень плохой сохранности. Вторая относится к группе печатей владычных наместников Пскова. Булла отгиснута первой парой матриц печати с именем Ионы Отенского и датируется 1466—1469 гг.²⁰ Обе печати происходят из слоя начала XVIII в. Здесь же найдена бронзовая печать-матрица с надписью на щитке: «Печать Сямсона Афонасьевича». Она датируется концом XV—началом XVI в.²¹

Из толокнянского раскопа происходят также два монетных клада. Один из них помещался в кубышке зеленой поливы, характерной для кладовой керамики XVI—XVII вв. (рис. 3). Клад содержал 984 серебряные монеты. Младшая монета — новгородская копейка Василия Шуйского с датой — 1607 г. Судя по составу монет клад был зарыт вскоре после 2 сентября 1608 г., в первые месяцы самостоятельности Пскова, отложившегося от Москвы и присягнувшего Тушинскому вору. Второй клад насчитывает 263 серебряные монеты. В нем преобладают монеты времени Михаила Федоровича — 257 экз. Клад датируется рубежом 30—40-х годов XVII в.²²

- ¹ *Лабугина И. К.* Культурный слой Пскова // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 30—45.
- ² *Белецкий С. В.* Семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли» // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 109—112; Тезисы прочитанных на заседаниях семинара докладов публикуются в кн.: Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1980. Вып. 1; Псков, 1982. Вып. 2; Псков, 1983. Вып. 3; Псков, 1984. Вып. 4; Псков, 1985. Вып. 5.
- ³ Археологическое изучение Пскова. М., 1983.
- ⁴ *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. I. № 348. Благодарим В. Л. Янина, принявшего участие в обсуждении этой печати.
- ⁵ *Янин В. Л.* Актовые печати... С. 153.
- ⁶ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 103; М., 1955. Вып. 2. С. 227, 292.
- ⁷ Псковские летописи. Вып. 2. С. 77.
- ⁸ *Шорин П. А.* Монетные клады Псковской земли // Археология и история... Вып. 5.
- ⁹ *Лабугина И. К.* Культурный слой Пскова. С. 13.
- ¹⁰ Охранные раскопки в Пскове // Археология и история... Вып. 2. С. 61, 62.
- ¹¹ *Лабугина И. К.* Культурный слой Пскова. С. 25.
- ¹² *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова: Археологические данные к проблеме происхождения города // КСИА. 1980. Вып. 160. Рис. 7.
- ¹³ Охранные раскопки в Пскове. С. 61, 62.
- ¹⁴ *Лабугина И. К.* Культурный слой Пскова. № 86, 89.
- ¹⁵ *Белецкий С. В.* Псковское городище: Керамика и культурный слой // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 54, 55. Рис. 3, 4.
- ¹⁶ *Лизачев Н. П.* Печати Пскова // СА, 1960. № 3. С. 233.
- ¹⁷ *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова // СА. 1960. № 3. С. 249—251.
- ¹⁸ *Янин В. Л.* Сфрагистический комментарий к псковским частным актам Л. М. Марасинова: Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966.
- ¹⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 78, 347.
- ²⁰ *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* Именные владычные печати Пскова // Археология и история... Вып. 3. С. 13.
- ²¹ Консультация М. А. Добровольской (гос. Эрмитаж).
- ²² *Шорин П. А.* Монетные клады...

В. И. САРИАНИДИ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК МАРГИАНЫ

Древние памятники юго-восточного Туркменистана, в частности Маргианы, стали изучаться уже с начала века и были продолжены в послевоенные годы¹, но особенно широкий размах археологических работ начинается с 1972 г., когда здесь развертывает свои планомерные исследования Маргианская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР. В результате проведенных работ было установлено, что здесь в глубине юго-восточных Каракумов во II тысячелетии до н. э. находилась ранее почти неизвестная страна, предположительно страна Маргуш бехистунской надписи. Здесь в бассейне древней реки Мургаб на площади свыше 3000 кв. км располагались десятки древнеземледельческих поселений, группировавшихся в отдельные ирригационные оазисы. В настоящее время зарегистрировано свыше 150 памятников, составлявших несколько оазисов, таких, как келлелийский, аучинский, аджикуинский, адамбасанский, гонурский, таипский, тоголокский, тахирбайский. Большинство памятников вытянуты цепочками по линии север—юг, возможно, располагаясь вдоль водотоков древнего дельтового веера р. Мургаб, русло которой имело общее северное направление.

Далеко не все поселения и даже оазисы существовали одновременно, выделено три этапа их существования. Наиболее ранний этап фиксируют памятники оазисов каллелийского и таипского оазисов, расположенных на наиболее северной окраине, где затухающие протоки дельтового веера р. Мургаб наносили массу плодородного ила, а забор воды на поля не требовал сложных ирригационных сооружений, что предоставляло оптимальные условия для ведения земледельческого хозяйства.

Динамика жизни этой страны увязывалась с естественным изменением водного баланса р. Мургаб и в первую очередь с ее постоянной миграцией с востока на запад. Как и все долинныи реки Средней Азии, и

здесь воды Мургаба постоянно подмывали свой левый берег, что влекло к перемещению русла и соответственно дельты реки. На северной окраине бывшей дельты располагаются наиболее древние памятники эпохи бронзы, на крайнем юге высятся остатки парфянских замков античного периода, а между ними — поселения ахеменидского времени. В системе памятников эпохи бронзы выделяется ранняя (келлелийская), средняя (гонурская) и поздняя (тоголокская) стадии. Наиболее южные — тоголоксский и тахирбайский оазисы по существу относятся уже к раннежелезному веку, причем часть поселений на своих южных окраинах содержит уже материал раннеахеменидского периода.

Маргиана II тысячелетия до н. э. вырисовывается как процветающая равнинная страна, изобиловавшая водой, с богатой растительностью, состоящей из тополя, ясеня, вяза и других, и с плодородными такыровидными почвами.

В настоящее время большая часть памятников находится в зоне интенсивного освоения целинных земель колхозов и совхозов Каракумского района Марыйской области Туркменской ССР. В результате освоения новых земель безвозвратно погибли и оказались полностью или частично запаханными десятки древних поселений и только энергичное вмешательство приостановило их дальнейшее уничтожение. Хотя и в меньшей степени, но оказались разрушенными и памятники от Шатлыка до Хивы, особенно сильно пострадали такие памятники, как Уч-депе и поселения келлелийской группы². Несмотря на это, итоги деятельности изучения Маргианы дают возможность в общих чертах воссоздать облик и культуру этой древней страны.

Типы поселений. Традиционные памятники II тысячелетия до н. э. можно подразделить на крупные, средние и мелкие. К крупным могут быть отнесены поселения площадью свыше 10 га, а высотой не менее 3—4 м. Таких памятников пока известно лишь единицы, как например Гонур 1, Таип 1 и Тоголок 1. Наиболее крупным является Гонур 1 площадью свыше 50 га, который, скорее всего, являлся столичным центром всей древней страны. К средним памятникам относятся поселения площадью от 5 до 10 га и высотой до 2 м, как, например, Келлели 1, Адам Бассан 4. Наконец, поселения площадью до 5 га и высотой до 1 м представляют наиболее распространенный тип, составляющий едва ли не 70—80% от всех учтенных памятников. Общий тип памятника, вытянутого по горизонтали на многие десятки и даже сотни метров, резко контрастирует с привычными многометровыми высокими холмами южного Туркменистана, что, видимо, связано с тем, что в первом случае они располагаются в дельтовой части, с блуждающими протоками, в то время как в подгорной полосе поселения в массе своей базируются на постоянных речках с выработанными руслами, тысячелетиями, не менявшими основного направления. Сходные с Маргианой типы поселений распространены были в это время в Бактрии, где они преимущественно базировались на дельтовых веерах равнинных рек. Особый тип составляют единичные поселения с культурным слоем, не превышающим 0,5 м, но вытянутые по горизонтали на несколько километров.

Все поселения Маргианы распределяются по двум основным типам. Первый и наиболее распространенный представляет собой разных размеров, аморфной конфигурации неукрепленные поселения. Второй тип — это такие же неукрепленные поселения, но рядом с которыми всегда располагаются крепости с мощными обводными стенами и оборонительными, преимущественно круглыми башнями; отмечены крепости с квадратными башнями и въездами по середине каждой стороны. Аналогичные типы поселений существовали в Бактрии.

Рядовая архитектура. Планировка жилых домов на поселениях первого типа остается не совсем ясной. Можно предполагать, что застройка подобных неукрепленных поселений состояла из многокомнатных домов, разделенных неширокими улочками, как это, например, установлено для поселения Тахирбай 3. Крупные неукрепленные поселения имели в се-

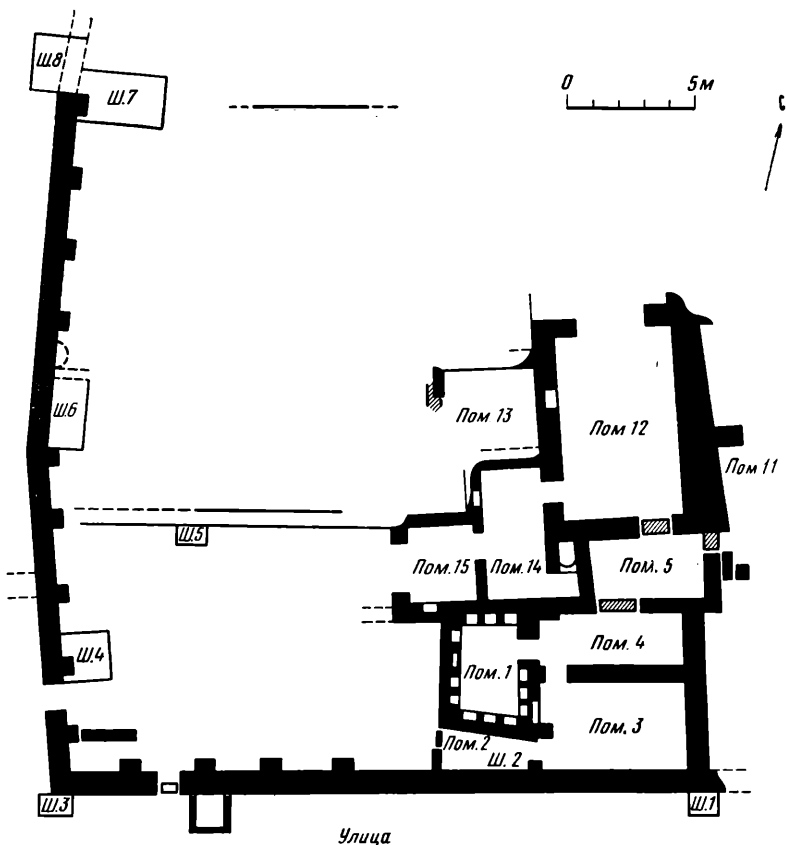

Рис. 1. Поселение Аджа-Куи 8. План раскопанного участка

редине отдельный огороженный участок, своеобразный кремль подквадратной конфигурации, обнесенный мощными обводными стенами. Часть такого сооружения вскрыта в центре поселения Аджи Куи 8, от которого были раскопаны две обводные стены (южная и западная) метровой толщины, образующие вместе прямой угол. С внутренней стороны обводные стены сохранили большое количество пилястр, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. Внутри частично раскопана серия взаимосвязанных помещений, среди которых выделяется комната 1 с тремя внутрисконными нишами вдоль каждой стены и камином в середине западной стенки (рис. 1). Остальная часть бывшего комплекса расчищена частично и пока еще трудно судить о назначении всего этого сооружения. Отметим лишь, что все помещения в противоположность бытовым не имели обычных культурных слоев, а оказались засыпанными чистым надувным песком от самого пола до дневной поверхности, где местами сохранились обломки кирпичей от рухнувших стен и кровли. Столь необычное заполнение можно было бы считать случайностью, если бы аналогичная картина не была отмечена для кремля поселения Гунур 1 с явно монументальной архитектурой внутри.

Раскопки крепости Аучин 1 и других показали, что, как правило, крепости состоят из серии узких, вытянутых коридорообразных помещений, расположенных изнутри вдоль всех четырех стен, к которым, в свою очередь, пристроены комнаты хозяйственного и жилого назначения, группирующиеся вокруг внутреннего двора. Налицо выработанный тип жилой архитектуры, характерный для бактрийско-маргианского региона, в виде почти квадратных крепостей с башнями (иногда без них) с внутренним незастроенным двором, вокруг которого группируются жилые

и хозяйственные помещения. Аналогичная планировка отмечена и для крепостей с глухими обводными стенами без башен, как, например, на Келлели 1 и 4. Это крупные квадратные здания с обводными стенами, состоящими из вытянутых коридорообразных помещений и примыкающих жилых и хозяйственных комнат, группирующихся вокруг внутреннего двора³. Близкую планировку демонстрируют крепости Бактрии — Дашлы 1 и Сапалли.

Монументальная архитектура пока с бесспорностью выявлена лишь на поселении Гонур 1, где, подобно Аджи Куи 8, в центре неукрепленного поселения расположен почти квадратной конфигурации кремль, обнесенный мощными оборонительными стенами с прямоугольными башнями по углам. Обводные стены украшены изнутри пристенными квадратными пилястрами, расположенными на равном расстоянии друг от друга. Вскрыта пока еще незначительная часть комплекса, но можно утверждать, что здесь располагалась бесспорно монументальная архитектура культового или светского назначения, состоявшая из обширных парадных залов и обводных коридоров, составлявших вместе единую планировку. Основные помещения не сохранили никаких культурных остатков, а оказались засыпанными чистым надувным песком, как на Аджи Куи 8, а предполагаемые монументальные комплексы стоят либо на тонких культурных прослойках, либо на материке. Кремль на Гонур 1 был изолирован обширными пустыми площадями от близлежащей остальной, рядовой архитектуры.

Особое значение имеет памятник Тоголок 21, относящийся к рубежу II—I тысячелетий до н. э. Разведочные раскопки обнаружили здесь бесспорно монументальную, скорее всего культовую, архитектуру, состоящую из центрального комплекса и окружающих его сооружений.

Практически на всех без исключения памятниках на окраинах поселений имеются гончарные горны, часто расположенные по несколько штук в одном месте, образуя своеобразные кварталы гончаров. Наиболее ранние горны, преимущественно прямоугольные, относятся к типу двухъярусных, когда топка вырыта в земле и облицована изнутри кирпичами. Над ней располагается обжигательная камера, под которой имеет жаропроводные продухи. Под опирается либо на столб, либо на опорную стенку. На позднем тоголокском этапе наблюдался явный прогресс в гончарном деле, когда под уже держится не на опорной стенке, а представляет собой ложносводчатое перекрытие. Для этого на боковые стенки топки наклонно друг к другу ставились кирпичи, а между ними закреплялся «замковый» кирпич, что позволяло отказаться от устройства опорных стенок и тем самым максимально загружать топку дровами. Кстати отметим, что подобного типа гончарные печи без опорных стенок внутри топки являются пока одним из главных признаков наступления раннежелезного века Маргианы. Такого типа горны затем устойчиво продолжают на памятниках ахеменидского времени.

Оставляя в стороне вопрос о лепной, расписной керамике раннежелезного века типа Яз 1, занимающей незначительное место в развитии маргианского керамического производства, обратимся к керамическому комплексу эпохи поздней бронзы. Вся эта керамика подразделяется на гончарную и лепную. Гончарная керамика по преимуществу светлофонная, глина хорошего качества, кремовато-розоватого цвета, изредка имеется примесь песка. Наиболее распространенные формы — вазы на высоких ножках, вазы простые, воронкообразные сосуды, кубки, миски, крупные сосуды представлены хумами-пифосами и их разновидностями. Сделана попытка выделить керамический комплекс келлелийских поселений, как наиболее ранний (типа Намазга V) в системе всей Маргианы⁴, однако приведенные доказательства пока еще недостаточны и требуют дальнейшего подтверждения на новом материале, так как многие формы имеются и на таких памятниках, как Гонур 1. Возможно, некоторую помощь в установлении хронологической последовательности окажут специфические сосуды, венчики которых соединены с носиком спе-

циальным «мостиком» — прием, характерный для керамики Ирана периода раннежелезный век II. Единичные экземпляры таких сосудов отмечены на памятниках аучинского оазиса, несколько больше их встречено на памятниках гонурского оазиса и особенно на тоголокских памятниках. Как правило, керамика Маргианы ничем не украшена, если не считать редкие зигзагообразные полосы или ряды треугольников, нацарапанных на плечиках сосудов. Вместе с тем имеется один мотив, хотя и редкий, но практически единственный композиционный, устойчиво повторяющийся на разных памятниках Маргианы. Это изображение дерева и стоящего около него козла; иногда такие изображения просто нацарапаны, в других случаях дерево нацарапано, а козел выполнен рельефным налепом. В единичных образцах представлены сосуды, носики которых оформлены в виде рогатой головы быка — декоративный прием, хорошо представленный в керамике Ирана.

Следует отметить редкую практику сплошной окраски сосудов красным, чаще всего красным ангобом, а также чрезвычайно редкое изготовление сосудов с ручками.

Лепная посуда, помимо обычной кухонной (котлы, хумчи, сковороды и т. д.), представлена особой и вместе с тем многочисленной подгруппой. Это миски, чашки, высокие горшковидные сосуды со слегка сужающимся горлом и отогнутым венчиком. Глина содержит большую примесь мелкотолченой керамики, поверхность их нередко покрыта неровными пятнами от обжига. Посуда этого типа пока не отмечена в келлейском оазисе, но зато имеется на восточномаргианских памятниках, начиная с аучинского и до гонурского оазисов. Имеется она и в Бактрии на памятниках эпохи поздней бронзы. Наряду с посудой местного изготовления следует отметить предположительно импортные, как например, чернолощенный графин с Гонур 1, находящийся самые прямые аналогии в керамике северо-восточного Ирана (рис. 2, а). Наиболее позднюю керамику демонстрируют памятники тоголокского оазиса, где уже появляются формы, приближающиеся к цилиндро-коническим банкам. Наряде поселений Маргианы встречены единичные фрагменты лепной керамики, более характерной для степных культур андроновского типа и попавших на земледельческие поселения в порядке взаимного обмена со степняками. Практически аналогичный керамический комплекс был распространен в это же время в Бактрии.

Каменные сосуды представлены фрагментами от миниатюрных изделий, выточенных преимущественно из светлого мраморовидного алебаstra. Один совершенно целый выточен в виде миниатюрной вазы с непропорционально маленьким резервуаром, но на высокой ножке; точно такие же каменные вазы известны в Бактрии и Шахдаде (Иран). Они имели особое, явно не бытовое назначение. К этой же группе изделий принадлежат сосуды, изготовленные из мягкого, черного стеатита. Как правило, это небольшие, средних размеров полусферической формы чаши или мелкие миски с уплощенным отогнутым наружу венчиком. Отдельные образцы украшены рельефными кольцевыми полосами под венчиком, наиболее парадные — резным зубчатым орнаментом, и тогда они чрезвычайно близко напоминают аналогичные сосуды из Тепе Яхья в южном Иране. Особую категорию составляют миниатюрные стеатитовые сосуды в виде почки, возможно, культовые, прямые аналогии которым имеются в Бактрии. Биконические пряслица с кружковым орнаментом и «миниатюрные колонки» составляют характерную черту материальной культуры Маргианы и Бактрии.

Хотя медно-бронзовые изделия уже широко вошли в быт маргианцев, в достаточно большом количестве использовались еще кремневые наконечники стрел, всегда изготовленные в лучших традициях кремневой техники, с двусторонней обработкой мелкой, нередко струйчатой ретушью. В основном они имеют лавролистную, реже — подтреугольную форму. Из разных пород камня, и в том числе из лазурита, бирюзы, сердолика изготавливались бусы и пронизи.

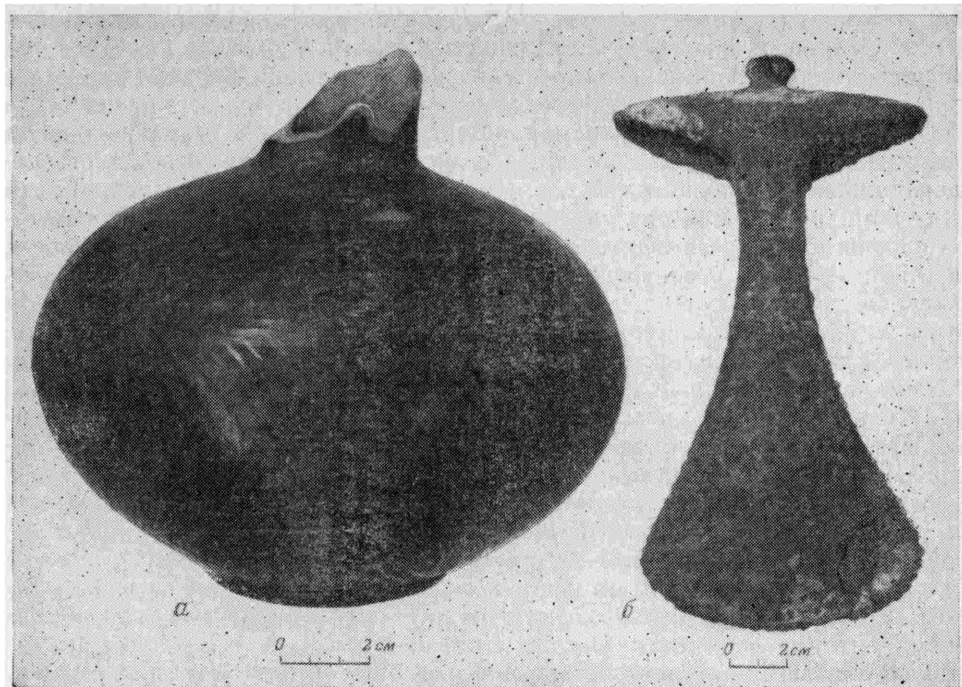

Рис. 2. Сосуд и церемониальный топор

а — Гонур-депе; б — Тоголок 21

Ритуальные сосуды составляют характерную особенность бактрийско-маргианского археологического комплекса. Такой довольно крупный гончарный сосуд с поселения Тоголок 1 имеет на бортике небольшие скульптурные фигурки птиц, людей и животных, к которым снизу от дна сосуда тянутся извивающиеся змеи. Среди скульптурных фигурок четко определяются козлы, бараны, горбатые быки, двугорбые верблюды, предположительно кабаны; человеческие фигурки всегда показаны в противоположной позиции. Помимо змей, на внутренних стенках имеются налепные фигурки лягушек, ранее неправильно определяемые как тюлени⁵. Осталось добавить, что внутри сосуда с Тоголок 1 находилось еще пять маленьких сосудов, а все вместе они могли использоваться при культовых церемониях, связанных с возлияниями напитков типа хаомы.

Терракотовая пластика представлена на маргианских памятниках крайне неравномерно. Так, антропоморфные статуэтки точно того же типа, что и южнотуркменистанские периода Намазга V, широко распространены на одних оазисах, но зато полностью отсутствуют в других, как, например, аучинском и тахирбайском. Если учесть, что антропоморфная пластика практически полностью отсутствует в Бактрии и южной Туркмении периода Намазга VI, то станет очевидным, что за этим документально установленным фактом кроются реальные исторические события, связанные с заселением бассейна Мургаба, хотя и родственными, но имеющими разное происхождение племенами. Отсутствие антропоморфных статуэток связано с конкретным характером культовой обрядности. Аналогичная картина наблюдается в Бактрии, что демонстрирует сходные, если не идентичные культово-религиозные воззрения, в которых основное место занимают не антропоморфные божки, а культовые сосуды со скульптурными процессиями по бортику. И, наоборот, обитатели таких оазисов, как келеллийский или таипский той же Маргианы продолжали использовать в культовой обрядности антропоморфные божества, тысячелетние традиции чего уходят корнями в древнюю историю местных южнотуркменистанских племен. Не исключено, что вначале эти два обряда сосуществовали друг с другом, а затем на следующем этапе

происходит их смешение, свидетельством чего являются многочисленные памятники Маргианы, на которых одновременно имеются как антропоморфные статуэтки, так и упомянутые культовые сосуды.

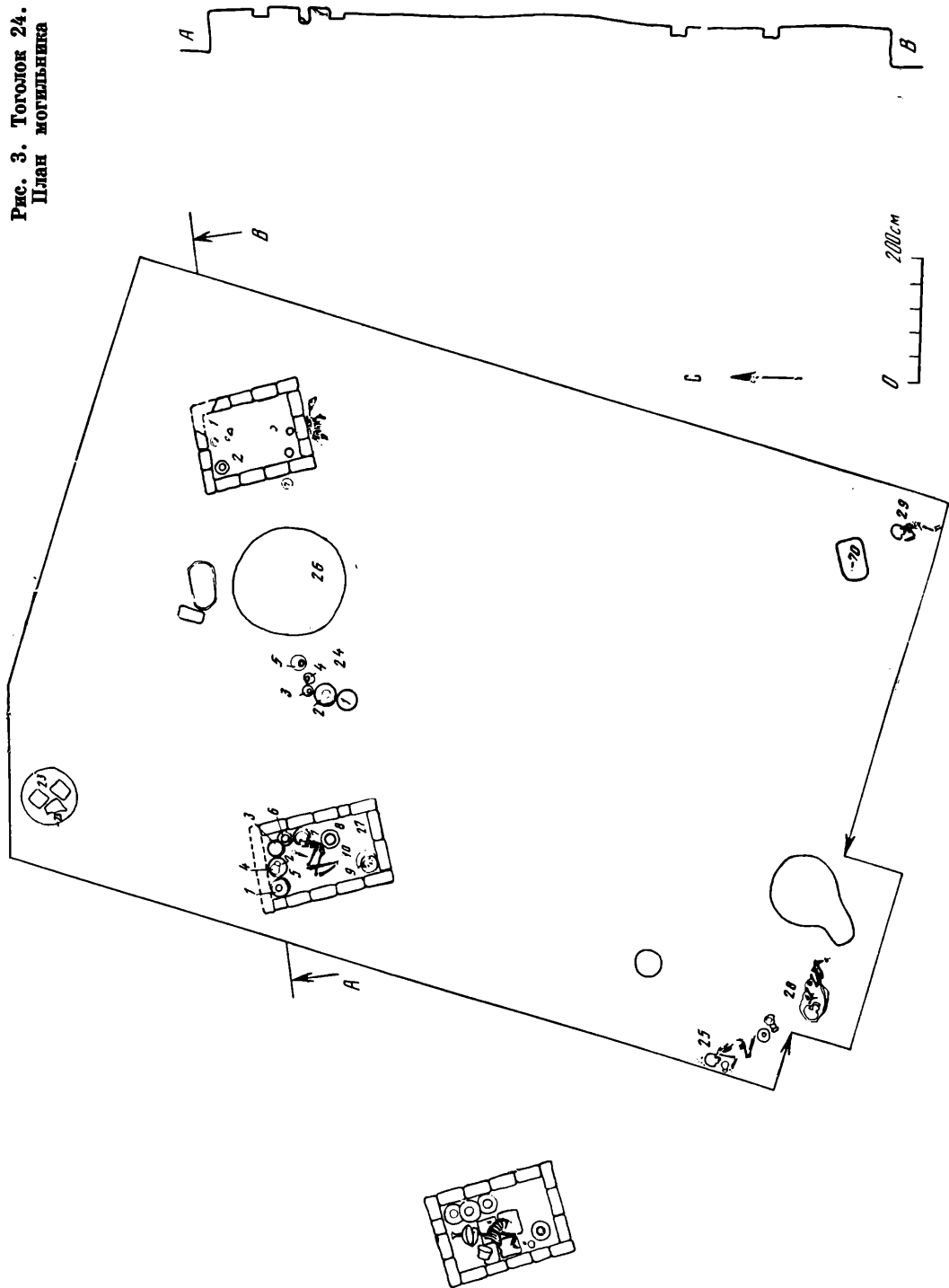
В то же время существовали и зооморфные статуэтки то в виде спокойно отдыхающего барана, то в виде ревущего зверя с широко разинутой пастью; отсутствие следов прикрепления к бортикам культовых сосудов заставляет допустить их иное назначение.

Металлические изделия представлены оружием, орудиями труда и украшениями. Следует отметить обоюдоострые ножи или кинжалы, а также предположительно наконечники копий и дротиков. Особое значение имеет явно церемониальный топор (рис. 2, б). К орудиям труда относятся бронзовые шилья, пробойник, массивное долото, стамеска. Украшения представлены булавками с биспиральными, полусферическими, биконическими, круглыми навершиями. Отдельные булавки имеют фигурные навершия в виде многолепестковых розеток или квадратных, но также орнаментированных внутри. Следует отметить миниатюрные косметические флаконы, зеркала, в том числе с боковой ручкой, витые с несомкнутыми концами браслеты и такие же, но гладкие серьги, находящие наиболее прямые соответствия в материалах Бактрии.

Сфрагистика Маргианы представлена по преимуществу медными, так называемыми перегородчатыми, печатями с узором на лицевой стороне и петелькой-ушком с оборотной. В отдельных случаях это сквозные, ажурные печати. Орнаменты перегородчатых печатей в массе имеют геометрические узоры, реже — зооморфные. Среди редких типов следует отметить печать с Келлели 1 в виде вихревой розетки, составленной из трех птичьих головок, композиционный прием, широко практиковавшийся в сфрагистике Дильмуна⁶. Столь же показательны две печати, происходящие из тоголокского оазиса с изображением солярного знака, стилистически ближе всего напоминающие аналогичные узоры хараппской цивилизации. Наконец, известны фигурные печати, отлитые в виде хищных животных (предположительно кошачьей породы), а также зайца или антилопы. В своей массе перегородчатые печати Маргианы ближе всего перекликаются с местными южнотуркменистанскими периодов Намзага V—VI и Бактрии.

Каменные печати-амулеты так называемого мургабского стиля представляют особое явление в системе Передней Азии; помимо Маргианы, также широко были представлены еще только в Бактрии и практически неизвестны в Южном Туркменистане. Большая часть их изготовлена из темного стеатита, квадратной, прямоугольной или ромбической формы с двусторонними гравированными изображениями и сквозным отверстием для продевания шнура. Репертуар изображений достаточно разнообразен, сложен композиционно и включает изображения орлов в геральдической позе, которым на обороте соответствуют взаимопожирающие друг друга драконы, изображения героя с поверженными животными, антилопу или быка, которых атакуют сверху драконы, крылатых львов, под животами которых извиваются змеи, и т. д. Высказано предположение, что такие композиционные изображения являются своего рода «цитами» или «конспектами» мифов, некогда широко распространенных у местных племен. Внутри этой основной генеральной идеи прослеживается устойчивая тема, графически выраженная рисунками змей, тянущихся к задним ногам животных. Налицо «образная мифология», связанная с похищением «живительного семени», устойчиво повторяющаяся на многих каменных амулетах Бактрии и Маргианы. Хотя и много меньше, но распространены были в Маргиане цилиндры-печати месопотамского типа, а также оттиски-прокатки с них на керамике. Они имеют явно повествовательное значение, отражая в конечном счете наиболее яркие и драматические эпизоды местной мифологии. Все сказанное в одинаковой степени приложимо и к глиптике Бактрии, документально свидетельствуя о единых мифологических воззрениях, распространенных во II тысячелетии до н. э. в этой части древневосточного мира. Более ши-

Рис. 3. Тоголок 24.
План могильника

роко распространены были небольшие круглые амулеты со сквозными отверстиями и двусторонними простыми рисунками в виде дерева, вихревой розетки, «якоря», прямо аналогичные таким же из Бактрии.

Погребальные обряды Маргианы характеризуются тремя основными типами: захоронение людей в скорченном положении на боку, преимущественно головой на север, детские погребения в сосудах или прикрытые сверху обломками сосудов, фракционные или частичные захоронения и кенотафы; в единичных случаях отмечены погребения баранов. Хотя известны погребения умерших в руинах, заброшенных поселений, основные могильники устраивались вне поселков, но рядом с ними. Один такой могильник обнаружен в тоголокском оазисе, за пределами поселка в материковом аллювиальном песке (рис. 3). Отмечены простые могильные ямы, подбойные могилы с входами, закрытыми кирпичами, и прямоугольной формы камеры, устроенные из обычного сырцового кирпича. Косвенные данные дают право предполагать, что, по крайней мере, сначала камеры были пустыми. Все известные погребения — индивидуальные или двойные. Погребальные приношения включают большое количество керамических сосудов, в меньшей степени — оружие и украшения (бусы, браслеты, зеркала, серьги, косметические флаконы, булавки, каменные амулеты). Особый интерес представляют захоронения баранов, которые имеют правильное анатомическое положение, на боку, головой на север, в окружении погребальных сосудов. Пока еще трудно судить о конкретном характере подобных захоронений, отметим лишь, что точно такие же ритуалы существовали в Бактрии.

Подводя итоги предварительных результатов исследования Маргианы эпохи бронзы, следует отметить, что это была многолюдная, процветающая страна с высокоразвитой древнеземледельческой культурой и социальной структурой. Учитывая сложный технологический уровень гончарного производства и металлообработки, можно с определенной степенью уверенности предполагать, что ремесло уже выделилось в особую отрасль древнего хозяйства. О далеко зашедшем уровне социального развития свидетельствуют укрепленные крепости — место обитания выделившихся семей и целых кланов. Вместе с тем, пока нет никаких оснований предполагать существование здесь государственности. Маргиана эпохи бронзы выступает как автономный регион, состоявший из нескольких ирригационных оазисов, как федерация племен со столицей на Гонур 1, где мог находиться административный центр этой древней страны. Огромные, вытянувшиеся на многие сотни метров, но неукрепленные поселения с кремлем в центре, внутри которого располагаются явно монументальные здания, указывают на сложение городских организмов, но вряд ли еще могут быть названы подлинными городами.

¹ *Huntington E.* Description of the Kurgans of the Merv Oasis // *Pumpelly R.* Explorations in Turkestan. Wash. 1908. Vol. 1; *Букинич Д. Д.* История первобытного орошаемого земледелия Закаспийской области // Хлопковое дело. Ташкент. 1924. № 5; *Ершов С. А.* Археология в Туркменской ССР за 20 лет // Изв. Туркменского филиала АН СССР. Ашхабад, 1944. № 2—3; *Вязигин С. А.* Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы // ТЮТАКЭ. Ашхабад. 1949. Т. 1; *Массон М. Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. // ТЮТАКЭ. Ашхабад. 1955. Т. V; *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. № 73. Определение углей с поселения Гонур 1 проведено Г. Н. Лисицной.

² *Сарианиди В. И.* Древности низовий

Мургаба // АО 1972 г. М. 1973; *Он же.* Новые открытия в низовьях Мургаба // АО 1974 г. М., 1975; *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. 1979. № 1; *The Bronze Age Civilization of Central Asia*, ed. Ph. Kohl. N. Y., 1981.

³ *Масимов И. С.* Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Археология Средней Азии и Ближнего Востока: (Тезисы). Ташкент, 1983.

⁴ *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. 1979. № 1.

⁵ *Сарианиди В. И.* Культовый сосуд из Маргианы // СА. 1980. № 1.

⁶ *Kjaergum P.* Failaka-Dilmun. The Second Millennium Settlements, Stamp Seal and Cylinder Seals. Moesgard, 1983. Vol. 1.

ПУБЛИКАЦИИ

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ, С. Б. ГУЛЬТОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ
В 1982—1984 ГГ.

Сибирская экспедиция ЛОИА АН СССР с 1977 г. проводит раскопки в Шарыповском районе Красноярского края, западной части Назаровской котловины. Общая характеристика региона следующая: рельеф — слабовсхолмленный, прорезанный сетью мелких ручьев и речек — приток в р. Урюп (бассейн р. Чулым); ландшафт — лесостепной¹. Краткие основные итоги работ экспедиции за 1977—1981 гг. опубликованы². В настоящем сообщении речь пойдет о работах, проведенных в 1982—1983 гг. на пяти объектах.

Березовый ручей 1. Стоянка эпохи верхнего палеолита. Расположена на мысу между поймами р. Береш и ручья Березовый. Раскопки начаты в 1981 г. А. Н. Мелентьевым³ и завершены в 1982 г. Н. Ф. Лисицыным⁴.

Синючиха. Могильник эпохи бронзы, находящийся к югу от д. Береш, на правом берегу одноименной речки, в урочище Синючиха. Здесь при строительных работах обнаружена могила в виде прямоугольного ящика из песчаниковых плит. В нем — кости трех погребенных (двух взрослых и ребенка) и орнаментированный сосуд баночной формы. Под головы погребенных положен камень. При вскрытии до материка большой площади в 150 м к востоку-юго-востоку от первого найден еще один каменный ящик, содержащий остатки скелета взрослого человека. Позднее внутри этого ящика впущен другой — меньшего размера, в котором похоронен ребенок. В головной части этих могил также имелись камни-подушки. Рядом в небольшом углублении обнаружено 18 астрагалов косули. Конструкция могил и орнаментация сосуда позволяют отнести могильник к окуневской культуре. Согласно предварительным антропологическим определениям, сделанным М. П. Грязновым, физический тип погребенных более близок афанасьевскому, чем окуневскому.

Ашпыл. Курганный могильник, относящийся к тагарской культуре, расположен к юго-западу от оз. Ашпыл. Работы на памятнике производились в течение 5 лет. Предварительные выводы, касающиеся общей характеристики и возможной датировки могильника по материалам 1979—1981 гг., опубликованы⁵. В 1982—1983 гг. раскопки могильника полностью завершены. Исследовано 8 курганов*, под насыпями которых вскрыто 24 основные могилы, содержавшие коллективные погребения, и 23 — с отдельными детскими захоронениями. Надмогильные сооружения, условно называемые насыпями, невысоки — до 1,0 м; чаще овальные, вытянутой с севера на юг формы. В основании всех насыпей встречены остатки оград из небольших плит, вкопанных на ребро в слой древней погребенной почвы. Угловые и простеночные камни углублены в материк до 0,5 м; они более массивны, установлены либо вертикально, либо перпендикулярно стенкам ограды. Под одной из насыпей встречена «ограда»

* Три кургана раскопаны группой челябинских археологов под руководством Г. Б. Здановича.

только из четырех таких угловых камней. Стратиграфически прослеживается последовательность пристройки оград одна к другой, иногда спустя некоторое время. Ориентация таких «цепочек» оград с севера на юг, количество пристроек к ранней ограде до 3 (как правило, первая — к югу), общее количество коллективных могил — до 5. Отмечено возведение ограды сразу для двух и даже трех могил. Размеры оград с одной могильной ямой в центре от 7×7 до 13×13 м, ограды с двумя и более могилами при той же ширине в 7—12 м достигают длины в 32 м. Размеры могильных ям от $2,6 \times 2,7$ до $4,6 \times 4,4$ м, глубина достигает 1,5 м*. Во всех могилах на дне поставлен сруб обычно в 2—3 венца, но иногда высотой до 6—8 венцов, размером несколько меньше самой ямы. На уровне древней погребенной почвы могилы перекрывались бревенчатым накатом, реже — двумя, поверх которого встречается каменное покрытие из черепицеобразно уложенных плит. Количество погребенных, по-видимому, в какой-то мере зависит от размеров могильной ямы и колеблется от 4 до 26 человек, в некоторых могилах погребенные были уложены в два слоя друг на друга. В одной из могил, в срубе размером $3 \times 2,55$ м было похоронено лишь 2 человека, но здесь есть некоторые данные, позволяющие предполагать особый социальный статус погребенных. Детские могилы двух типов: каменные ящики и грунтовые ямы — и те и другие перекрыты 1—2 каменными плитами, размеры их в среднем $0,5 \times 1$ м; глубина до 0,3 м, зачастую они прорезают материковые выкиды из коллективных могил.

подавляющее большинство могил ограблено. Лишь в некоторых встречаются отдельные непо потревоженные кости или скелеты, поэтому особый интерес представляет ранняя могила 3 кургана 8 (рис. 1), оказавшаяся непо потревоженной. Могила 3 подквадратной формы $2,6 \times 2,75$ м, глубиной 1,3 м была перекрыта накатом из бревен, уложенных в направлении север—юг. На дне могилы поставлен сруб из досок в 2—3 венца размером $1,9 \times 2,2$ м. В нем похоронены 4 человека, трое из которых были положены вытянуто на спине головой на запад, четвертый, погребенный последним, — в ногах у предыдущих, головой на юг с согнутыми руками и подогнутой под себя правой ногой. Кости левой ноги у этого скелета ниже колена отсутствуют, позвоночный столб неестественно изогнут; в области грудной клетки найдены 4 костяных наконечника стрел, направленных остриями в разные стороны, возможно, застрявших в мягких тканях погребенного. В могиле поставлено 7 сосудов, шесть в юго-западном углу у южной стенки срга и один в центре западной; у восточной найдены кости не менее 4 животных — остатки заупокойной пищи. На черепах погребенных (скелеты 1—3) сохранились бронзовые полусферические бляшки (6—10 штук) — украшения головного убора. У погребенного, положенного вдоль северной стенки сруба (скелет 1), справа находились бронзовые чекан и вток на одной рукоятки, слева — бронзовое зеркало и нож (рис. 2). Под берестяным кружком у головы центрального погребенного (скелет 2) обнаружены бронзовые нож, шило и игла. Низки бус, украшавшие одежду покойника, найдены на правом плече, запястье и у пояса. Одежда погребенного, лежащего вдоль южной стенки сруба, также была украшена бусами из бронзы, стекла и халькозина. Справа от него под развалом сосуда находились бронзовые нож и шило, слева — бронзовый безушковый кельт. Четвертому погребенному положен только бронзовый нож. Весь комплекс вещей — дугообушковыи ножи, чекан уменьшенных размеров, безушковый кельт, набор бус — не позволяет отнести могилу ранее чем к IV в. до н. э. В пределах этого столетия, по-видимому, датируются и все погребения кургана 8, т. е. относятся к сарагашенскому этапу (рис. 3).

Как уже говорилось, могильник раскопан целиком. Исследовано 78 коллективных могил и 47 детских. Получен значительный материал: около 300 глиняных сосудов и более 1000 изделий из бронзы и кости.

* Здесь и далее глубины указываются от уровней древней погребенной почвы.

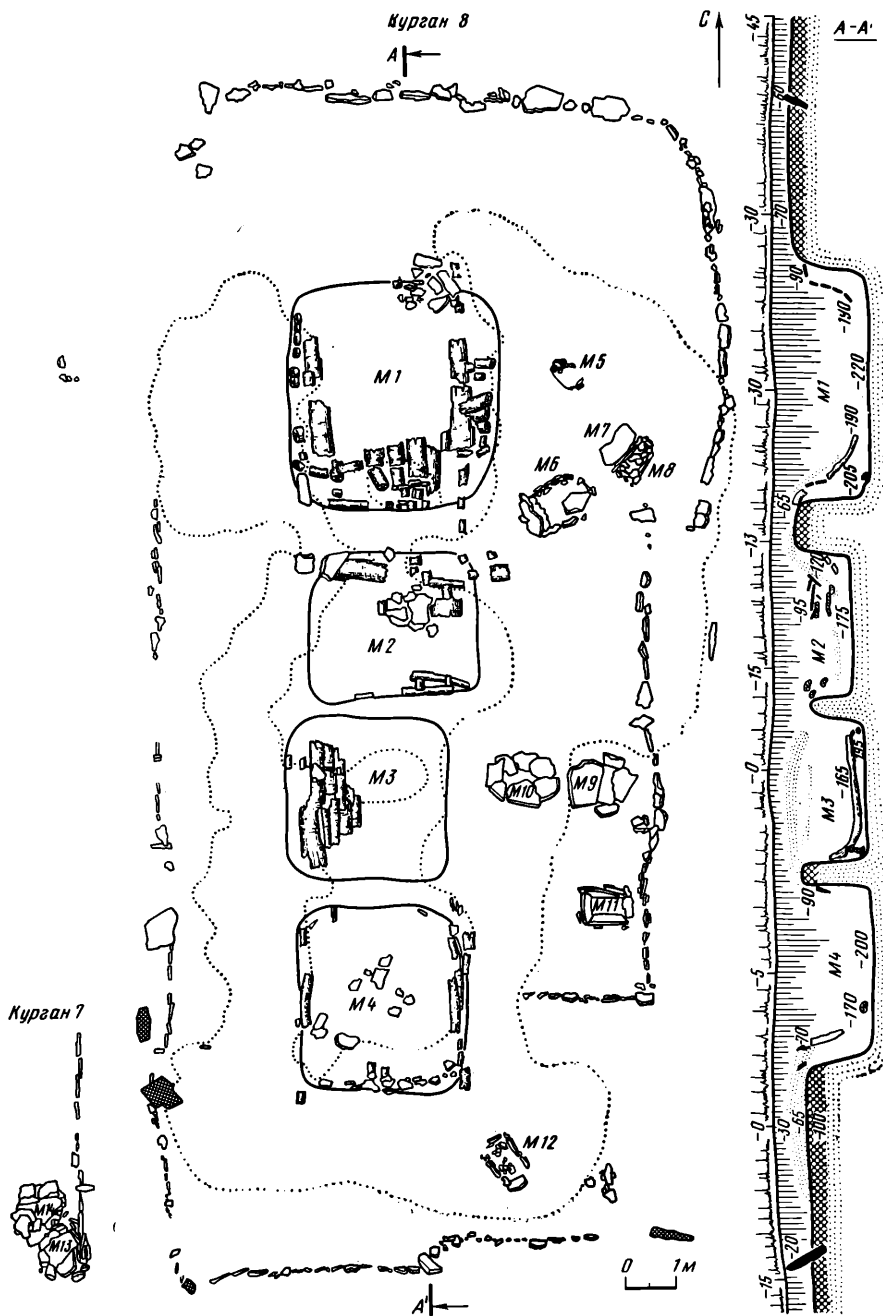

Рис. 1. Могильник Ашпыл. Курган 8. Общий план и разрез

Основную серию находок составляют разнообразные украшения (бляшки, бусы, пронизки), которыми, возможно, расшивали одежду погребенных. Найдено более 100 бронзовых ножей, в основном дугообушковых, в поздних могилах с трапециевидной ручкой. Следующую по многочисленности категорию вещей составляют костяные наконечники стрел (116), в основном черешковых. Бронзовых наконечников найдено только два. Десятками представлены чеканы, втоки, шилья, зеркала, иглы. Обращает внимание единичность находок кинжалов, кельтов, топоров, головных ножей из кости и таких украшений, как гривны, бляшки с изображением оленя, пантеры, лошади, «предметов неизвестного назначения». По инвентарю могильник можно датировать VI—III вв. до н. э., что подтвер-

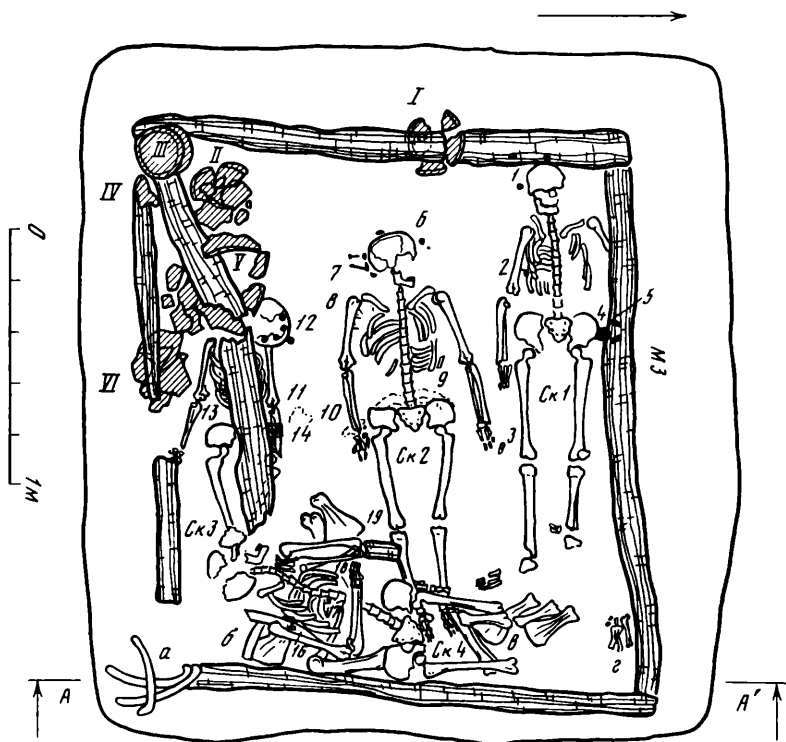

Рис. 2. Могильник Ашпыл. Кург. 8, могила 3. План погребения

ждается радиоуглеродными датами. Но следует учитывать, что наши даты пока основаны на вещественных аналогиях памятников южных районов Минусинской котловины. Между тем среди исследователей нет единого мнения относительно датировок как отдельных типов изделий, так и этапов тагарской культуры. Это естественно, поскольку большинство могильников исследовано лишь частично. Поэтому раскопки Ашпыльского могильника имеют большое значение для уточнения существующих периодизаций тагарской культуры. Здесь эволюция вещей и погребального обряда может быть проверена на основании стратиграфических и планиграфических наблюдений. Что же касается типологии самих вещей, то и в этом вопросе для могильника следует ожидать меньше случайности, чем при раскопках немногих могил огромных могильников.

Береш. Позднетагарский могильник, состоящий из нескольких групп курганов, расположенных по направлению от д. Береш в сторону д. Усть-Парная. Здесь напротив д. Береш раскопана погребальная камера в 1981 г.⁶ и большой курган в 1982 г. Раскопки последнего можно признать самыми удачными из работ экспедиции, ибо они привели к неожиданному научному открытию, вносящему существенные изменения в представление о смысле склепов с коллективными захоронениями и обряде погребения. Это открытие явилось результатом приобретенного сотрудниками экспедиции опыта исследования чрезвычайно сложных и трудоемких объектов. Курган имел насыпь диаметром 30—35 м и высотой 1,8 м. Под насыпью обнаружены две погребальные камеры, сооруженные в разное время. Более древняя площадью 25 кв. м, глубиной около 2 м содержала сруб площадью 18 кв. м из 4 венцов бревен высотой 1 м. Яма перекрыта двумя накатами лиственничных бревен и закрыта берестой. Дно выстлано берестой и досками. Могила перерыта несколькими грабительскими шурфами, кости скелетов из нее переброшены на покрытие и за его пределы, поэтому даже приблизительно не удалось установить количество погребенных. Вещей сохранилось мало и таких,

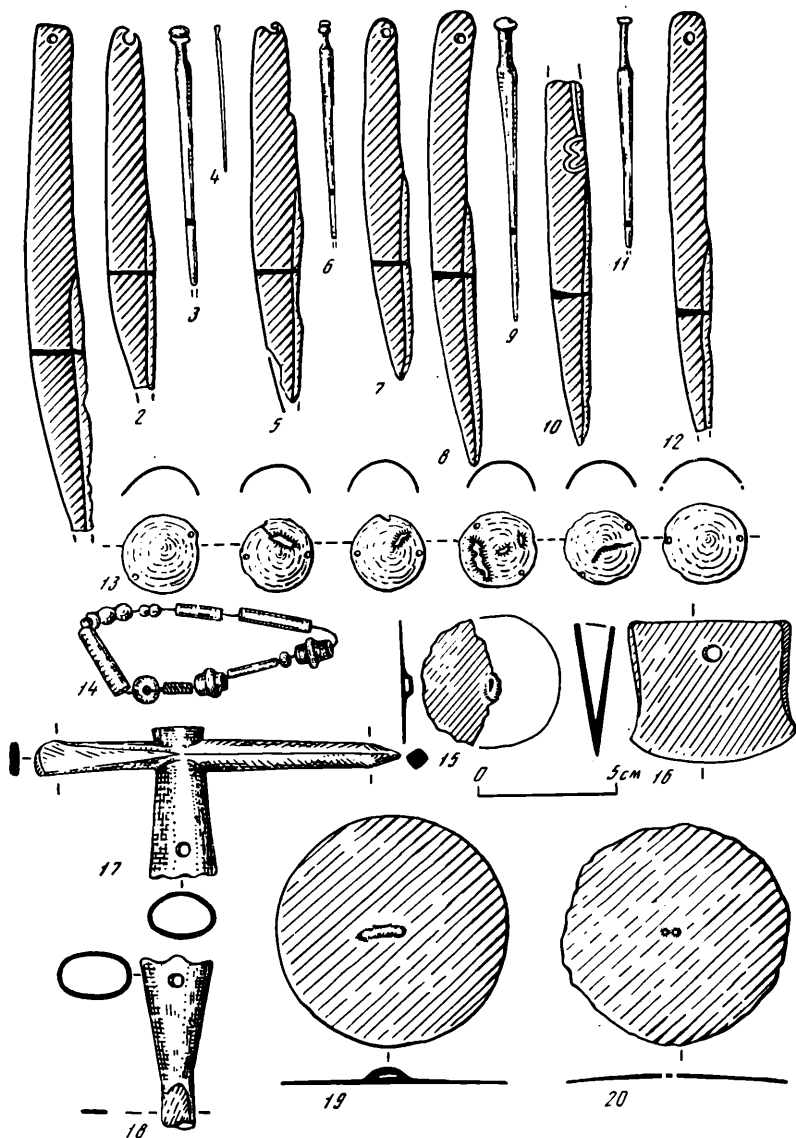

Рис. 3. Могильник Ашпыл. Кург. 7. Бронзовый инвентарь

1—7, 13, 14, 16—19 — могила 3; 8, 9, 15, 20 — могила 1; 10—12 — могила 4

по которым трудно датировать камеру. Это два бронзовых миниатюрных ножа и кинжал, плоское шило, похожее на костяные булавки из таштыкских могил, золотые бляшки с изображением кошачьего хищника, стеклянные бусины. Камера изнутри горела до ограбления и была частично перекрыта бревенчатым накатом новой могилы, выкопанной параллельно первой на расстоянии 0,5 м от нее. Ограда вокруг древней могилы была перестроена для новой. Последнее сооружение, состоящее из надземной и подземной частей камеры, а также ограда монументальные. Для подземной камеры выкопана яма площадью 28 кв. м и глубиной 2 м от поверхности. На дно уложены доски, а поверх них — береста. Стенки ямы на всю высоту обставлены тыном из толстых бревен, а вплотную к ним поставлен сруб из 4 венцов и бревен высотой около 120 см. Между двумя верхними и нижними венцами сруба вставлены доски — настил для погребенных, а сам сруб закрыт потолком из плах толщиной 10 см. Наиболее громоздкое сооружение над камерой. Для него на борта могилы положены по 5—6 бревен и на эту бревенчатую обкладку

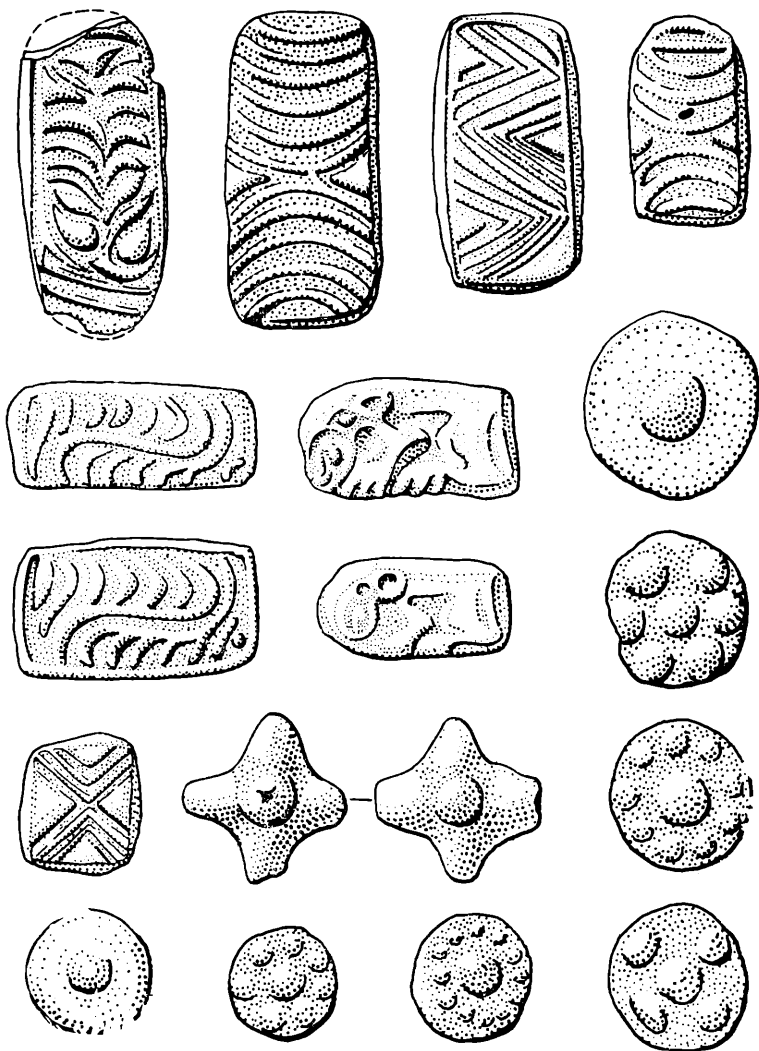

Рис. 4. Могильник Береш. Кург. 2, могила 2.
Основные типы глиняных бляшек

уложены три настила. Они разного размера, но вместе с дополнительными бревнами образуют форму усеченной пирамиды. По середине западного борта ямы сооружен наземный ход к камере в виде крытого коридора шириной 2 м, обставленного вертикальными столбиками. Бревна над могилой, а также частично глинистый выкид из ямы покрыты берестой в 6—8 слоев площадью не менее 120 кв. м. Сверху на бересту и выкид уложены брикеты дерна, а в качестве крепиды сооружена ограда, 20×28 м, первоначальной высотой не менее 1 м и шириной 1,5—2 м. Ограда сложена из плит песчаника и обставлена 12 массивными камнями. Вход в ограду в середине восточной стенки. Его образовывали 2 вертикальных камня, пространство между которыми заложено кладкой из 10 рядов плит высотой 0,7—1 м. Поскольку под нижними плитами в некоторых местах лежала глина из могильной ямы, можно считать, что сооружением ограды завершилось строительство кургана. Вероятно, последнее сопровождалось человеческими жертвоприношениями. На эту мысль наводит одиночное погребение в небольшой и мелкой ямке, 160×80×25 см, выкопанной вплотную к одному из угловых камней ограды.

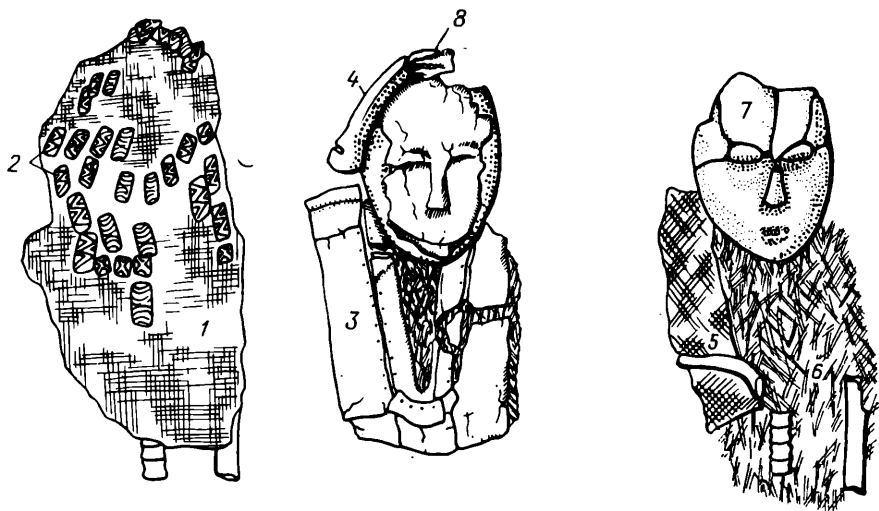

Рис. 5. Могильник Береш. Кург. 2, могила 2. Погребальная мумия

1 — «покрывало»; 2 — глиняные бляшки; 3 — кожаные маска и одежда; 4 — глиняный убор; 5 — шерстяная ткань; 6 — трава; 7 — лицо, моделированное глиной; 8 — косица

Здесь найден скелет взрослого человека в скорченном положении; позвоночник костяка неестественно изогнут, а в области живота, острием внутрь лежал железный нож. Впечатление, что похоронен заколотый человек — со сломанными шейными позвонками.

При исследовании самой камеры встретились со многими ранее неизвестными особенностями обряда. Во-первых, глиняные, берестяные и деревянные сосуды стояли не в срубе, а на его потолке. Сюда поставлено около 50 глиняных сосудов и приблизительно столько же корытцев и мисок. Судя по костям животных, в деревянные корытца положены несъедобные ритуальные части туш — головы и ноги лошадей, баранов, козленка. Во-вторых, все погребенные (не менее 62 человек) были положены в виде мумий. Одна из лучше сохранившихся дает представление о всех. Это мумия взрослого мужчины. Она была закрыта с головы до ног покрывалом из ткани грубого полотняного переплетения. К ткани густо прилеплены крупные глиняные бляшки. Они различны по форме и орнаменту, но все покрыты слюдой (рис. 4). Некоторые бляшки не прилеплялись, а крепились к ткани тонкими деревянными палочками (рис. 5, 1, 2). Под покрывалом находился скелет человека, при котором сохранились остатки одежды, глиняного головного убора и нескольких масок. Наиболее впечатляет оформление головы. Верхняя маска на лице покойника была глиняная тонкая со следами красной росписи. С двух сторон головы она закреплена дугообразными глиняными пластинами, имитирующими прическу. Внутри пластин — каркас из ребер животного, сверху пластины облицованы слюдой. К этим пластинкам как-то крепились на темени свернутая косичка, вложенная в кожаный футляр (рис. 5, 4, 8). Под глиняной маской находилась кожаная. Она спита из отдельных кусков кожи швом через край. Пришит нос, а на месте глаз — прорези, края которых подогнуты вовнутрь. Кожаная маска закрывала моделированное глиной лицо с наклепными надбровными дугами и носом (рис. 5, 7). Череп заполнен травой, а глазницы и полость рта забиты глиной. Мумия одета в четыре меховые одежды, спитые мехом наружу либо внутрь. Самой нижней была рубаха из грубой ткани, а поверх нее — из кожи (рис. 5, 5, 3), обе с треугольным вырезом на груди, края верхнего обработаны подогнутой полоской кожи. Под костями скелета и поверх них сохранились прослойки травы, толщиной 3—5 см, она же прослежена под позвоночником и ребрами (рис. 5, 6). Кроме травы, вдоль позвоночника и ног лежали не очищенные от коры прутики с просверленными отверстиями, видимо, для крепления к костям.

Верхние концы прутьев воткнуты в череп. Шейные позвонки обернуты травой и ранее обвязывались кожаными ремешками, которые отпечатались на кусках глиняной обмазки у основания черепа. Сохранившиеся мумии позволили сделать их полную реконструкцию, а также предположить те операции, которые производились с головой и телом трупа при мумифицировании.

Камера в кургане была сожжена во время похорон всех собранных в склепе покойников. Датировка погребальной камеры вызывает затруднение. Здесь преобладают железные изделия, найдены костяные накопечники стрел с расщепленным насадом, но имеются типичные бронзовые тагарские, преимущественно зеркала. Среди костяных булавок и глиняных бляшек есть аналогичные известным как в позднетагарских, так и в таштыкских памятниках. Влияние таштыкцев проявляется на некоторых сосудах с орнаментом. В целом по совокупности инвентаря камера может быть датирована приблизительно I в. н. э., тем более что одна из золотых сережек находит аналогии в могильнике Кокзэль в Туве.

Кадат. Одиночный курган, расположенный на верхней надпойменной террасе правого берега р. Кадат, недалеко от одноименной деревни. Раскопан в 1983 г. Диаметр насыпи 25 м, высота 1,5 м. Под насыпью погребальная камера площадью 22 кв. м, глубиной 1,4 м. Она состояла из сруба и тына и была покрыта двумя накатами бревен. В связи с неоднократным ограблением кости скелетов и вещи очень плохо сохранились, но здесь, как и в могильнике Береш, найдены остатки закрепленных прутьями мумий с глиняными головами. Похоронено не менее 48 человек. Камера окружена своеобразной оградкой из плит и бревен, уложенных на древней поверхности. Ширина ограды 1—1,5 м, внешние размеры — 17×16 м, внутренние — 13×11 м. Внутренняя часть ограды являлась крепидой для дернового сооружения, возведенного над покрытием ямы. Внешняя была обставлена 16 вертикальными «стелами», врытыми в материк. Пространство между двумя рядами ограды, видимо, было заполнено кусками дерна. В этом пространстве, а также в углах ограды обнаружены 9 человеческих черепов и 5 сильно скорченных скелетов. Их поза позволяет предполагать, что перед погребением они были связаны. По-видимому, это остатки человеческих жертвоприношений. Инвентарь кургана близок к обнаруженному в кургане у д. Береш, но в нем больше сосудов типично тагарских форм, а также специфических изделий, в том числе миниатюрных бронзовых кинжалов, ножей. Найдено изображение оленя, диадема, «предмет неизвестного назначения».

Памятники энеолита и ранней бронзы на Чулыме обнаруживаются с трудом, поскольку скрыты под толстым слоем чернозема. Полнота и тщательность их изучения — главная научная задача работ.

¹ Пурдик Н. Л. Вопросы ландшафтных исследований Назаровской котловины // Географические условия создания Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭКа). Иркутск, 1979. С. 44.

² Вадецкая Э. В. Первые итоги работ на КАТЭКе // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 47—56.

³ Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н. Открытие верхнего палеолита на территории КАТЭКа // Проблемы археоло-

гии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 21—23.

⁴ Подробнее о раскопках стоянки см. статью Л. Б. Вишняцкого, Г. Н. Курочкина, А. Н. Мелентьева, Н. Ф. Лисицына в настоящем сборнике.

⁵ Гультов С. Б. Некоторые вопросы внутренней хронологии могильника Ашпыл // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 58—61.

⁶ Субботин А. В. Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 64—66.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Среди большой группы археологических памятников, выявленных в Шарыповском районе Красноярского края, особый интерес вызывает первая палеолитическая стоянка в Назаровской котловине¹. Район, где открыто древнее поселение, представляет собой предгорную равнину с холмисто-увалистым рельефом. Местность имеет ярко выраженный лесостепной характер. Основой речной сети является р. Чулым, в долине которой наблюдается до четырех террас. Характерная особенность притоков — глубокий врез в коренной берег, в результате которого борта долин имеют крутые склоны².

Стоянка, получившая название Березовый ручей 1, приурочена к высокому мысу правого берега р. Берез, недалеко от ее впадения в р. Урюп. Северо-западный, западный и юго-западный склоны мыса круто обрываются в пойму, северо-восточный относительно полого спускается к ручью Березовому. Высота мыса соответствует уровню третьей террасы р. Чулым. Пойма развита.

Первые находки зафиксированы в 1979 г. при раскопках Г. Н. Курочкиным тагарского поселения, расположенного в центральной части мыса. Стационарные раскопки проведены Г. Н. Курочкиным совместно с А. Н. Мелентьевым в 1981 г.³ При исследовании памятника тагарской эпохи на площади 256 кв. м на отдельных квадратах были найдены фаунистические остатки и немногочисленные каменные изделия палеолитического времени. Два разведочных раскопа, заложенных на северной оконечности мыса на расстоянии более 50 м от тагарского поселения, выявили культурный слой палеолитической стоянки на площади 100 кв. м., но полностью исследовано было только 80 кв. м. Работы на памятнике завершены в следующем году Н. Ф. Лисицыным, Л. Б. Вишняцким при участии Г. Н. Курочкина, когда культурный слой изучался на площади 252 кв. м.

Следует отметить, что основная часть стоянки была разрушена песчано-гравийным карьером. Снятие балласта с помощью бульдозера отрицательно сказалось и на сохранившейся части древнего поселения, где культурный слой на значительной площади нарушен, а между палеолитическим и тагарским раскопами полностью уничтожен. Исследованный участок в 332 кв. м представляет собой северную периферийную зону, ограниченную крутыми склонами мыса и карьером.

Стратиграфия мыса довольно четко прослеживается в обнажении карьера. В основании лежит толща (15—20 м) слоистого мелкого песка, перекрытого галечником (6 м). На галечнике залежали покровные отложения (2 м), представленные супесями, которые по цвету и литологическому составу можно разделить на шесть слоев. Супеси перекрываются горизонтом светло-коричневого суглинка (0,3 м) и гумусом (0,3—0,4 м). Мощность покровных отложений нарастает к оконечности мыса, в противоположном направлении они резко выклиниваются, заменяясь галечником и песком, причем первый слой в районе тагарского поселения прослеживается на глубине всего 1,10 м от поверхности.

Величина культурного слоя, залегающего в светло-коричневом суглинке, не превышает 10—15 см. На некоторых участках он не потревожен, на значительной части — переотложен делювиальными процессами. Глубина залегания от современной поверхности в пределах 0,4—0,5 м. В соответствии с уклоном литологических горизонтов он падает в северном направлении, но перепад уровней очень незначителен и составляет 1 м на расстояние 15 м. Судя по сохранившимся от ножа бульдозера участкам, культурный слой в виде сплошной костной брекчии залегал

по всей площади стоянки. Неполная сохранность слоя не позволяет говорить о наличии остатков каких-либо жилых сооружений и вообще элементов организации пространства. Четко выделяется лишь одно углубление явно искусственного происхождения с плотным костно-углистым заполнением, где наряду с костями животных (часто в сочленении) зафиксированы скребла, скребки, торцовые нуклеусы, костяные основы вкладышевых орудий. Углубление близко по форме к овалу размерами $3 \times 1,2$ м. Мощность зольника невелика — менее 15 см, но это единственное место на площади раскопа, где находки были встречены на поверхности светло-серой супеси, перекрываемой светло-коричневым суглинком. Значительное количество костного угля, встреченное при раскопках, позволяет говорить об использовании кости в качестве топлива.

Фаунистические остатки, по определению Н. М. Ермоловой, принадлежат зубру, северному оленю, лошади, волку, песцу или лисице.

Залегание культурного слоя в верхах покровных отложений наряду с фаунистическими остатками, в которых отсутствуют кости мамонта и носорога, говорит о позднем возрасте стоянки Березовый ручей 1 в рамках верхнего палеолита.

Коллекция артефактов невелика, но очень своеобразна и выделяется среди хорошо изученных палеолитических культур Енисея. Следует отметить, что из материалов 1981 г. составляющих 220 предметов, только половина происходит из культурного слоя, другая часть собрана на разрушенной площади поселения. Доля предметов со вторичной обработкой из слоя ниже (36%). В коллекции 1982 г. всего 290 изделий и 88% из них получены из слоя.

Всего на поселении найдено 82 орудия из камня, 3 — из кости, 25 нуклеусов, 402 предмета, относящихся к отходам производства. Среди последних можно выделить 23 микропластинки, 29 аморфных пластинок, 9 резцовых сколов, остальные артефакты представлены отщепами, осколками, чешуйками. В качестве сырья использовался кремнистый сланец, кварцит и кремень очень низкого качества.

В группе орудий выделяются скребла (18) и скребловидные изделия (3). В первую очередь следует отметить три экземпляра на массивных продолговатых отщепах. Это однолезвийные скребла с выпуклым рабочим краем, оформленным полукрутой регулярной ретушью с дорсальной стороны. Обушок, противоположащий лезвию, у одного орудия образовался в результате слома по естественной трещине в кварците (рис. 1, 1), у другого не исключено его намеренное изготовление и, наконец, у последнего на первичном отщепе наличие обушка связано с естественной формой гальки (рис. 1, 3).

К описанным орудиям по пропорциям и массивности приближается скребло с выемчато-выпуклым лезвием, обработанным ступенчатой крутой ретушью. Прямой обушок образовался в результате слома по естественной трещине гальки.

Пять скребел с выпуклым рабочим краем изготовлены на отщепах средних размеров. Обработка рабочего края не глубокая, в одном случае применена мелкофасеточная ретушь. Наиболее выразительным является подтреугольное в плане орудие на первичном отщепе (рис. 1, 2).

К орудиям, имеющим два лезвия, относятся 4 экз. Найдено скребло на округлом отщепе (рис. 1, 4), остальные изделия — на пластинах или пластинчатых заготовках. Особый интерес вызывает скребло, которое, возможно, на самом деле может считаться остроконечником с обломанным острием (рис. 1, 7). Имеется обломок пластины с выпуклыми продольными лезвиями, обработанными мелкофасеточной ретушью. На небольшом пластинчатом отщепе изготовлено скребло со сходящимися рабочими краями (рис. 1, 6).

Нельзя не указать на скребло на подокруглой в плане заготовке, у которого обушок несет на себя следы снятий микропластин. Два орудия сделаны на половинках, расколотых вдоль крупных (более 10 см) галек. Одно из них, подокруглое в плане, имеет с вентральной стороны полу-

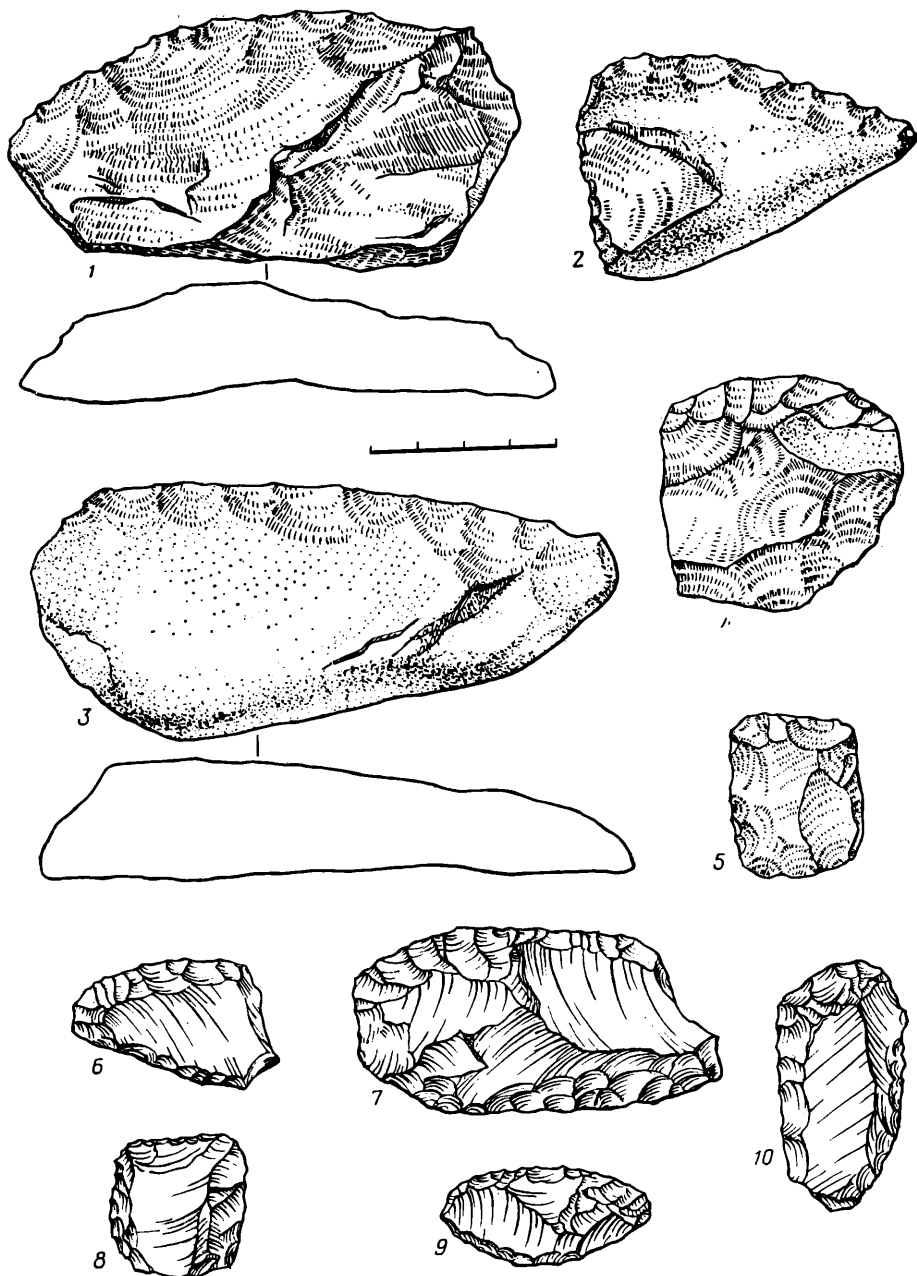

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Березовый ручей 1

1—4, 6, 7, 9 — скребла; 5, 8, 10 — скребки

круглую, местами ступенчатую ретушь на $\frac{1}{3}$ периметра. Необходимо отметить, что это единственное скребло, в коллекции обработанное не с дорсальной плоскости. Другое орудие с ретушированными крутыми сколами поперечным концом сохранило на продольном крае участки, поврежденные в процессе утилизации.

Особого описания заслуживает небольшое скреблышко на подовальной пластинке темно-серого кварцита, у которого прослеживается мелкая ретушь по всему периметру (рис. 1, 9). Очень своеобразно небольшое треугольное орудие, которое обработано аналогичным образом (рис. 2, 1). По размерам данные изделия приближаются к группе крупных скребков.

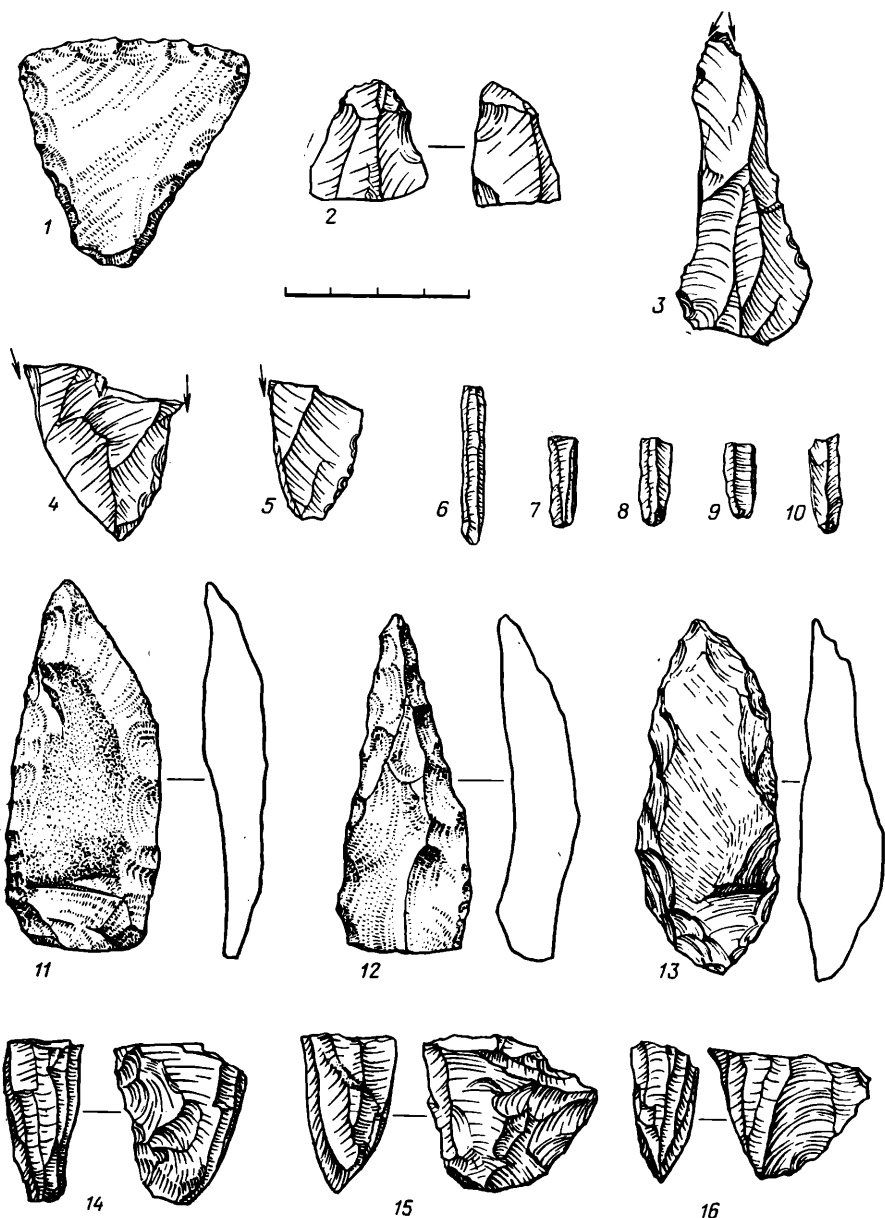

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Березовый ручей 1

1 — скребло; 2 — скребок; 3—5 — резы; 6—10 — микропластинки; 11—13 — остроконечники; 14—16 — нуклеусы

Скребловидные орудия — это отщепы и осколки с участками полукруглой, аморфной ретуши.

Скребки также типологически разнообразны, но преобладают концевые на пластинах или фрагментах пластин (9 экз.). Наиболее крупный экземпляр имеет ретушь по выпуклому лезвию и боковым сторонам (рис. 1, 10). Вызывают интерес два почти идентичных по форме и характеру обработки изделия на фрагментах пластин четырехугольной формы, у которых выделяются два лезвия, соприкасающиеся друг с другом под прямым углом (рис. 1, 5, 8). Остальные орудия представлены единичными формами. Сюда входят скребок с выемчатым рабочим краем, микроскребок, концевой скребок на отщепе, изделие на отщепе со следами ретуши на половине периметра и скребок высокой формы с выделенным носиком (рис. 2, 2). Пластины и отщепы с ретушью, куда вклю-

чены обломки орудий неопределимой формы, представлены в основном аморфными фрагментами, которых объединяет наличие ретушированных участков (25 экз.). В эту группу можно включить и пластинки со следами использования (7 экз.).

Среди резцов (5 экз.) нет ярко выраженных типов, орудия аморфны, и объединяет их наличие резцовых сколов. Одно орудие можно отнести к срединным резцам (рис. 2, 3), остальные сформированы на углах сломанных пластин или орудий (рис. 2, 4, 5).

Остроконечники (3 экз.) все примерно одинаковой длины 8—9 см, но морфологически отличаются друг от друга. В эту группу включены довольно разнообразные изделия, которые объединяет пластинчатый характер, более или менее симметричная форма и наличие острого конца. Первое орудие с прямым основанием обработано крутой ретушью, которая переходит в полукруглую у острия (рис. 2, 11). Второй остроконечник имеет ретушь по правому краю, в то время как левый, слегка подправленный на конце, образует острие благодаря естественной форме заготовки (рис. 2, 12). Основание орудия тоже прямое. Последнее изделие на кварцитовой массивной пластине имеет приостренное основание. Обработка мелкими сколами и ретушью прослеживается по всему периметру (рис. 2, 13).

Очень показательна малочисленность мелких долотовидных орудий. В коллекции есть лишь изделие с остатками галечной корки, которое несет на себе следы обработки одного лезвия и орудие с двумя противоположающимися рабочими краями. Среди галечных орудий (3 экз.) выделяется артефакт с выемчатым лезвием.

Заслуживает особого внимания серия морфологически выдержанных, одинаковых по ширине микропластинок, которые без дополнительной обработки использовались в качестве вкладышей в костяные основы орудия (рис. 2, 6—10). Одно из этих орудий длиной 22 см найдено при раскопках зольника. На одной из широких плоскостей прослеживаются две продольные бороздки от острого конца до середины, а между этими линиями заметны поперечные насечки. Паз глубиной до 3 мм и шириной до 2 мм прорезан сбоку от острия до основания. Вероятно, из-за условий залегания изделие не сохранило прямизну, а имеет к настоящему времени значительный изгиб.

Вторая основа представлена обломком длиной 16 см, у которого отсутствует значительная доля верхней части. Паз прорезан на две трети длины фрагмента, основание орудия слегка скруглено. На последнем, третьем, изделии также фиксируется искусственное углубление для вставки микропластинок.

Основная масса нуклеусов на стоянке служила для снятия микропластинок — это ядрища подтреугольных очертаний торцового принципа скалывания с приостренным основанием, ретушированной ударной площадкой и иногда подработкой контрфронта (рис. 2, 14—16). Из 24 микронуклеусов только одно изделие можно отнести к призматическим и одно — к коническим типам. Единственный крупный галечный нуклеус из зеленого кремнистого сланца имеет одну площадку, с которой производилось отделение отщепов на две трети периметра. Наконец отметим, что микроядрища использовались для снятия микропластинок очень интенсивно, а плохое качество сырья обусловило появление значительной группы растрескавшихся заготовок.

Таким образом, по составу каменного и костяного инвентаря стоянка Березовый ручей 1 является довольно типичным верхнепалеолитическим памятником. Даже при беглом ознакомлении с материалом бросается в глаза такая его черта, как в целом афонтовский тип заготовок⁴. Для коллекции характерна атипичность резцов, остроконечников, наличие большой группы скребел, скребловидных орудий и отщепов с ретушью, аморфность пластин. Нет здесь и крупных галечных нуклеусов с призматическим принципом скалывания, характерных для кокоревской культуры. Но с инвентарем последней комплекс Березового ручья 1 сбли-

жает присутствие группы крупных концевых скребков на пластинах, серия ретушированных пластинок, малочисленность долотовидных орудий⁵.

В целом индустрия стоянки носит промежуточный характер, что наглядно показывает табл. 1.

Таблица 1

Наименование	Березовый ручей 1		Кокоревская культура	Афонтовская культура
	кол-во	%	%	%
Скребла	18	21,9	12,9	18
Скребловидные орудия	3	3,7	3,4	6,4
Скребки	16	19,5	17,1	23,3
Резцы	5	6,1	6,7	0,4
Остроконечники	3	3,7	6,4	1,2
Долотовидные орудия	2	2,4	1,2	15,1
Галечные орудия	3	3,7	5,3	6,6
Отщепы с ретушью	13	15,9	4,7	13,3
Пластины с ретушью	12	14,6	23,6	3,6
Пластины со следами использования	7	8,5	7,2	0,3
Всего	82	100	—	—

Естественно, что отмеченное сходство и различие из-за малочисленности коллекции стоянки Березовый ручей 1 может носить формальный характер, но даже такое сравнение показывает своеобразие рассматриваемого комплекса. Исходя из вышеизложенного, на данном этапе исследования преждевременно решать в определенной форме вопрос о культурной принадлежности древнего поселения. Эта сдержанность объясняется как незначительным количеством артефактов, так и неисследованностью территории Назаровской котловины. Двойственный характер инвентаря не дает возможности отнести изучаемый памятник в какой-либо известной на Енисее палеолитической культуре. Должен ли вопрос о культурной принадлежности стоянки решаться в рамках кокоревско-афонтовской альтернативы или возникнет потребность в выделении на еще слабо изученной территории юго-востока Западной Сибири новой палеолитической культуры — ответ могут дать только дальнейшие исследования. В настоящее время можно только констатировать, что, судя по характеру залегания культурных остатков в верхах покровных отложений, фаунистическим остаткам и набору орудий, стоянка Березовый ручей 1 существовала на высоком мысу р. Береш где-то в конце сартанского оледенения (12—11 тыс. лет назад).

¹ Вадецкая Э. Б. Первые итоги работ на КАТЭКе // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 48.

² Зягькова Л. К., Раковец О. А. Минусинские впадины // Алтай-Саянская горная область. М., 1969. С. 244, 245.

³ Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н. Открытие верхнего палеолита на территории КАТЭКа // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. Иркутск, 1982. С. 21—23; Мелентьев

А. Н. О поиске и изучении памятников каменного века в зоне КАТЭКа // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Якутск, 1982. С. 45, 46.

⁴ Абрамова З. А. Палеолит Енисей: Афонтовская культура. Новосибирск, 1979. С. 102—120.

⁵ Абрамова З. А. Палеолит Енисей: Кокоревская культура. Новосибирск, 1979. С. 167—173.

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ У Г. СВЕТЛОГРАДА (СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ)

В 1978 г. Арзгирским отрядом Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР были раскопаны два кургана эпохи бронзы у г. Светлограда, на границе Ставропольской возвышенности (Прикаласские высоты) и равнины. Курганные памятники этого района, расположенные вдоль течения р. Калаус, известны благодаря разведкам А. Л. Нечитайло¹. Широкие раскопки курганов проводились в последние десятилетия Ставропольской и другими экспедициями в более южных и восточных районах. Из раскопанных памятников, содержащих сходный с описываемым ниже материал, территориально наиболее близки светлоградским курганы у с. Александрия, Орехово и Высоцкое (раскопки Н. И. Веселовского)². Они отнесены В. И. Марковиным к числу наиболее северных памятников северокавказской культуры в Центральном Предкавказье³.

Курганы 1 и 2 входили в состав группы, расположенной к западу от Светлограда, на землях колхоза «Колос» и подлежали сносу в ходе мелиоративных работ⁴. Курган 1 имел высоту 7 м, диаметры 70 м (по линии север—юг) и 60 м (по линии восток—запад) (рис. 1, I). Три бровки позволили проследить последовательность сооружения насыпи (рис. 1, II).

Основное погребение 1 было окружено по древнему горизонту кромлехом из беспорядочно и неравномерно уложенных камней и перекрыто насыпью (слоем I) из рыхлого темно-коричневого суглинка. Диаметр кромлеха 12 м, приблизительный диаметр насыпи 14 м. Слой I перекрывался слоем II из желтого суглинка, большая часть которого находилась в северной поле кургана. Верхняя часть слоя II в центре кургана представляла собой горизонтальную площадку. Выше лежал слой III, по цвету и структуре аналогичный слою I. Верхняя часть слоя III нарушена перекопами, сделанными, вероятно, до насыпки слоя IV из желтого суглинка. Полы кургана укреплены наброской из мелких камней, обозначающей первоначальный диаметр кургана (около 50 м). Ширина кольца — около 4 м. Все каменные конструкции в кургане сделаны из песчаникового известняка.

Крутые склоны первого из двух вышележащих слоев насыпи и отсутствие на их границах следов погребенного дерна позволяют предполагать, что сооружение насыпи не было долговременным процессом. Более того, правильное чередование слоев (снизу вверх, коричневый, желтый, снова коричневый и снова желтый суглинок) и их одинаковая структура наводят на мысль, что весь курган может представлять собой единый комплекс. Этому предположению не противоречат (но и не подтверждают его окончательно) наблюдения над расположением погребений и каменных конструкций в кургане. Все они привязывались к древнему горизонту.

Погребение 2, расположенное в 3 м к югу от основного погребения 1, находилось под камнями кромлеха, следовательно, оба погребения приблизительно одновременны. Погребения 3 и 4 находились южнее кромлеха, они были перекрыты на уровне древнего горизонта одной выкладкой из мелких камней, поэтому можно предполагать их хронологическую близость друг другу. Выкладка перекрывалась с севера на юг слоями II, III и IV насыпи.

В 12 м к северу от основного погребения 1, под небольшим скоплением камней, лежавшим на древнем горизонте, в материке была зафиксирована яма, оказавшаяся пустой. Она находилась под слоем II насыпи. На расстоянии 8 м к западу от нее на древнем горизонте был устроен небольшой каменный «курганчик» диаметром 4 м, высотой 1 м, перекрытый земляной насыпью из темно-серого суглинка диаметром около

10 м, высотой 1 м. В западной бровке видно, что эту насыпь перекрывали с юга на север слои II, III и IV насыпи. Никаких следов захоронения под «курганчиком» не обнаружено.

Перекрывание двух конструкций в кургане тремя слоями насыпи может свидетельствовать о практически одновременной насыпке этих слоев. Однако сам характер связи между погребениями и каменными конструкциями, с одной стороны, и слоями насыпи — с другой, остается неясным. В частности, непонятно, соответствует ли каждому слою насыпи какое-либо погребение или сооружение на горизонте. Ниже приводится краткое описание погребений.

Погребение 1 располагалось в центре кургана. Оно совершено в яме прямоугольной формы, ориентированной по линии восток—запад (рис. 1, III). На уровне погребенной почвы над ямой отмечены следы дерева (перекрытия). Ко дну яма расширялась. На наклонных стенках были видны следы желобчатого орудия. Размеры ямы по дну — $2,55 \times 1,5$ м, глубина — 1,6 м. В заполнении ямы у дна наклонно лежали каменные плиты, одна — около северо-западного угла, у длинной стенки, стояла вертикально. На нижней поверхности плит видны следы камышовой циновки. Вероятно, первоначально плитами были обложены длинные стенки ямы. Под плитами, на дне ямы лежал скелет мужчины зрелого возраста⁵, на спине, вытянуто, головой на восток. Кости левой руки смещены (на них лежала большая плита), правая рука вытянута вдоль тела. Погребенный был положен на слой дерева, под которым на дне отмечены следы мела. Захоронение посыпано ярко-алой охрой, особенно обильно окрашены таз, кисти и стопы скелета.

Погребение 2 находилось южнее центра, под камнями кромлеха и располагалось параллельно основному. Совершено в прямоугольной яме размерами $1,25 \times 0,7$ м, глубиной 0,8 м (рис. 1, IV). На дне ямы расчищен скелет ребенка 3—4 лет, лежавший на спине, вытянуто, головой на восток. Под погребенным была сделана подсыпка из мела, а сверху он был посыпан охрой. У левого бедра лежал кусок охры. Около правой руки на подсыпке из охры найдены фрагменты сосуда (венчика и части стенок) грубой лепки и плохого обжига (рис. 1, V). В тесте видны следы выжженной органической примеси и обильная крупная примесь мергеля. Внешняя поверхность сосуда слегка заглажена, розовато-коричневого цвета, внутренняя — черная, со следами расчесов. Венчик сосуда горизонтально срезан, на коническом горле видны горизонтальные расчесы. На плечиках сосуда небрежно нанесен орнамент в виде зигзагообразных отгисков слабо свитой толстой веревочки. Диаметр венчика 5 см, диаметр тулова 8,2 см.

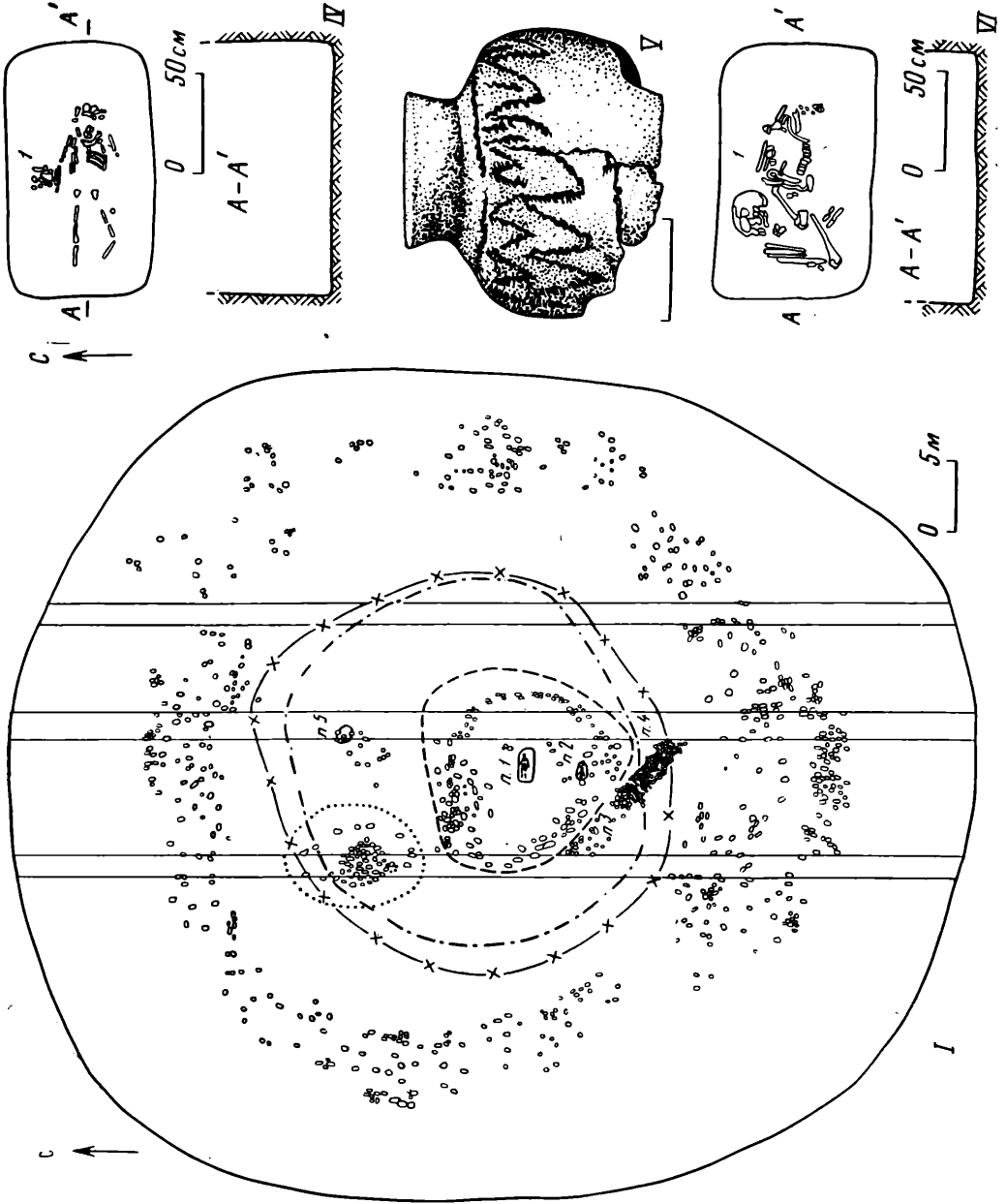
Погребения 3 и 4 располагались за кромлехом, к югу от основного погребения, под закладом из мелких камней. Погребение 3 (разрушенное) совершено в небольшой прямоугольной яме, вытянутой в широтном направлении. Судя по найденным здесь фрагментам черепа и ребра ребенка и пятнам охры на дне, это было детское захоронение эпохи бронзы. Погребение 4 находилось в 3 м к юго-востоку от погребения 3. Яма прямоугольной формы, размерами $1,2 \times 0,7$ м, глубиной 0,6 м, ориентирована по линии восток—запад (рис. 1, VI). В ней находился частично разрушенный скелет ребенка 7—8 лет. Положение скелета — на спине, скорченно, головой на восток. Часть костей смещена, в частности череп лежит справа от погребенного, в ногах, нижняя челюсть — на правом локте. У правой руки среди смещенных позвонков найден австрагал.

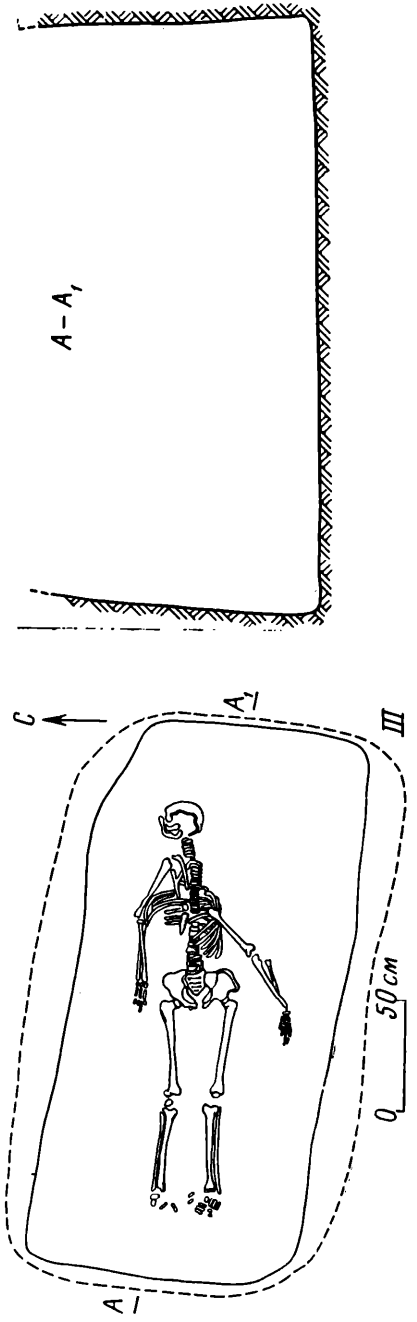
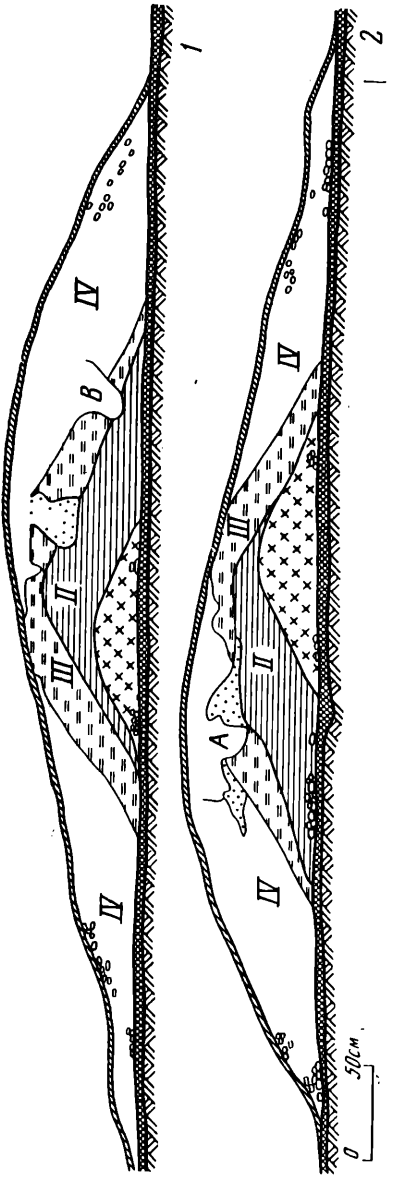
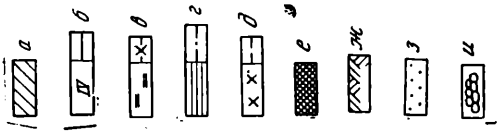
Условное погребение 5, находившееся к северу от основного, представляло собой пустую яму под завалом камней, также впущенную с древнего горизонта. Яма прямоугольной формы, вытянута по линии северо-запад — юго-восток, размеры ее $1,35 \times 0,9$ м, глубина 0,5 м.

В юго-западном секторе, у внешнего края каменного кольца, окружающего курган вместе с костями конечностей мелкого рогатого скота найден фрагмент лепного сосуда (плоское донце и часть стенок). Донце со слегка выступающим краем и круглым углублением (след подставки)

Рис. 1. Курган 1 и материалы из него

- I — план кург.;
- II — профили центральной бровки;
- 1 — западный;
- 2 — восточный;
- III — погребение 1, план и разрез;
- IV — погребение 2, план и разрез:
- 1 — фрагмент сосуда,
- 2 — кусок охры;
- V — фрагмент сосуда из погребения 2;
- VI — погребение 4, план и разрез:
- I — астрагал;
- а — дерн,
- б — слой IV насыпи;
- в — слой III насыпи;
- г — слой II насыпи;
- д — слой I насыпи;
- е — слой погребенной почвы;
- ж — материк;
- з — смешанный слой;
- и — камни;
- А, Б, В — ямы

в центре. Тулово округлое, на плечиках слегка намечен уступ. Погребения 1 и 2 (если не весь курган в целом) следует относить к северокавказской культуре. О том, что оба они могут быть включены в число ранних комплексов этой культуры, свидетельствует находка маленького сосуда в погребении 2. Сосуд имеет редкую форму, но по некоторым общим особенностям (узкое и сравнительно высокое горло и округлое тулово, орнамент из отгисков слабо свитой веревочки, малые размеры) может быть сопоставлен с «амфорками» из Суворовского могильника (курган 7, погребение 5)⁶ и из кургана 1 у ст. Усть-Лабинской⁷. Светлогорский сосуд отличается отсутствием ручек-налепов. Немногочисленные находки подобных сосудов рассматриваются А. Л. Нечитайло в рамках первой (ранней) группы северокавказских памятников в Верхнем Прикубанье⁸.

Присутствие в этом районе северокавказских племен до появления носителей катакомбной культуры подтверждают материалы раскопок кургана 2, располагавшегося в 350 м к западу от кургана 1. Он имел высоту 3,2, диаметр — 45 м. Насыпь кургана однородна — из темно-коричневого рыхлого суглинка.

В центре находилось впущенное с древнего горизонта основное погребение 3 (рис. 2, II). Яма «корытообразной» в плане формы, слегка сужавшаяся ко дну, была ориентирована по линии восток—запад. Размеры ямы по дну 2,6×1,0—1,3 м, глубина 2,7 м. На уровне древнего горизонта над ямой отмечены следы перекрытия из дерева. Фрагменты дерева встречались также в заполнении ямы, на скелете и под ним. У восточной и южной стенок у дна прослежены два деревянных столбика, стоявших вертикально. Стенки ямы были побелены тонким слоем мела или покрыты светлой глиной. На дне, на меловой подсыпке, расчищен скелет мужчины зрелого возраста. Умерший был погребен на спине, вытянуто, головой на восток. Слева от черепа и около правой руки находились угольки. У головы погребенного рядом с угольками — небольшое пятно охры; сильно посыпаны охрой стопы ног. Инвентарь состоял из бронзового кольца с несомкнутыми концами, круглого в сечении, найденного на черепе погребенного. Диаметр кольца 1,8 см.

Впускными были два погребения (1 и 2) в насыпи и два захоронения (4, 5) во врезанных в материк катакомбах.

Погребение 1 находилось в юго-восточном секторе кургана на глубине 2,27 м от 0. Скелет лежал на правом боку, скорченно (бедренные кости под прямым углом к позвоночнику), головой на восток. Правая рука вытянута, левая согнута и положена кистью на таз. Погребение 2 — в юго-западном секторе кургана на глубине 3,3 м от 0. От скелета сохранились только остатки костей рук и ног. По ним устанавливается положение скелета на левом боку, скорченно, головой на восток. Оба погребения могут предположительно датироваться бронзовым веком.

Погребение 4 располагалось в 10 м к северо-востоку от погребения 3. Оно совершено в катакомбе (рис. 2, III). Входная шахта — узкая прямоугольная яма, слегка расширяющаяся ко дну — ориентирована по линии север—юг. Размеры ямы по дну 1,9×0,95 м. Дно, слегка наклонное к северной стенке, в которой был сделан вход в камеру, находилось на глубине 6,6 м от 0 (3,1 м от древнего горизонта). На стенках были хорошо видны следы желобчатого орудия: сверху — вертикальные, внизу — наклонные полосы. В южной, противоположной входу короткой стенке прослежены углубления, располагавшиеся друг над другом на расстоянии 0,4—0,5 м и представлявшие собой ступеньки⁹. Арочный вход в камеру был закрыт большой плитой из песчаникового известняка. Шахта соединялась с камерой дромосом длиной 1 м, высотой 0,6 м, чуть наклонным в сторону камеры. Камера имела в плане подпрямоугольную форму, вертикальные стенки и уплощенный свод и была вытянута перпендикулярно входной шахте. Размеры камеры по дну 2,3×1,6 м. На дне — следы подстилки из органического (растительного) материала. От погребенного сохранились мелкие остатки костей верхней части скелета, лежавшего

на правом боку головой на запад. В северной части камеры отмечены пятна ярко-красной охры; там же лежал кусок темно-красной охры.

У входа в камеру найдены остатки длинного деревянного предмета (трости?), назначение которого установить не удалось¹⁰. В юго-восточном углу стояла в наклонном положении глиняная лепная курильница на четырех отдельных ножках, без внутреннего отделения (рис. 2, 1). Край чаши косо срезан, с внешней стороны под краем имеется ручка-налеп овальной формы с горизонтальным отверстием. С внешней стороны чаша покрыта сплошным орнаментом (местами поверхность разрушена) из зигзагообразных оттисков гребенчатого штампа. Пространство между ножками занято полукруглыми вдавлениями, по краю чаши идет ряд косых насечек. На ручке сделаны оттиски гребенчатого штампа в виде рядов маленьких квадратных вдавлений. Внутри чаши видны следы расчесов гребенчатым штампом и нагар. Высота курильницы 6 см, диаметр чаши (по внутреннему краю) 17,4 см.

Погребение 5 (парное) находилось рядом с погребением 4 в 2 м к северу от него (рис. 2, IV). Входная шахта имела в плане прямоугольную форму и была вытянута по линии — северо-запад—юго-восток. Размеры шахты по дну 2,1×0,75 м. Дно шахты находилось на глубине 6,25 м от 0 и 2,7 м от древнего горизонта. На вертикальных стенках видны следы желобчатого орудия. В северо-восточной стенке шахты сделан вход в камеру шириной 1,6 м, высотой 0,66 м от дна шахты. В камеру вела ступенька высотой 0,35 м. Камера прямоугольной в плане формы размерами 2,6×1,55 м была ориентирована параллельно входной шахте. Стенки камеры вертикальны, свод уплощен. На дне камеры, на подстилке из камыша лежал скелет мужчины юношеского возраста, на спине, скорченно, головой на юго-восток. Руки вытянуты вдоль тела. Под правой рукой мужчины лежал скелет ребенка 1—2 лет, вытянуто, на спине, головой на юго-восток. Под коленями взрослого, на дне прослежено пятно алой охры, в ногах — в северном и западном углах камеры — угольки.

Основное погребение кургана относится к северокавказской культуре.

Погребения 4 и 5 могут быть отнесены к началу катакомбного времени, хотя существенные различия в форме катакомб и положении погребенных заставляют искать каждому из них аналогии в разных группах памятников. Погребение 4 сопоставимо с недавно выделенными раннекатакомбными памятниками Северного Причерноморья¹¹, Северского Донца¹², Нижнего Подонья¹³ и степного Прикубанья¹⁴, характерными чертами которых являются Т-образная в плане форма катакомбы, прямоугольная входная шахта, прямоугольная или трапециевидная камера с вертикальными стенками и плоским потолком, скорченное на правом боку положение погребенных. В этих погребениях встречаются курильницы на четырех отдельных ножках, которые в более поздних комплексах сменяются курильницами на крестовидной подставке. Последние, в частности, найдены в катакомбных памятниках Верхнего Прикубанья, синхронизируемых А. Л. Нечитайло со второй (средней) группой северокавказских памятников¹⁵.

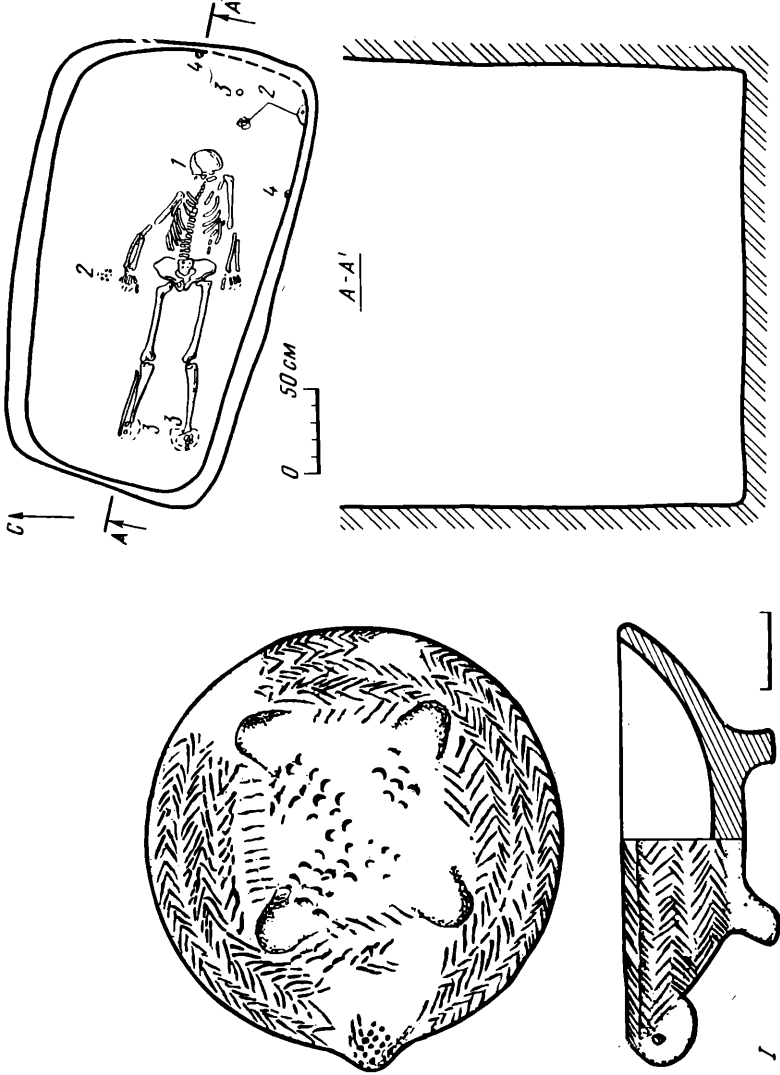
Погребение 5 по сочетанию катакомбы со скорченным на спине положением мужского скелета может быть включено в круг памятников так называемого ямно-катакомбного типа, известных в Калмыкии¹⁶, Ставрополье¹⁷ и на левобережье Нижнего Дона¹⁸. Недавно одно такое погребение открыто на Северском Донце¹⁹. Однако поскольку погребение 5 является парным, положением скелетов в нем, возможно, связано с особыми обрядовыми традициями.

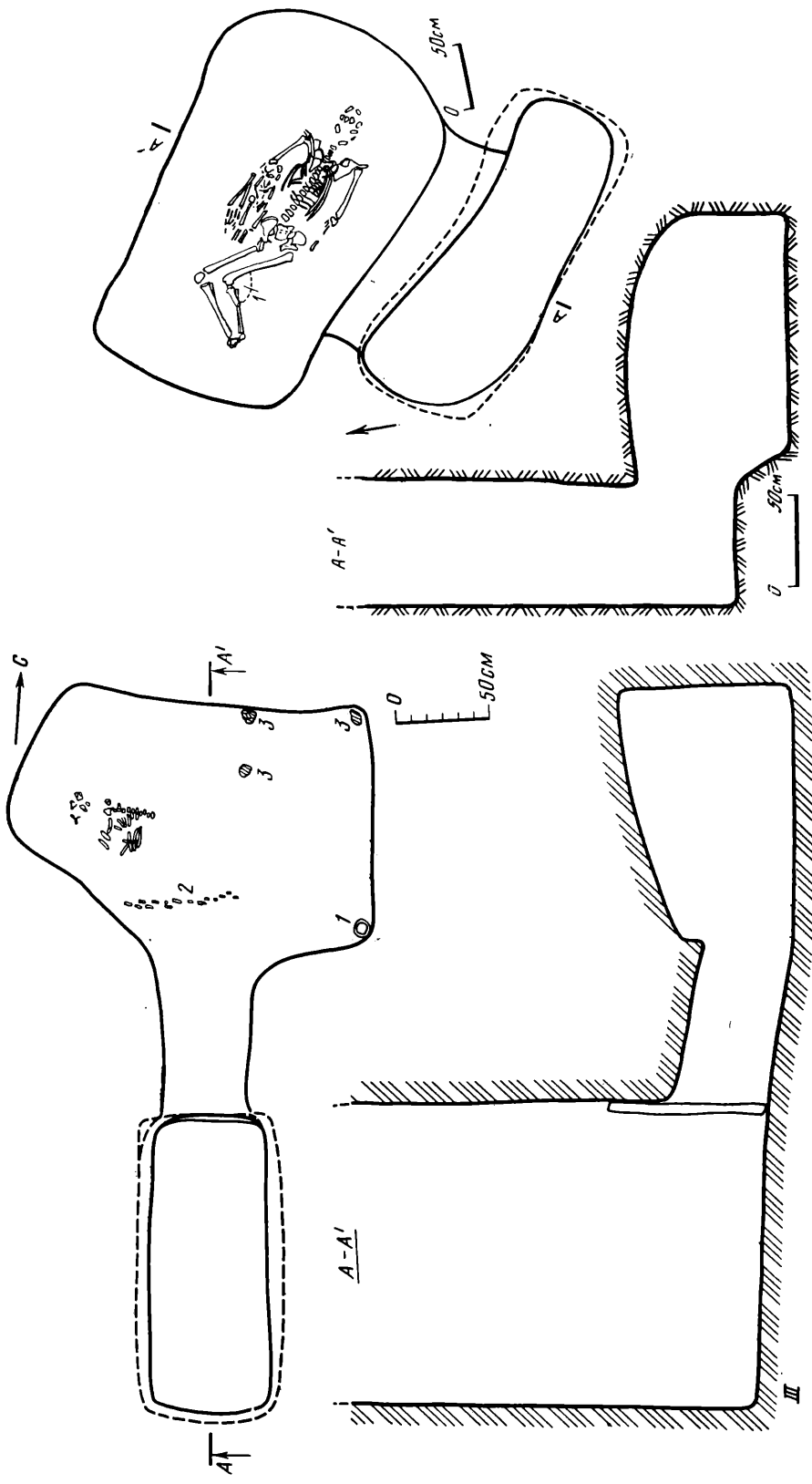
Таким образом, исследованные курганы содержали материалы начала среднебронзовой эпохи, подтверждающие распространение памятников северокавказской культуры далеко на север от предгорий, до границ Ставропольской возвышенности. Несколько позднее здесь появляются древнейшие памятники катакомбной культуры.

Рис. 2. Материалы из кург. 2

- I — курильница из погребения 4;
 II — погребение 3, план и разрез;
 I — бронзовое кольцо,
 2 — уголь,
 3 — охра,
 4 — деревянные столбик;
 III — погребение 4, план и разрез:
 I — курильница, 4
 2 — деревянный предмет,
 3 — охра;
 IV — погребение 5, план и разрез:
 I — охра

- ¹ *Нечитайло А. Л.* Отчет об археологической разведке в долине р. Калаус в 1961 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1. № 2297.
- ² ОАК за 1909 и 1910 гг. СПб., 1913. С. 159, 160.
- ³ *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. 1960. № 93. С. 70. Рис. 30.
- ⁴ *Андреева М. В.* Отчет о раскопках курганов в Петровском районе Ставропольского края в 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1. № 7006.
- ⁵ Все определения пола и возраста погребенных сделаны Г. П. Романовой.
- ⁶ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978. С. 44. Рис. 48.
- ⁷ ОАК за 1903 г. СПб., 1906. С. 68. Рис. 126.
- ⁸ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье... с. 56.
- ⁹ Аналогичные ступеньки встречены в более поздних катакомбах Верхнего Прикубанья. См.: *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье... С. 113, 114. Рис. 43.
- ¹⁰ Ср. находку аналогичного, по-видимому, предмета в раннекатакомбном погребении на Северском Донце. См.: *Санжаров С. Н.* Катакомбное погребение близ г. Северска. — СА. 1983. № 3. С. 202—207.
- ¹¹ *Евдокимов Г. Л.* О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конференции. Донецк, 1979. С. 45, 46.
- ¹² *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 4—14.
- ¹³ *Кияшко В. Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 16.
- ¹⁴ *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Древнейшая катакомбная культура... С. 8—10; *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 18—20.
- ¹⁵ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье... С. 183.
- ¹⁶ *Фисенко В. А.* Погребения ямно-катакомбного типа в Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-Западного Прикаспия // СА. 1970. № 1. 58—65; *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М., 1974. Вып. 7. С. 77—90; *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Мангыча. Саратов, 1978. С. 8, 9.
- ¹⁷ Материалы раскопок Александровского и Аргирского отрядов Ставропольской экспедиции в 1976—1981 гг.
- ¹⁸ *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Т. 1. С. 80.
- ¹⁹ *Санжаров С. Н.* Катакомбное погребение... С. 207.

И. А. СОРОКИНА

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ГРЕКИ IV В СТЕПНОМ ПРИКУБАНЬЕ

В 1982 г. Понурский отряд Северо-Кавказской экспедиции завершил начатые в 1979 г. работы в Краснодарском крае¹. Раскопано 16 курганов в разных могильниках, один из которых Греки IV, находился к северо-западу от хут. Греки.

Памятник исследован полностью. Он состоял из трех курганов. Курганы раскапывались на снос с оставлением трех бровок (курганы 1 и 3) и одной бровки на маленьком кургане 4 (рис. 1).

*Курган 1*² — невысокая (0,74 м) расплывшаяся насыпь, вытянутая в направлении восток—запад (размеры 30×28 м) и сооруженная в один прием. Первоначальная насыпь, также вытянутая, хорошо видна в бровках. Верхняя часть ее срезана пахотным слоем, под ней — погребенная почва мощностью около 0,4 м, предматерик и материк. В кургане обнаружено 14 комплексов находок и 14 погребений (рис. 1, 1)³.

Комплекс 1 обнаружен в северо-восточном секторе кургана на глубине 1,1 м (все глубины даны от вершины кургана) — три черепа лошадей, положенные в яму. Остальные находки — отдельные фрагменты керамики и кости животных.

Погребение 1 — впускное, неопределенное. Находилось в северо-западном секторе на глубине 0,62 м. Могильная яма не прослеживалась. Умерший (мужчина) ⁴ положен вытянуто на спине головой на юго-запад—запад. Руки вытянуты вдоль тела, кисть левой прижата к тазу, предплечье не сохранилось. Вещей нет.

Погребение 2 — впускное, эпохи поздней бронзы. Открыто в центре кургана на глубине 0,92 м. Могильная яма не прослежена. Скелет погребенного мужчины разрушен, но видно, что умерший положен скорченно на левый бок головой на северо-восток—восток. Перед лицом погребенного находились два лепных сосуда (рис. 2, 1, 2).

Погребение 3 — впускное, эпохи бронзы (?). Находилось в центральной бровке к югу от репера на глубине 0,78 м. Яма не прослежена. Захоронение, видимо, было разрушено более поздним погребением 4. Сохранились лишь кости ног, судя по положению которых погребенный лежал скорченно на левом боку. Выше обнаружено несколько фрагментов керамики.

Погребение 4 — впускное, эпохи поздней бронзы. Находилось в центральной бровке в насыпи на глубине 0,68 м. Яма не прослежена. Мужчина был положен скорченно на левый бок головой на запад.

Кисть правой руки лежала перед грудью, левой — под нижней челюстью.

Погребение 5 — впускное, неопределенное. Совершено в юго-западном секторе за пределами первоначальной насыпи на глубине 1,48 м. Яма не прослежена. Погребенный мужчина лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад—запад. Руки вытянуты вдоль тела.

Погребение 6 — впускное, неопределенное. Находилось в 17 м к югу от центра за пределами первоначальной насыпи на глубине 1,46 м. Яма не прослежена. Сильно разрушено, поза и ориентировка не восстанавливаются.

Погребение 7 — впускное, неопределенное. Совершено в центре на границе насыпи и погребенной почвы (глубина 0,94—1,32 м). Полностью разрушено.

Погребение 8 — впускное, раннего железного века. Открыто в центре, в насыпи, на глубине 0,99—1,04 м. Яма не прослеживалась. Прорезано ямой захоронения 9, сосуд из которого оказался на месте левого колена погребенного. Умершая (женщина) погребена вытянуто на спине, головой на юго-запад—запад, лицом к северу.

Погребение 9 — впускное, раннего железного века. Яма, не прослеженная в насыпи, прорезала захоронение 8, уничтожив коленные суставы умершего. Погребенный подросток положен вытянуто на спину, головой на северо-запад. Кисть левой руки на тазу, правая прижата к нему. На ногах обнаружена согнутая передняя нога барана с лопаткой и фрагмент железного ножа плохой сохранности. При погребении найдена верхняя часть лепного сосуда (рис. 2, 5).

Погребение 10 — впускное, эпохи ранней бронзы. Совершено в центре Кургана, в погребенной почве, могильная яма не прослеживалась. Дно ее было наклонным (глубина 1,07—1,2 м). Погребение парное, захоронены мужчина (скелет 1) и женщина (скелет 2). Верхняя часть скелета 1 разрушена погребением 9. Погребенные лежат рядом на спине, головами на запад. Ноги их, видимо, были согнуты в коленях и подняты вверх. Руки скелета 1 вытянуты вдоль тела: кисть правой — у бедра, кисть левой — под бедром женщины. Правая рука скелета 2 лежала поверх левой руки скелета 1 вплотную к нему, левая вытянута вдоль тела, сохранившаяся кисть собрана в горсть. Под погребенными местами видны пятна черного тлена, у кистей обоих погребенных и у головы скелета 1 встречены угольки.

Погребение 11 — впускное, сарматское. Находится в северо-восточном секторе, частично в центральной бровке, но яма в профиле видна не была. В плане в предматерике прослеживалась яма подпрямоугольной формы размерами 1×2 м, ориентированная по линии северо-запад—запад — юго-

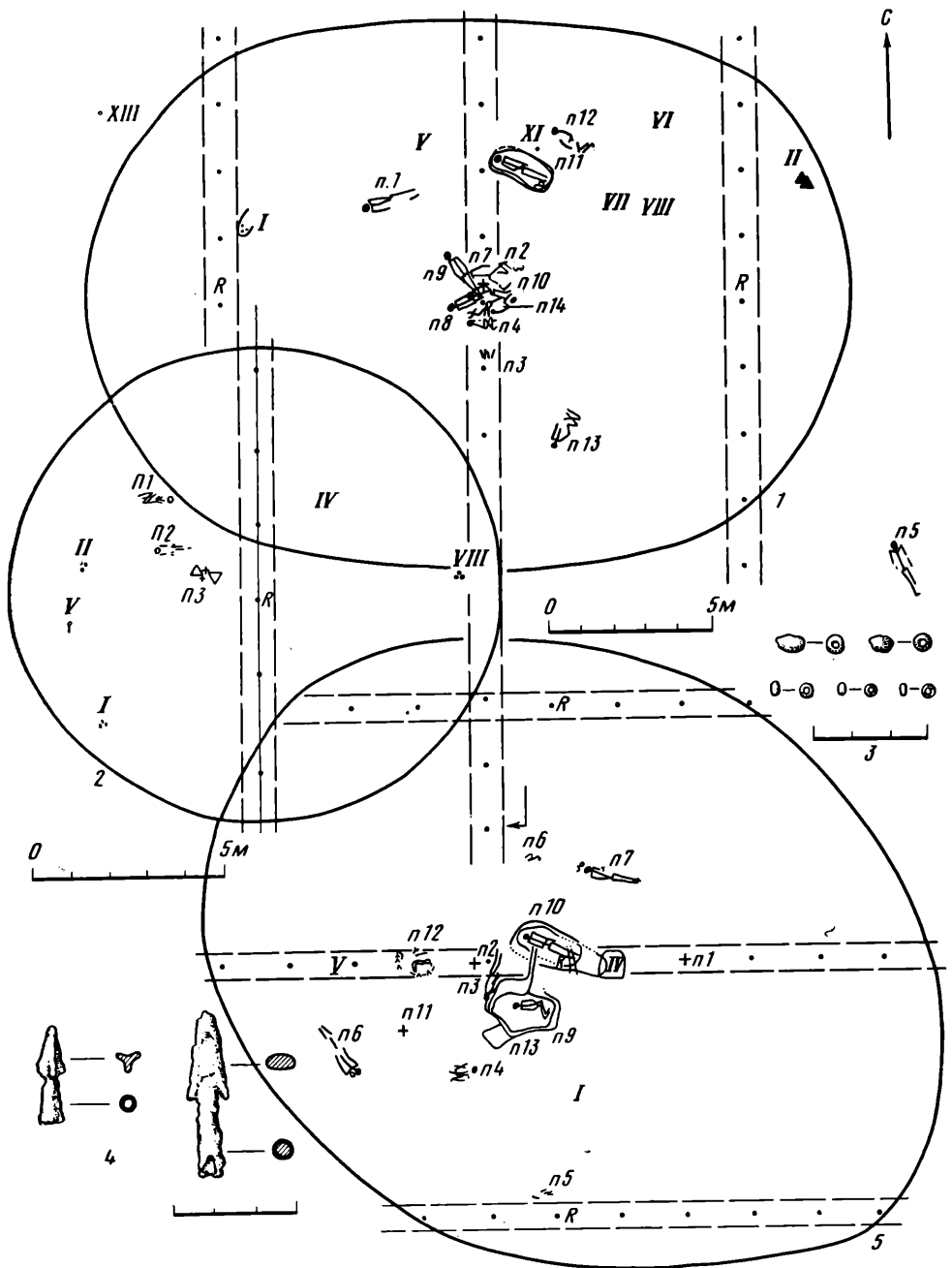

Рис. 1. Планы курганов могильника Греки IV и некоторые находки из раскопок I — кург. 1; 2 — кург. 4; 3 — бусы из погребения 11 кургана 1; 4 — наконечники стрел кург. 4, погребение 2; 5 — кург. 3

восток—восток. Могила могла быть подбойной со входом с южной стороны. В северо-западной—западной части сохранившаяся высота стенок 0,75 м, в юго-восточной—восточной — 0,15 м. На дне ямы посередине лежал скелет женщины, которая погребена на спине головой на северо-запад—запад, лицом на северо-восток—восток. Предплечье правой руки лежало поперек живота, кисть — у левого крыла таза, левая рука вытянута вдоль тела. Между костями ног наблюдалось пятно яркой красной краски. У правой височной кости и у основания черепа находились два бронзовых височных колечка (диаметр 3,5 см). На ребрах и локте левой

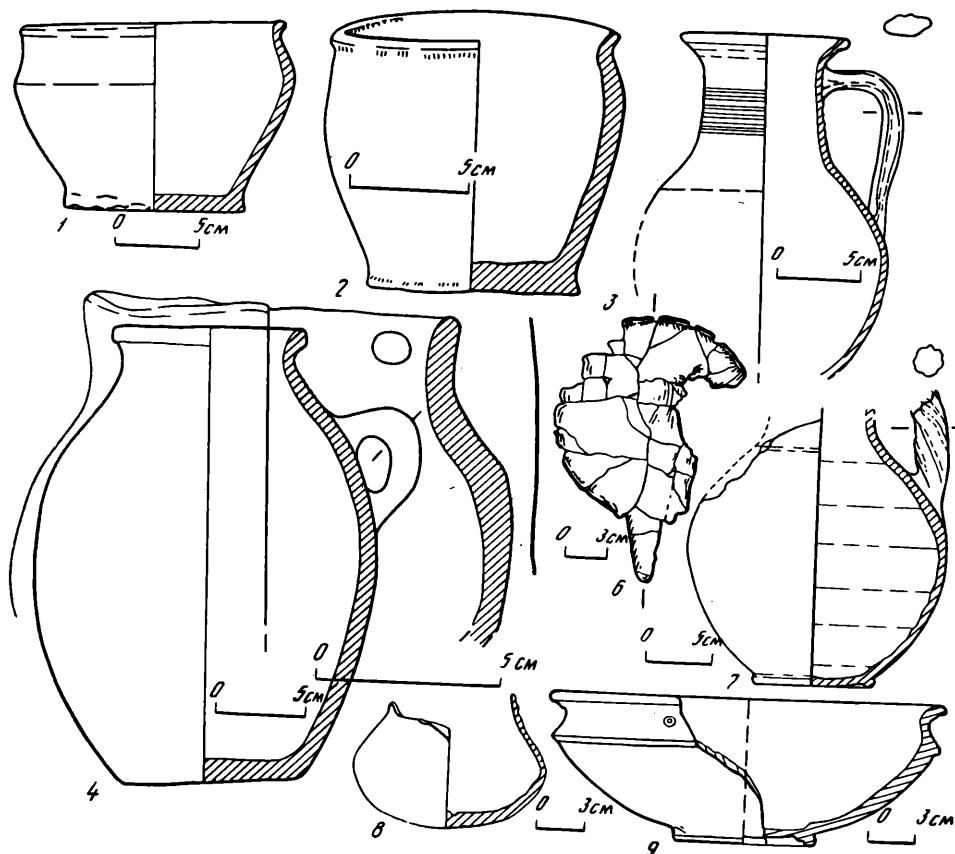

Рис. 2. Инвентарь погребений могильника Греки IV

1, 2 — из погр. 2, кург. 1; 3 — из погр. 7, кург. 3; 4 — из погр. 2, кург. 4; 5 — из погр. 8, кург. 1; 6—9 — из погр. 11, кург. 1

руки лежало бронзовое зеркало с цельной рукоятью диаметром 15 см. Длина рукоятки 5,8 см, ширина у основания 3,0 см (рис. 2, 6). Под ним прослеживалось пятно темно-коричневого тлена, вероятно, от деревянного футляра. В ногах лежал на боку небольшой гончарный красноглиняный сосудик (рис. 2, 8). У стенки ямы стоял красноглиняный гончарный кувшин с витой ручкой (рис. 2, 7) и половина сероглиняной миски (рис. 2, 9). На дне и под венчиком миски отверстия. Вокруг шеи погребенной найдены стеклянные бусы и черный с позолотой бисер (рис. 1, 3).

Погребение 12 — впускное, эпохи средней бронзы. Совершено в северо-восточном секторе в предматерике на глубине 2 м. Могильная яма не прослеживалась. Принадлежит мужчине, положенному скорченно на правый бок с разворотом на спину, головой на северо-запад—запад. Кости очень плохой сохранности. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, предплечье — поперек живота, кисть — у локтя правой руки.

Погребение 13 — впускное, эпохи средней бронзы. Расположено в юго-восточном секторе на краю кургана, на глубине 1,88 м, в предматерике. Могильная яма не прослеживалась. Погребенный мужчина лежит скорченно на правом боку с разворотом на спину головой на юго-запад. Кости плохой сохранности. Пятки подтянуты к тазу, правая рука слегка согнута в локте, кисть — на тазу, левая также согнута, кисть — на запястье правой руки. У правого локтя — комки охры.

В головах погребенного находился небольшой лепной темно-глиняный сосуд, рассыпавшийся при расчистке.

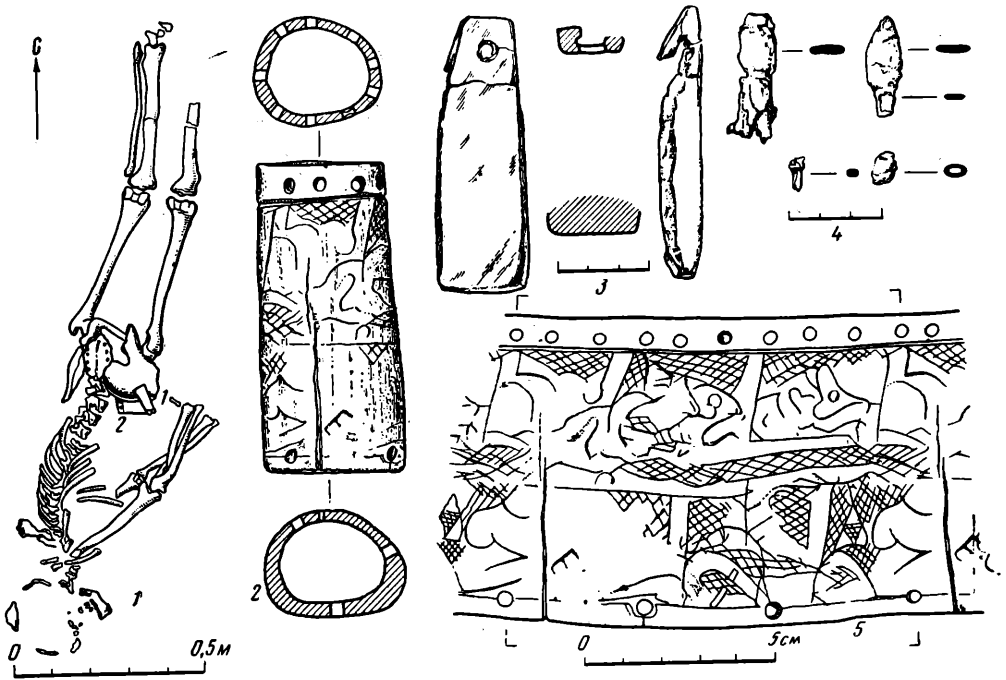

Рис. 3. Вещи из погребения 3 кург. 3 могильника Греки IV

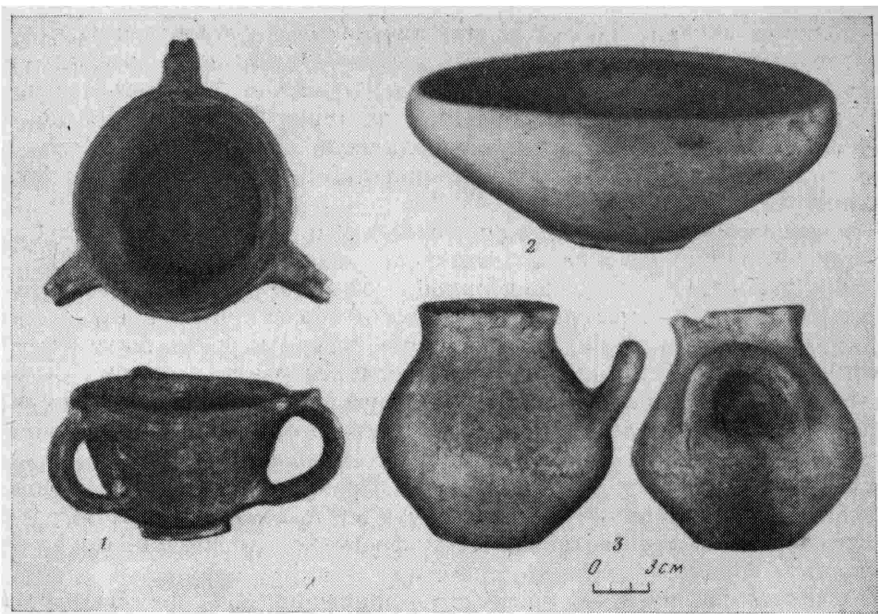
1 — план погребения: 1 — оселок, 2 — костяной предмет; 3 — оселок; 4 — железные предметы, 5 — развертка орнамента на костяном предмете

Погребение 14 — основное, принадлежит эпохе ранней бронзы. Расположено в центре кургана на глубине 1,8 м, частично перекрыто погребением 10. В бровке с трудом прослеживались стенки ямы, впущенной в материк с уровня погребенной почвы, контуры могильной ямы в плане не удалось обозначить. Подросток лежал головой на северо-восток—восток, скорченно на спине вверх коленями. Руки погребенного были вытянуты вдоль тела. Под всем скелетом прослеживалась подстилка темно-коричневого цвета, густо посыпанная охрой в области ног и предплечий. Под тазом обнаружено черное вещество, напоминающее сажу. Кисти и предплечья не только лежали на слое охры, но и были посыпаны ею.

Курган 3 сильно расплылся, современная высота 0,4 м, диаметр около 40 м. Насыпан в один прием. Первоначальная насыпь видна в бровках. Она вытянута в направлении северо-запад—юго-восток (19×25 м), сверху перекрыта пахотным слоем (мощность около 0,4 м), под ней слой погребенной почвы такой же толщины, переходящий в предматерик и материк. В кургане обнаружено 13 погребений (рис. 1, 5). Кроме того, в насыпи зафиксированы отдельные находки костей животных и фрагментов керамики в трех пунктах и яма подпрямоугольной формы с наклонным дном, расположенная в центральной бровке к востоку от центра, находок не содержала, назначение неясно.

Погребения 1, 2 — впускные, неопределенные, под пахотным слоем. Разрушены, вещей нет.

Погребение 3 — впускное, раннего средневековья. Совершено к востоку от центра на глубине 0,57 м. Яма не прослеживалась. Погребенный мужчина был положен вытянуто на правом боку головой к югу. Тело слегка завалилось на живот, руки вытянуты и сложены вместе (рис. 3, 1). На левом крыле таза находился оселок (рис. 3, 3), под ним — орнаментированное костяное изделие. На внешней поверхности у концов следы заполированности. На концах просверлены круглые сквозные отверстия диаметром 4 мм. Орнамент частично стерт, мотивы его неясны (рис. 3, 2, 5). В костяном предмете находились мелкие железные изделия (рис. 3, 4).

Рис. 4. Керамика из погребений

1, 2 — погр. 7, кург. 3; 3 — кург. 4

Погребение 4 — эпохи поздней бронзы, впускное. Открыто в насыпи, в ее юго-западном секторе, на глубине 0,98 м. Скелет мужчины лежал скорченно на левом боку головой на восток. Руки согнуты в локтях: кисть правой — у подбородка, левой — под правым коленом.

Перед лицом погребенного находились фрагменты стенок лепного сосуда.

Погребение 5 — впускное, хронологически неопределенное. Расчищено в южной поле, у границы первоначальной насыпи на глубине 0,93 м. Яма не прослеживается, положение погребенного не восстанавливается.

Погребение 6 — впускное, хронологически неопределенное, находилось в юго-восточном секторе у границы первоначальной насыпи на глубине 1,04 м. Яма не прослеживается. Погребенный мужчина положен вытянуто на спине, головой на юг—юго-восток. Руки вытянуты вдоль тела, кисти у таза. У левого плеча — фрагменты стенок гончарного коричневоглиняного сосуда.

Погребение 7 — впускное, сарматское. Расположено в северо-восточном секторе в предматерике на глубине 1,95 м. Яма не прослеживалась, но дно ее было покатым к северо-западу—западу. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад—запад. Правая рука вытянута, кисть на правом бедре, левая согнута в локте, предплечье поперек груди, кисть у правого плеча. В головах погребенного находились красноглиняная миска (рис. 4, 2), чаша с тремя ручками (рис. 4, 1), нога и ребра барана. На ногах обнаружен тонкостенный красноглиняный кувшин, разбитый скрепером (рис. 2, 3).

Погребение 8 впускное, неопределенное по времени. Расположено на краю первоначальной насыпи в северо-западном секторе, в погребенной почве на глубине 1,65 м. Яма не прослеживалась. Сохранились отдельные кости взрослого человека и фрагменты керамики.

Погребение 9 впускное, эпохи средней бронзы. В центре кургана впускена катакомба, входная шахта которой была видна в центральной бровке. Северная часть шахты просела в яму погребения 10. Дно ее находилось в погребенной почве на глубине 1,45—1,74 м. Форма шахты неясна. Восточная стенка ее вертикальна, западная прослеживалась с трудом. Дно спускалось в камеру уступом высотой 0,7 м и находилось

в материке на глубине 2,43—2,52 м. Камера имеет неправильную форму, ориентирована по линии юго-восток—восток — северо-запад—запад, свод просел. На дне камеры спиной к входу лежит скелет взрослого человека, скорченно на правом боку с разворотом на спину, головой на северо-запад—запад. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть на тазу, левая согнута в локте, предплечье поперек живота, кисть под правым предплечьем.

Погребение 10 впускное, сарматское. Яма прослежена с глубины 2,03 м. Дно находилось в материке на глубине 2,36—2,5 м: Могила, вероятно, была подбойной, с узкого юго-восточного — восточного конца камеры дно повышалось, образуя ступеньку высотой 6—7 см. Оседание свода подбоя разрушило северную часть шахты погребения 9. Просторная вытянутая камера ориентирована по линии северо-запад—запад — юго-восток—восток. Размеры ее: длина 3,16 м, ширина северо-западного—западного конца 1,3 м, юго-восточного—восточного конца 0,6 м. По оси ее вытянуто на спине головой на северо-запад—запад лежал скелет взрослого человека. Правая рука согнута в локте, кисть на левом крыле таза, левая рука вытянута вдоль тела. В ногах погребенного лежала передняя часть барана и фрагмент однопозвонкового железного ножа.

Погребение 11 впускное, хронологически неопределенное. Находилось в юго-западном секторе на глубине 2,3 м, в материке. Могильная яма не прослеживалась, но грунт в этом месте был более мягкий. От погребенного ребенка остался череп и три позвонка, лежащие в анатомическом порядке.

Погребение 12 впускное, эпохи средней бронзы. Совершено в западной поле в центральной бровке на границе погребенной почвы и материка (глубина 1,73 м). Яма не прослеживалась, поэтому погребение было частично разрушено скрепером. Взрослый и ребенок лежали рядом скорченно на правом боку головой на север. От скелета ребенка сохранились только кости ног. У взрослого скрепером срезана верхняя часть туловища и стопы. Он был слегка развернут на спину, правая рука была вытянута вдоль тела, кисть у колен, левая согнута в локте, кисть у предплечья правой руки. Погребенные лежали на темно-коричневой подстилке, густо посыпанной охрой. На расстоянии 1 м к западу от погребения, в 10 см выше найден череп овцы. Скорее всего, захоронение 12 было совершено в катакомбе, череп овцы находился в ее шахте.

Погребение 13 основное (?). Расположено в юго-западном секторе в материке на глубине 1,92 м. Зафиксирована яма, прорезанная погребением 9. Яма, очевидно, была прямоугольной, ориентированной по линии северо-восток—юго-запад. Дно ровное, с небольшим перепадом к юго-восточной стенке (3 см). Ширина ямы 0,75 м. В процессе расчистки у дна ямы встречались мелкие фрагменты костей человека. Подобного типа неширокие прямоугольные ямы в исследуемом районе Прикубанья часто содержат погребения эпохи ранней бронзы. Возможен такой вариант и в данном случае (учитывая размеры ямы, погребение могло быть детским).

Курган 4 находится в южной части могильника. Это слабо заметная расплывшаяся насыпь диаметром 20 м, высотой 0,25 м. В профиле бровки видна первоначальная насыпь диаметром 12,8 м (рис. 2, 7). В кургане обнаружены три погребения и в восьми местах отдельные кости животных и фрагмент терочника (рис. 1, 2).

Погребение 1 впускное, эпохи поздней бронзы. Расположено в северо-западном секторе кургана на глубине 1,17 м. Могильная яма не прослеживается. Скелет пожилого мужчины лежал скорченно на правом боку, завалившись на живот, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кисти перед грудью.

Погребение 2 впускное, сарматское. Открыто в северо-западном секторе, в погребенной почве, на глубине 1,5 м. Могильная яма не прослежена. Подросток был положен вытянуто на спине, головой на юго-запад—

запад, руки его вытянуты и прижаты к туловищу. Под ним — пятно черного глина. На груди погребенного лежало фрагментированное бронзовое зеркало, аналогичное зеркалу из погребения 11 кургана 1. Диаметр его 15 см, длина рукояти — 5,8 см, ширина у основания — 3,2 см. У правой бедренной кости с внутренней стороны находились два железных втульчатых трехлопастных наконечника стрел (рис. 1, 4). Длина — 4,2 и 2,5 см; длина пера — 2,2 и 1,3 см. В ногах лежала передняя нога барана с лопаткой и ребра. Около нее стоял большой лепной кувшин с невысоким горлом (рис. 2, 4). По-видимому, к этому же погребению относится маленький красноглиняный сосудик с петлевидной ручкой, перемещенный скрепером (рис. 4, 3).

Погребение 3 основное (?). Открыто в восточной траншее в погребенной почве на глубине 1,47 м. Могильная яма не прослежена. На белой подстилке лежали отдельные фрагменты костей человека.

Высокий уровень грунтовых вод препятствовал дальнейшему исследованию кургана, едва удалось дойти до материка. Поэтому, не исключено, что основное погребение открыто не удалось.

Курган 1 был сооружен в эпоху ранней бронзы, к которой относятся погребения 13 и 14. Положение покойников скорченно на спине характерно для обряда ямной культурно-исторической общности более северных районов и не свойственно погребениям ранней бронзы исследуемой территории, где в этот период распространен новотитаровский тип памятников⁵. Стратиграфические наблюдения о перекрытии ямного погребения с восточной ориентировкой захоронением, ориентированным на запад, подтверждают вывод В. А. Трифонова о позднем появлении в Прикубанье племен ямной культуры, хоронивших умерших с западной ориентировкой⁶. По предложенной им хронологической схеме погребения 13 и 14 из кургана 1 в целом относятся к 2700—2200(?) гг. до н. э. Период катакомбной культуры в могильнике Греки IV представлен погребениями 12 кургана 1 и 9 и 12 кургана 3.

Эпоха поздней бронзы, к которой относятся погребения 1 и 4 кургана 1, погребение 4 кургана 3 и погребение 1 кургана 4, характеризуется распространением признаков, свойственных срубным памятникам. В степном Прикубанье, как и на всей территории распространения срубной культурно-исторической общности, происходит стандартизация погребального обряда, однако наблюдаются и местные особенности: примерно половина погребенных лежит на правом боку, в то время как в других районах абсолютно преобладает положение на левом боку; значительно больше процент погребений с западной ориентировкой. Сосуды из погребения 1 типичны для позднебронзовых комплексов Прикубанья, но отличаются от классических форм срубной керамики Подонья и Поволжья. Аналогии им находятся в срубных памятниках Северного Причерноморья⁷, относящихся к сабакиновскому этапу (XIII—XII вв. до н. э.). По-видимому, к этому времени должны относиться и срубные погребения Прикубанья, которым, очевидно, предшествуют комплексы культуры многоваликовой керамики⁸. Против более ранней датировки свидетельствует также немногочисленность раннесрубной керамики, широко распространенной в Подонье и Поволжье⁹. Вопрос о финальной бронзе Прикубанья пока остается открытым. Плодотворной представляется идея о существовании здесь кобяковской культуры.

Раскопанные сарматские погребения 11 кургана 1; 7 и 10 кургана 3, 2 кургана 4 относятся к III хронологической группе по периодизации Н. В. Анфимова и датируются III—первой половиной I в. до н. э.¹⁰ Именно в этот период отмечено распространение подбойных захоронений, чаш с тремя ручками и зеркал с выступами.

Представляет интерес погребение 3 кургана 3, содержащее орнаментированное костяное изделие, которое определяется исследователями как горло бурдюка. Аналогии ему находятся в памятниках салтово-маяцкой культуры XIII—X вв. до н. э.¹¹

- ¹ *Гей А. Н., Рябова В. Я., Сорокина И. А.* Отчеты о работах Понурского отряда в 1979—1982 гг. // Архив ИА АН СССР.
- ² Раскопки кургана 1 начаты О. А. Ульяновой (погребения 1—7). Ею же составлено описание этих погребений для отчета в ОПИ.
- ³ На планах курганов номер комплекса обозначен римской цифрой, номер погребения — арабской.
- ⁴ Определения выполнены антропологом Г. П. Романовой.
- ⁵ *Козенкова В. И.* Новые материалы по бронзовому веку в западном Предкавказье. — КСИА. 1973. Вып. 134. С. 64—67; *Сафронов В. А.* Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: (Тез. докл.). М., 1980. С. 7; *Гей А. Н.* Раскопки курганов на р. Понуре в 1981 г. // АО 1981 г. М., 1983. С. 112.
- ⁶ *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 11.
- ⁷ Вильнянские курганы в Днепровском надпорожье. Киев, 1977. С. 13. Рис. 1. С. 45. Рис. 2 и т. д.
- ⁸ *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье... С. 25.
- ⁹ *Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Резепкин А. Д., Трифонов В. А., Бестужев Г. Н.* Работы Кубанской экспедиции // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. Л., 1983. С. 13.
- ¹⁰ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 169—191.
- ¹¹ *Артамонов М. И.* Саркел—Беля Вежа // МИА, 1958. № 62. С. 40, 41. Рис. 27; *Плетнева С. А.* Подгоровский могильник // СА. 1962. № 3. С. 248, 249; *Она же.* От кочевий к городам. М., 1967. С. 155; *Красильников К. И.* Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979. № 2. С. 85.

ХРОНИКА

Г. Е. АФАНАСЬЕВ, М. В. АЛЕКСАНДРОВА

СЕКТОР ОХРАННЫХ РАСКОПОК В 1982—1984 ГГ.

Сектор охранных раскопок является подразделением Отдела археологической службы Института археологии АН СССР (зав. отделом В. В. Седов), созданного в 1984 г. на основе двух секторов: Археологических сводов и Новостроечных и хозяйственных экспедиций. Основная задача, стоящая перед сотрудниками сектора — организация и проведение на договорных началах археологических исследований в зонах новостроек в соответствии с законом СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры»*.

Археологические исследования на новостройках проводятся по заявкам министерств, ведомств, проектных, строительных и других организаций. Эти работы ведутся в двух направлениях. Первое из них — разработка мероприятий по обеспечению сохранности археологических памятников в зонах проектируемого строительства, т. е. проведение разведок, составление документации, обосновывающей необходимость стационарных археологических исследований в данном районе, определение их стоимости, выработка рекомендаций по наиболее рациональному с точки зрения сохранности памятников размещению объектов строительства. Второе направление (или второй этап археологических исследований на новостройках) — проведение стационарных раскопок тех памятников, которым угрожают строительные работы.

В 1982—1984 гг. сектор организовывал ежегодно 20—22 экспедиции. Почти все экспедиции многолетние, пять — постоянно действующие. В 1982 г. по договорам с заказчиками освоено 524 тыс. руб., в 1983 г. — 555 тыс. руб., в 1984 г. — 671 тыс. руб. Наиболее крупными экспедициями являются Северо-Кавказская, Анапская, Деснинская, Ставропольская, Калининская, Волго-Окская, Маргианская, Фанагорийская, Клин-Ярская, Алтайская. Пять из них возглавляют сотрудники сектора, остальные — научные сотрудники других подразделений института.

Полевые исследования велись в 25 областях и краях РСФСР, а также в Казахской, Туркменской и Киргизской ССР. Стационарные раскопки проводились на нескольких десятках поселений различных эпох, курганных группах и грунтовых могильниках. Разведочными работами выявлено и нанесено на археологические карты свыше 2000 памятников.

Результаты полевых работ экспедиций Северо-Кавказской (нач. А. Н. Гей), Ставропольской (нач. С. Н. Кореневский), Анапской (нач. Е. М. Алексеева), Деснинской (нач. А. С. Смирнов), Волго-Окской (нач. А. Е. Леонтьев), Маргианской (нач. В. И. Сариниди) и Псковской (нач. В. В. Седов) освещены в специальных статьях, помещенных в настоящем сборнике. Ниже дается краткая информация о работах других экспедиций и отрядов.

Калининская экспедиция (нач. Л. В. Кольцов) в 1983—1984 гг. вела разведочные и стационарные исследования в Ржевском и Удомельском р-нах Калининской обл., а также в г. Калинин. В работах экспедиции

* Правда. 1977. 1 марта.

принимали участие сотрудники Калининского госуниверситета и Калининского государственного объединенного музея. Стационарные исследования проведены на 11 поселениях каменного века, средневековых селищах. Раскопаны также два кургана и сопка, на площади 600 кв. м изучен культурный слой древней Твери.

Славянский отряд экспедиции (нач. И. В. Исланова) в 1984 г. обследовал 18 памятников, произвел рекогносцировочные раскопки двух селищ и грунтового могильника, раскопал сопку и неолитическую стоянку на площади 300 кв. м. Суконцевский отряд (нач. А. Н. Сорокин) производил раскопки мезолитических стоянок Суконцево 3 и Суконцево 7 в Ржевском р-не. Неолитическим отрядом (нач. В. В. Сидоров) исследованы поселения по берегам оз. Удомля: Стан 1, Стан 2, Троица 1, Удомля 2, Юрьевская горка и Васильевская. Разведками обнаружены городище железного века, средневековое селище, две стоянки бронзового и каменного века.

Алтайская экспедиция (нач. В. А. Могильников) в 1982—1984 гг. исследовала 48 курганов, содержащих около 150 погребений V—III вв. до н. э. и IX—X вв. н. э. в Алтайском крае. В 1982 г. проведена разведка, в ходе которой обследовано более 150 памятников, главным образом раннего железного века. В 1984 г. были возобновлены разведочные работы в Тюменской, Курганской и северной части Кустанайской областей. Разведки под руководством А. В. Куйбышева, в которых принимали участие сотрудники местных научных учреждений, охватили большой регион. Здесь выявлено более 50 археологических памятников.

В 1984 г. возобновила работы Таманская экспедиция под руководством Ю. М. Десятчикова. В Темрюкском р-не Краснодарского края исследовались античное поселение «Береговое» и два кургана. Курганы содержали уникальные погребальные сооружения: шахты, обложенные сырцовым кирпичом, представляющие в плане круг, вписанный в четырехугольник.

Разведочный отряд экспедиции (нач. Я. М. Паромов) продолжал работы по составлению археологической карты Таманского полуострова. Ильичевский отряд под руководством Э. Я. Николаевой продолжал раскопки городища у пос. Ильич Темрюкского р-на Краснодарского края. Исследованы мастерская стеклодува, башня у ворот и другие объекты.

Фанагорийская экспедиция (нач. В. С. Долгоруков) продолжала исследования античного города Фанагория и его некрополя. Жилые и ремесленные кварталы города изучены на площади 1775 кв. м, некрополь — на площади 125 кв. м.

Клин-Ярская экспедиция (нач. В. С. Флеров) производила охранные раскопки в урочище Клин Яр на окраине г. Кисловодска. Исследовались поселение и могильник кобанской культуры, а также средневековый катакомбный могильник. На могильнике изучено 27 погребений, на поселении (вскрыта площадь в 1336 кв. м) раскопаны остатки каменных оснований наземных жилищ, очаги, жертвенники, сплошные каменные вымостки, возможно, улицы. Собрана большая коллекция керамики, предметы из бронзы, кости, камня.

Маргианская экспедиция (нач. В. И. Сарияниди) в 1983—1984 гг. двумя отрядами производила археологические разведки и раскопки от Шатлыка до Хивы в Марыйской обл. Туркменской ССР. Стационарные раскопки проведены на наиболее северных оседлоземледельческих памятниках Туркмении эпохи бронзы и раннего железа — Гонур 1 и Тоголок 21. На первом вскрыта площадь около 5000 кв. м, на втором — 300 кв. м. Исследовались также укрепления и замки (поселение Уч-Тепе и др.).

Причерноморская экспедиция (нач. В. В. Бжания) Института археологии АН СССР и Абхазского ИЯЛИ АН Грузинской ССР провела стационарные раскопки Кистрикского поселения в районе г. Гудаута Абхазской АССР, где изучена площадь в 3 тыс. кв. м. Выявлены слои неолитический (VI тысячелетие до н. э.) и эпохи поздней бронзы (VIII—VI вв. до н. э.). Среди находок — каменные шлифованные топоры, бронзовые орудия, золотые украшения. На грунтовом могильнике в г. Гагра изу-

чено восемь погребений, у с. Хуап Гудаутского р-на раскопано три дольмена. Проведены также разведки на трассах мелиоративных каналов в Очамчирском р-не и рекогносцировочные раскопки четырех неолитических поселений в Гульрипшском р-не.

Северная экспедиция (нач. С. В. Ошибкина) проводила работы в бассейнах озер Лача, Воже, Кубенское, Белое и р. Сухоны. Стационарные раскопки велись на мезолитических и неолитических стоянках Веретье, Попово, Векса 1, мезолитическом и средневековом могильнике Попово. Онежско-Сухонский отряд экспедиции под руководством Н. А. Макарова исследовал курганную группу Никольское III на р. Кемь, где изучено 47 погребений XI в.

Северо-Западная экспедиция (нач. М. П. Зимина) в Боровичском, Хвойницком, Любытинском и Мошенском р-нах Новгородской обл. обследовала памятники, разрушаемые сельскохозяйственными работами. Стационарно изучалось поселение эпохи неолита и энеолита и расположенный здесь же неолитический могильник. Небольшие раскопки проведены на неолитических стоянках Ямное, Ситное 1, Карабожа, Мельница. У озер Ямное, Ракитное, Карабожа выявлено 11 неолитических стоянок.

Поволжская экспедиция (нач. В. В. Дворниченко) продолжила охраняемые раскопки на золотоордынском городище у с. Селитренное в Астраханской обл., где за три года исследована площадь около 3500 кв. м. У с. Косика Астраханской обл. исследовано два бескурганых погребения сарматского времени, одно из которых содержало уникальные золотые украшения и сосуды.

Курская экспедиция двумя отрядами продолжала исследования на р. Тускарь. Скифский отряд под руководством А. И. Пузиковой изучал поселения скифского времени Жерновец 3, Переверзево 1, Переверзево 2, Глебово. Общая площадь, вскрытая раскопками за три года, превышает 2000 кв. м. Роменский отряд под руководством А. А. Узянова исследовал памятники роменской культуры (два городища, три курганные группы с 30 погребениями, селище), а также стоянку эпохи бронзы и селище первых вв. н. э. Разведками впервые для указанной территории выявлены роменские древности последней четверти X—первой четверти XI в. Составлена исчерпывающая археологическая карта бассейна р. Тускарь.

Горьковская экспедиция (нач. М. Г. Жилин) выявила около 300 памятников разных эпох — от мезолита до позднего средневековья. Стационарные раскопки проводились на четырех мезолитических и двух неолитических стоянках, средневековом селище и двух грунтовых могильниках. Наиболее интересны стоянки Велетьминская 2 и 9 (мезолит—неолит), Жуковская 4 (неолит), могильники Велетьминский и Выполозовский.

Цнинская экспедиция (нач. Р. Ф. Воронина) в 1983—1984 гг. исследовала мордовский Лядинский могильник IX—XI вв. (изучено 57 погребений).

Волго-Уральская экспедиция (нач. Л. Л. Галкин) Института археологии АН СССР и географического факультета МГУ продолжала исследование памятников на территории Гурьевской и Мангышлакской обл., Казахской ССР. Разведками обнаружено пять средневековых городов (три — XIV в., два — XII в.), пять крепостей и три поселения XII в., три поселения эпохи бронзы, три — раннего железного века, семь стоянок эпохи камня, 21 развешенная стоянка эпохи камня и бронзы. Проведены стационарные исследования всех открытых городов (общая площадь раскопов составила более 1300 кв. м) и двух поселений XII в.; раскопано также шесть курганов.

Важной стороной работы сектора продолжала оставаться координация археологических исследований на новостройках, которые ведутся местными научными учреждениями, а также укрепление рабочих связей с областными и краевыми Управлениями культуры, Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры и его местными отделениями. В этом плане весьма эффективным оказалось создание координационного совета по изучению археологических памятников в зонах ново-

строек Краснодарского края, в который входят представители Института археологии АН СССР, Управления культуры Краснодарского крайисполкома, Краснодарского краевого отделения ВООПИК и других организаций. Сектор постоянно оказывал методическую помощь в работах на новостройках Уральскому, Челябинскому, Тюменскому, Кубанскому, Волгоградскому госуниверситетам, Тобольскому пединституту и другим научным учреждениям. В секторе разработана форма опросного листа для получения упорядоченной информации о работе новостроечных экспедиций местных научных учреждений.

Новостроечными экспедициями Института за отчетный период накоплен огромный материал, требующий научной систематизации и осмысления. Сотрудниками сектора за три года подготовлены отчетные материалы общим объемом более 200 авт. л. со 108 томами иллюстраций. Результаты работ новостроечных экспедиций нашли отражение в вышедших из печати 46 статьях общим объемом 36 авт. л. и 22 заметках. В 1982 г. в Краснодарском книжном издательстве вышел в свет второй том трудов Анапской экспедиции — «Горгиппия» объемом 10 авт. л.; в 1983 г. издательством «Наука» опубликован сборник «Древности Дона» объемом 20 авт. л., посвященный работам Донской экспедиции 1975—1978 гг. Подготовлены монография И. С. Каменецкого «Городище донских меот», 71 статья, 11 заметок, в 1984 г. — сборник «Археологические открытия на новостройках (труды экспедиций сектора охранных раскопок)», посвященный итогам работ Северо-Кавказской экспедиции. В дальнейшем подобные сборники будут подготавливаться ежегодно.

Материалы работ новостроечных экспедиций все чаще становятся предметом диссертационных исследований. В секторе подготовлены две кандидатские диссертации: А. Н. Гея «Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе европейской части СССР» и В. В. Сидорова «Льяловская культура в западной части Волго-Окского междуречья». Заключают работу над диссертациями В. И. Мельник («Степное Поволжье в эпоху средней бронзы») и А. С. Смирнов («Неолит верхней и средней Десны»). Материалы Донской экспедиции легли в основу диссертационного исследования И. А. Сорокиной «Памятники поздней бронзы Сальских степей».

С 1984 г. большинство сотрудников сектора имеют плановые темы, отражающие их индивидуальные научные интересы. Диапазон тем — от каменного века до средневековья. Большинство плановых тем связано с новостроечной тематикой. Так, например, материалы Ставропольской экспедиции стали предметом исследований М. А. Романовской («Курганы Веселой рощи») и С. Н. Корневского («Население региона Кавказских минеральных вод в эпоху бронзы»), И. В. Исланова разрабатывает тему «Население бассейнов верхней и средней Мологи в конце I—начале II тыс. н. э.», в основе которой лежат материалы Волго-Окской и Калининской экспедиций. Ряд сотрудников Сектора работают над проблемами, не связанными с тематикой экспедиций. Так, тема исследования Г. Е. Афанасьева — «Лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры»; связям Кавказа с Передней Азией в раннем бронзовом веке посвящена работа М. В. Андреевой; проблему происхождения срубной культуры в Поволжье разрабатывает Г. Г. Пятых; культурный слой палеолитических поселений открытого типа с остатками жилищ стал предметом исследования М. В. Александровой.

На заседаниях сектора (в 1984 г. их было 23) заслушиваются обстоятельные доклады по итогам работы экспедиций, причем крупные экспедиции, как правило, представляют серии докладов. Наиболее важные в научном плане доклады заслушиваются на заседаниях Отдела археологической службы. Практикуются совместные заседания сектора охранных раскопок и других секторов.

Наряду с докладами, посвященными итогам полевых работ, на заседаниях сектора ставятся вопросы исторической интерпретации археологических материалов (доклад И. С. Каменецкого и Г. П. Романовой «Де-

мография Усть-Лабинской группы меотов»), обсуждаются работы обобщающего характера (доклады И. С. Каменецкого «Городища донских меотов» и Г. Е. Афанасьева «Этническая территория буртасов второй половины VIII—начала X вв.»), затрагиваются вопросы методики и теории археологической науки (доклад П. Ю. Черношвитова «Демографические, экономические и социальные процессы как фактор изменения археологических культур»), обсуждаются плановые темы.

В 1982—1984 гг. сотрудниками Сектора охранных раскопок сделан 21 доклад на заседаниях других секторов Института и его ленинградского отделения, например, доклады М. В. Андреевой «О месте дидубекинетской группы среди раннебронзовых памятников Кавказа»; И. С. Каменецкого «Формула культурного слоя», М. А. Романовской «Стратифицированные курганы Веселой Рощи» и др.

Сотрудники сектора участвовали в 16 региональных и проблемных археологических конференциях и семинарах, где ими было сделано 26 докладов.

Для сотрудников сектора стало традицией выступать в период полевых работ с лекциями перед местным населением, строителями, учащимися, организовывать экскурсии по раскопкам. Практически во всех экспедициях за сезон проводится несколько таких лекций и экскурсий. Сотрудниками сектора в 1982—1984 гг. опубликовано шесть статей в научно-популярных журналах и газетах, две статьи находятся в печати. Систематически проводились занятия с членами археологических кружков при ГМИИ им. Пушкина и ГИМе. И. С. Каменецким прочитан курс лекций «Формализация в археологии» для аспирантов Института археологии АН СССР, по этой же теме составлена программа спецкурса.

По масштабам исследований на новостройках Институт археологии АН СССР занимает ведущее положение среди других научных организаций, осуществляющих археологическую службу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВООПАК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
- ИА — Институт археологии Академии наук СССР
- ИАК — Известия императорской археологической комиссии
- ИАО — Известия императорского археологического общества
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
- ИИМК — Институт истории материальной культуры
- КАТЭК — Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс
- КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
- МАР — Материалы по археологии России. СПб.
- МГУ — Московский Государственный университет
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- ОАК — Отчеты Археологической комиссии
- ОПИ — Отдел полевых исследований ИА АН СССР
- РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
- ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской комплексной экспедиции
- ЮТАКЭ — Южно-Туркменская комплексная экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>А. Е. Леонтьев, В. В. Сидоров, И. В. Исланова.</i> Волго-Окская экспедиция в 1977—1983 гг.	3
<i>А. С. Смирнов.</i> Деснинская экспедиция в 1977—1983 гг.	20
<i>А. Н. Сорокин</i> Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснинской экспедиции)	28
<i>А. Н. Гей, И. С. Каменецкий.</i> Северо-Кавказская экспедиция в 1979—1983 гг.	36
<i>С. Н. Корневский, В. Г. Петренко, М. А. Романовская.</i> Работы Ставропольской экспедиции	51
<i>Е. М. Алексеева.</i> Анапская экспедиция в 1973—1984 гг.	61
<i>Я. М. Паромов.</i> Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981—1983 гг.	69
<i>В. В. Седов, С. В. Белецкий.</i> Псковская экспедиция в 1980—1984 гг. . .	76
<i>В. И. Сариниди.</i> Бронзовый век Маргианы	83

Публикации

<i>Э. Б. Вадецкая, С. Б. Гультов.</i> Исследования в Красноярском крае в 1982—1984 гг.	92
<i>Л. Б. Вишняцкий, Г. Н. Курочкин, А. Н. Мелентьев, Н. Ф. Лисицын.</i> Палеолитическая стоянка в Красноярском крае	100
<i>М. В. Андреева.</i> Курганы эпохи бронзы у г. Светлограда (Ставропольский край)	106
<i>И. А. Сорокина.</i> Курганный могильник Греки IV в степном Прикубанье	114

Хроника

<i>Г. Е. Афанасьев, М. В. Александрова.</i> Сектор охранных раскопок в 1982—1984 гг.	123
--	-----

Археологические исследования на новостройках КСИА, вып. 188

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян. Художественный редактор Г. П. Валлас.

Технический редактор В. В. Тарасова. Корректор Г. Н. Джиоева.

ИБ № 32117

Сдано в набор 6.06.86. Подписано к печати 21.08.86. Т-13847. Формат 70×108¹/₁₆.

Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ.

л. 11.2. Усл. кр.-от. 11.2. Уч.-изд. л. 12.5. Тираж 1700 экз. Тип. зак. 512.

Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12